

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2026
Том 8, № 1

2026
Vol. 8, no. 1

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия
имени В. М. Лебедева

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория K1), включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (3 уровень).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

Отпечатано в ОАО «Паблит» (Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1).

Подписано в печать 20.03.2026, выход в свет: 31.03.2026

Формат 70×100/16

Объем 15,6 усл. печ. л.

Тир. 120 экз. Свободная цена

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal's aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1), included in the Unified State List of Scientific Publications – “White List” (level 3).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:
69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Pablit” (build. 1, 31B, Polyarnaya St., Moscow).
Signed to print 20.03.2026, publication date: 31.03.2026
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 120. Flexible price

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антошин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Тисен Ольга Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Olga N. Tisen (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Антюшин С. С.</i> Введение в методологию социальной идентичности. Часть II: Основные признаки и параметры идентичности	8
<i>Дубинин М. Г.</i> Судебное решение: коммуникация, легитимация и культура	24
<i>Петров А. А.</i> Моделирование систем разрешения коллизий норм права в интерпретации Карлоса Гонсалеса	33
<i>Колыванцева М. А.</i> О природе и сущности государства и государственного властвования в учении Ф. В. Тарановского (начало XX в.)	50
<i>Власова Т. В., Колунтаев С. А.</i> Правовая терминология Средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетическая связь с Византией (X–XV вв.)	61

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Кучина Я. О.</i> Искусственный интеллект в современном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ путей внедрения на примере Сингапура, Малайзии и КНР	80
---	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Исаев Э. Е.</i> Превентивная функция правовой процессуальной политики в целеполагании гражданского процесса	95
<i>Урчукова Е. Х.</i> Применение современных технологий в отправлении правосудия	111
<i>Филатова У. Б., Усачева Е. А.</i> Правовой статус постмортальных детей: в поисках концепции	125
<i>Гринева А. В.</i> О публичном освобождении родителя, проживающего отдельно от ребенка, от обязанности по его воспитанию	144

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Арямов А. А.</i> Международные трибуналы «кенгуру» (kangaroo court): «мягкая сила» в сфере уголовного права	155
<i>Туркова Н. М.</i> Теоретические и методологические аспекты интеграции нейросетевых технологий в судебно-экспертную деятельность	167

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Чернядьева Н. А.</i> Взаимодействие международного и национального права в контексте дуалистической теории	181
--	-----

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>S. S. Antyushin</i> . Introduction to the methodology of the social identity. Part II: The main features and parameters of the identity	8
<i>M. G. Dubinin</i> . Judicial decision: communication, legitimation, and culture	24
<i>A. A. Petrov</i> . Modeling systems of legal conflicts resolution in Carlos González's interpretation	33
<i>M. A. Kolyvantseva</i> . On the nature and essence of the state and state rule in the teachings of F. V. Taranovsky (early 20th century)	50
<i>T. V. Vlasova, S. A. Koluntaev</i> . The legal terminology of Medieval Russia (XI–XVI centuries) and its genetic connection with Byzantium (X–XV centuries)	61

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Ya. O. Kuchina</i> . Artificial intelligence in modern judicial proceedings: a comparative legal analysis of implementation pathways using the examples of Singapore, Malaysia, and the PRC	80
--	----

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>E. E. Isaev</i> . Preventive function of legal procedural policy in the goal-setting of civil proceedings	95
<i>E. Kh. Urchukova</i> . The usage of modern technologies in the administration of justice	111
<i>U. B. Filatova, E. A. Usacheva</i> . Legal status of post-mortal children: in search of a concept	125
<i>A. V. Grineva</i> . On the public release of a parent living separately from a child from the duty of upbringing	144

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>A. A. Aryamov</i> . Kangaroo court international tribunals: “soft power” in the field of criminal law	155
<i>N. M. Turkova</i> . Theoretical and methodological aspects of integrating neural network technologies into forensic science	167

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

<i>N. A. Chernyadeva</i> . Interaction of international and national law in the context of dualistic theory	181
--	-----

Научная статья

УДК 122, 14

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.8-23



Введение в методологию социальной идентичности. Часть II: Основные признаки и параметры идентичности*

Сергей Сергеевич Антюшин^{1, 2}

¹ Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

² Академия военных наук, Москва, Российская Федерация

¹ Serg.Ant@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9341-1834>

Аннотация

Введение. Проблематика социальной идентичности занимает важное место среди теоретических вопросов философского и социально-гуманитарного знания и вместе с тем имеет практикоориентированный характер, содействует решению широкого круга практических задач социального воспроизводства. Выявление и осмысление идентичности редуцируются к вопросам определения меры соответствия схожих между собой фрагментов, процессов, явлений, параметров действительности или одного и того же явления в разных фазах его существования.

Методы. Философия как наиболее универсальная система знаний систематизирует опыт самых значимых форм освоения действительности, позволяя решать поставленные задачи, и придает этому концентрированному, упорядоченному опыту концептуальный характер. В работе использованы диалектический, исторический методы, метод системного анализа.

Результаты исследования. Получили развитие положения о ранее выявленных атрибутивных признаках социальной идентичности. Рассмотрено содержание понятий «осознанность», «приверженность», «воспроизводство» применительно к социальной идентичности. Выявлены основные параметры идентичности: ясность, глубина, сложность. Осуществлена экспликация этих понятий.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод о наличии оснований для построения модели социальной идентичности, выявления и анализа ее содержания.

Ключевые слова: идентичность, методология, философия, рациональность, культура, человек, социальное развитие, субъект, общественные отношения

* Часть I опубликована в № 2/2025 журнала «Правосудие/Justice».

Для цитирования: Антюшин С. С. Введение в методологию социальной идентичности. Часть II: Основные признаки и параметры идентичности // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 8–23. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.8-23.

Original article

Introduction to the Methodology of the Social Identity. Part II: The Main Features and Parameters of the Identity*

Sergey S. Antyushin^{1, 2}

¹ *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

² *Academy of Military Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *Serg.Ant@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9341-1834>*

Abstract

Introduction. The problem of the social identity occupies an important place among the theoretical issues of philosophical and socio-humanitarian knowledge and it is associated with the solving of a wide range of the practical social reproduction. Identification and comprehension of identity are reduced to the tasks of the measure of correspondence determining of similar fragments, processes, phenomena, parameters of reality or the same phenomenon in different phases of its existence.

Methods. Philosophy as the most universal system of knowledge systematizes the experience of the most significant forms of mastering reality as well as all other tools that allow solving tasks and gives this concentrated, ordered experience of a conceptual character. The work uses dialectical, historical methods, and the method of systems analysis.

Results. The provisions on the previously identified attributive features of the social identity have been developed. The content of the concepts “awareness”, “commitment”, “reproduction” in relation to social identity is considered. The main parameters of identity are revealed as clarity, depth, complexity of the identity. The explication of these concepts is carried out.

Discussion and Conclusion. The conclusion is made about the preparation of the foundations for building of a model of the social identity, identifying and analyzing its content.

Keywords: the identity, the methodology, philosophy, rationality, culture, a man, the social development, a subject, public relations

For citation: Antyushin S. S. Introduction to the methodology of the social identity. Part II: The main features and parameters of the identity. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):8-23. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.8-23.

* Part I was published in: *Pravosudie/Justice*. 2025. Vol. 7, no. 2.

Введение

Формирование методологии идентичности представляет собой комплекс взаимосвязанных задач теоретического и практического характера. И результат, и процесс в активности такого рода является значимым и необходимым проявлением как решения конкретных (в данном случае связанных с пониманием сущности, смыслов идентичности, ее роли в решении многих задач, неизбежных в ходе освоения действительности) вопросов, так и становления культуры в целом. Эта деятельность имеет значение как для проблематики философско-общенаучного уровня и масштаба, так и в интересах развития иных форм освоения действительности, конкретных когнитивных ситуаций. Полученные результаты могут быть использованы в философских и иных научных исследованиях. Методология социальной идентичности, соответственно, важна в первую очередь для систем научного знания социально-гуманитарного блока, таких как история, социология, политология, культурология и др.

Решение различных задач методологического и в целом теоретического уровня, так или иначе связанных с проблематикой социальной идентичности (как и вообще идентичности), выходит далеко за рамки «академических» интересов. Теоретический уровень человеческой активности, как следует из всего предшествующего опыта истории земной цивилизации, представляет собой необходимое условие решения практических задач в процессе освоения действительности, адаптации человечества к непрерывно меняющимся условиям своего существования: «внешним» – «со стороны» природы и внутренним – порождаемым развитием культуры, усложнением социальных систем, столкновением интересов. Вопросы идентичности практического уровня в рамках социальной проблематики (не касаясь общефилософских, общенаучных, технических и иных важных уровней, систем знания, общесторических задач) особенно важны при смене моделей социальной организации, трансформации «центров силы», геополитической ситуации. В первой половине XXI в. мир и Россия переживают именно такой период...

Со временем теоретическая составляющая будет играть все большую роль в активности человека, спектре его интересов, шкале ценностей. Эта трансформация по мере усложнения культуры, общественного и индивидуального мировоззрения столь же объективна и неизбежна, как повышение значения сферы обслуживания или информации, которая имеет все большее значение в экономике, политике и т. д. в постиндустриальную эпоху. Однако и в самом начале третьего тысячелетия, несмотря на наступление очередной поры непростых и весьма значимых исторических перемен, теоретические вопросы осмысления идентичности важны для науки, философии, культурологии, истории и других научных дисциплин, «регулярных» систем смыслов.

Методы

Вследствие широкого спектра видов познавательно-преобразовательной деятельности, где возникают вопросы идентичности (субъектов, объектов, процессов, явлений...), – от глубоких научных исследований, социальных прогнозов, осуществления масштабных проектов в сфере безопасности страны до формирования комплекса оценочных средств в образовании или противодействия преступной деятельности мошенников всех типов и уровней – ин-

струментарий изучения данного явления ограничивается лишь опытом исследователя и задачами, стоящими перед ним непосредственно в рамках данного изыскания.

Не стоит безусловно разделять позицию П. Фейерабенда, утверждавшего, что «...теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок... хотя анархизм, быть может, и не самая привлекательная политическая философия, он, безусловно, необходим как эпистемологии, так и философии науки» [1, с. 37]. Но нельзя не согласиться с ним в том, что анархизм в науке как элемент творчества, выход за рамки уже достигнутого, способность взглянуть на действительность по-новому существенно (а в некоторых смыслах и диаметрально противоположно) отличается по значению для общественного прогресса от анархизма политического, идеологического, религиозного [1, с. 188–189].

Поэтому для решения поставленных задач (в данном случае – теоретических) уместно использовать все средства, приближающие к намеченной цели. Однако в качестве универсального способа «сборки» и концентрации результатов рефлексии используются возможности философии – опыт онтологии, гносеологии, этики, социальной философии, философии науки и других компонентов философского знания.

При этом осуществлять анализ, находить решения, делать выводы целесообразно, руководствуясь принципами постнеклассической рациональности, включающей багаж знаний и проверенную методологию классического и неклассического периодов развития науки. Такой подход, по мнению авторитетных ученых, существенно обогащает и философские познавательные позиции, так как, помимо учета традиционных гносеологических и методологических аспектов реальности, акцентирует внимание исследователя на аксиологических проблемах³, обеспечивает «...развитие общенаучной картины мира в русле идеологии глобального эволюционизма, представлений о “человекоразмерных”, исторически развивающихся системах и идеалов антропокосмизма»⁴.

Это как раз то, чего сегодня часто не хватает в миропонимании наиболее влиятельных субъектов общественных отношений – как внутренних, в рамках одного социума, представленного на международной арене государством, так и внешних, особенно формируемых центрами силы – мировыми игроками, наиболее влиятельными в вопросах геополитики, экономики, военного и информационного могущества, научного потенциала, идеологического влияния. Их реальная (хотя нередко переоцениваемая) мощь провоцирует таких субъектов на предвзятость, установление несправедливых правил решения важнейших вопросов.

Людам свойственно полагаться на «желаемое». Особенно если в своей практической телеологии субъект, прежде всего он сам (!), видит здравый смысл, логику, алгоритм решения поставленных задач, достижения намеченных целей, предполагаемый (в его понимании почти достигнутый, полученный именно им, «сориентированный» на него) результат, «удачно вписывающийся»

³ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы : учеб. для аспирантов и соискателей учен. степени канд. наук. М. : Гардарики, 2006. С. 89.

⁴ Там же. С. 368.

в (его собственный!) «образ будущего». Не так важно, индивид это, группа заинтересованных друг в друге единомышленников или большое так или иначе сплоченное организованное сообщество. Важно, что это социальный актор, общественное образование, которое и изнутри, и снаружи представляет собой упорядоченную целостность, воспринимается как субъект другими субъектами. Однако кажущиеся «достижимость» цели, «доступность» желаемого часто оказываются иллюзорными, обманчивыми.

В науке предвзятость недопустима. И хотя отказаться от своей «человеческой сущности» ученый, исследователь (любой: астроном-теоретик, экономист-аналитик, эксперт-юрист, практик-психолог, военный в условиях боевого планирования, боевых действий, боевого дежурства...) не может, он должен, по крайней мере, осознавать вероятность своих заблуждений в силу различных причин и стремиться к объективности.

Необходимо ясное понимание проблемы, поставленной перед исследователем им самим, «заказчиком» (руководителем, клиентом, коллегой, родственником...), ситуацией. Последнее вытекает из осознанной возникшей необходимости. «Образ будущего», когнитивно-гносеологический ориентир, представление приблизительного результата или гипотетической альтернативы не просто важны, а обязательны. Поэтому в квалификационных научных работах (дипломных, диссертационных исследованиях) в качестве неизменных элементов указываются цели, задачи, объект, предмет, способы действия. Это вызвано накопленным за многие столетия опытом, «культурным» способом жизни человека, который, как писал К. Маркс, сравнивая «самого плохого» архитектора с «наилучшей» пчелой, отличается от пчелы тем, что «...прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [2, с. 189].

Основанная на собственном опыте и знаниях всего человечества, способность человека строить подобные планы, прогнозы, алгоритмы отражает относительно стабильные (сама способность и необходимость прогноза) и трансформирующиеся (степень свободы мысли, мера объективности, обоснованности прогнозов) параметры идентичности.

Даже сравнительно ясное представление цели исследования, аргументированный, логически непротиворечивый прогноз конечного результата не дает оснований делать преждевременные выводы. В начале работы, более или менее длительного и непростого пути исследования финал его может быть представлен (просчитан, определен) лишь в общем виде. И идти к нему стоит поэтапно, последовательно решая все необходимые промежуточные задачи, не фантазируя насчет особенностей, деталей (образа, содержания, организации) конечного результата.

Опираясь на уже достигнутые результаты (в том числе Часть I Введения в методологию идентичности, см.: [3, с. 22–31]), можно продолжать развитие темы в намеченном направлении.

Результаты исследования

Вследствие неисчислимого многообразия видов, типов, особенностей сознания, формировавшихся за всю историю становления культуры и отличающих субъектов, которым то или иное сознание принадлежало, вопросы типичного, атрибутивного, общего и особенного в отношении человека, групп людей,

общества предполагают множество решений. Это в полной мере относится к параметрам идентичности. Тем не менее без определения типичного, атрибутивного в идентичности допустимо создавать системы смыслов разве что художественного содержания.

Такого рода системы играют значительную роль в человеческой рефлексии, выборе приоритетов, целей, способов взаимодействия, самооценке. Наконец, влияние искусства вообще и конкретных произведений, средств выражения смыслов, художественных образов в частности определяет и качество жизни человека (и как следствие совокупности «выбора» субъекта, и как условие его развития, и как его характеристику – его отличительные черты). Однако не только стремление к истине (помимо нужных и вполне допустимых мнений, правды), но и необходимость конструктивного долгосрочного сотрудничества, взаимопонимания между людьми требуют рациональности философско-научного типа (в отличие от философско-религиозного, философско-мифологического, философско-художественного, философско-обыденного, т. е. философского уровня этих «нефилософских», условно-иррациональных форм освоения действительности – уровня предельных обобщений, глубокого «критицизма», саморефлексии). Отсюда вытекает значимость выявления атрибутивных признаков идентичности (идентичности вообще).

Атрибутивные признаки идентичности субъекта социальных отношений

Идентичность субъекта (общественных отношений) невозможна вне его понимания действительности, рефлексии, осмысления своего места и положения в мире, по меньшей мере, в локальной области системы его непосредственных социальных связей. Идентичность реализуется в принятии определенной совокупности культурных ценностей, норм, ответственности, обязательств. Она предполагает достаточную меру отождествления субъекта (себя либо иных субъектов – индивидов, групп, сообществ) с вполне определенной социальной общностью, обладающей социокультурными особенностями, общественно-практической (от мировоззренческо-идеологической до политэкономической, геополитической, военно-политической) определенностью. Идентичность проявляется в характере социальной активности субъекта; в первую очередь по отношению и в связи с общностью, к которой он себя причисляет или из которой себя не выделяет. В определенном смысле в идентичности отражается «культурный код», характеризующий прежде всего с мировоззренческой стороны субъекта, несущего в своем сознании, образе жизни, нормативно-нравственной парадигме отпечаток пространственно-временного фрагмента макросоциальной среды в ее эволюционно-исторической конкретике.

Самая простая схема реализации (алгоритма внешнего проявления) идентичности субъекта заключается в **осознанности** им своей социокультурной определенности, принадлежности к определенной социальной общности; в **приверженности** (идеалам, традициям, нормам, интересам...) конкретной общности, своей социокультурной определенности или (и) к другим взаимодействующим с ней общностям различного уровня и масштаба; в осмысленном участии в жизни своей общности, в **воспроизводстве** социокультурной определенности.

На самом деле «формула социальной идентичности» выглядит намного сложнее. В каждом конкретном случае неизбежно появятся особые элементы, которые необходимо детально описывать и учитывать. Однако (а) осознанность, (б) приверженность, (в) воспроизводство обнаруживаются в любом из модусов актуализации социальной идентичности.

«Осознанность» субъекта представляет собой его «самопонимание», более или менее точную самооценку, но непременно включающую ясное представление о собственной принадлежности к некоторым конкретным сообществам, социальным группам, определенному социокультурному образованию, в том числе, как правило, восприятие в качестве естественной своей государственно-гражданской принадлежности. Субъект ясно представляет себе особенности собственной качественной социокультурной определенности – идеологической, этической, исторической, гражданско-государственной, сословно-классовой, профессиональной, а также понимает, что его собственные индивидуальные особенности, интересы, цели, мера благополучия обусловлены особенностями, интересами, целями, благополучием социального образования, частью которого он себя считает, а также собственным занимаемым местом и ролью, которую он в этом образовании играет.

Не любой субъект, в том числе формально принадлежащий к вполне определенному сообществу, считает себя его неотъемлемой частью. Относиться без должного пиетета, признательности человек может к своему производственному коллективу, к населенному пункту, в котором живет, тем, кто составляет соответственно коллектив, население города или села. Бывает, к общему несчастью, и так, что человек не ценит собственную семью. И собственное государство субъект может не любить. Человек может, будучи гражданином страны, строить свое благополучие на базе системы ее общественных отношений, пользоваться ресурсами данного государства, но не дорожить самой этой гражданской принадлежностью, не относиться с уважением к его народу, его традициям и интересам и, как следствие, не считать себя ему чем-то обязанным. Таким может быть и мелкий жулик, и закоренелый «убежденный» преступник, и ничем внешне не выделяющийся горожанин, и крупный частный собственник, и известный артист, и высокопоставленный чиновник. Идентичность и в этих случаях никуда не исчезает, ведь без нее нет субъекта. Но это иная идентичность, как правило, менее глубокая и сложная, ущербная. В отношении коллективного субъекта она скорее деструктивна, чем нейтральна. Для самого такого субъекта несоответствие его реальной идентичности параметрам и ожиданиям социальной среды, как минимум, неблагоприятно, а может быть, и небезопасно.

Природа подобных явлений и их «социальной профилактики» требует отдельного анализа. А пока придется ограничиться констатацией того, что встречаются ситуации, когда человек не считает себя членом коллектива. Если говорить кратко, то у такого субъекта недостаточно крепки (и многочисленны) связи с обществом, в котором он существует. В его мировоззрении, образе жизни нет глубины и сложности, которые соответствовали бы реальной системе отношений в обществе. Или его «личная внутренняя глубина», взгляды, нормы жизни не соответствуют общепринятым в данном социуме принципам. Его сознание либо настолько бедно, «неплодородно», что в нем «негде укорениться и прорасти» росткам культуры данного социума, либо «за-

полнено» метафизическими ценностями, нравственными принципами, мировоззренческими установками, не совпадающими с ценностями, нормами, установками среды.

Большую роль играет степень осознанности субъектом (индивидуальным и коллективным) своих «корней», целей, ответственности, принципов жизни и взаимодействия с другими субъектами.

«Осознанность» коллективного субъекта, его самооценка, осмысленность его идентичности зависят от глубины самопознания, а также понимания особенностей, целей, отличительных черт сообщества (социокультурной определенности данного социального образования) как можно большим количеством индивидов сообщества, особенно его признанными лидерами, наиболее авторитетными членами данного сообщества.

Чем глубже и сложнее понимание социокультурных особенностей общества, а значит, и своих, чем больше в этом понимании аспектов, уровней, деталей, тем более основательна идентичность, тем значительнее и субъектность активного участника общественных отношений, культурно-исторического процесса. Глубина социальной рефлексии, ясность самопознания, прочность компонентов идентичности, количественные и качественные параметры ее слагаемых обусловлены рядом причин. На них влияют, с одной стороны, особенности культуры и истории общества (от морали до быта), степень его стабильности, отличительные черты и определенность политики государства, нормы и правила взаимодействия составляющих это государство сообществ, организаций, компаний, традиции семьи. С другой стороны, немалое значение имеют особенности отдельного индивида, а также соотношение групп индивидов с идентичностью различной глубины, определенности, устойчивости. Осознанность как важный параметр и неотъемлемую черту социальной идентичности на теоретическом уровне, на этапе выявления сущностных свойств исследуемого объекта, формирования методологической составляющей практической реализации полученных при этом знаний можно свести к рациональному пониманию.

Характер рациональности может быть различным в зависимости от состояния культуры, эпохи, этапа исторического развития конкретного социума. Рациональность (как и идентичность) обусловлена во многом качественными особенностями социальной среды, в которой она формируется. В одних случаях преобладает религиозная рациональность. Так, сколь бы «слепой» ни была вера, она и следование ее нормам, заповедям, принципам основаны на некоей логике, согласно которой человек сам себя считает адептом именно этого модуса веры. В основе самой безоглядной веры (там, где именно она лежит в основе общественных отношений, форм, способов, направлений социальной эволюции) открывается и действует выбор, сделанный самим субъектом: индивидом или большинством наиболее социально активных и авторитетных индивидов группы, сообщества, социальной системы. В противном случае, если человек подчиняется обстоятельствам – грубой силе, угрозам, экономической или физиологической (кажущейся или реальной) безальтернативности собственной ситуации и т. п., – идентичность, возможно, и не востребована. Точнее, она все равно формируется, но чрезвычайно простая, сводящая к минимуму вероятность выбора субъектом (подчиненным внешним обстоятельствам) социокультурной определенности. В определенном смысле субъект

превращается в инструмент или ресурс субъектов – обладателей более глубокой и осознанной идентичности, а следовательно, и более сильной воли, интеллекта, целеполагания.

Дискуссии о соотношении значения в судьбе людей истин веры и разума не стоит принимать за споры о выборе между рациональностью и ее отсутствием. Любой иррационализм в действительности обладает особой рациональностью, основанной не на строгом расчете («строгость» которого тоже может оказаться иллюзорной), а на понимании или ощущении недостатка собственных знаний и соглашении дополнить их авторитетом выработанной в течение столетий культуры социума.

«Приверженность» социокультурной определенности может быть выражена в осознанном принятии субъектом сложившейся совокупности особенностей, характерных черт, образа жизни, идеологических основ, присущих социальной системе, частью которой он себя признает – интуитивно ощущает себя ее частью и (или) чтит ее ценности или вполне рационально относит себя к ней. Субъект руководствуется основными правилами отношения, нормами нравственности, уважает традиции своего сообщества, систему его правовых норм. Язык социума он считает своим родным и (или) наиболее уместным, удобным для всех основных форм социальной активности. Возможен вариант, когда индивид, вступивший в данное сообщество (принявшие гражданство данного государства или поступившие на работу в компанию, организацию, учреждение) признает основным язык, который считают родным большинство членов сообщества, и стремится использовать его в той же мере, в какой им пользуются остальные люди, составляющие данное социальное образование.

Подобным образом и новые, не «коренные» члены сообщества, принятые им и принявшие его в качестве своего, относятся к местным законам, традициям, идеологиям и т. п. В процессе постижения их важности, формирования уважения к ним в сознании индивида или группы людей с изначально отличной от «местной» идентичностью происходит дополнение общечеловеческих императивов и их прежних социокультурных ценностей новыми. Неизбежны коррекция мировоззренческих основ, адаптация их к новой социальной реальности, возникает эффект разворота: иногда незначительного, иногда существенного, иногда безболезненного, иногда с фазой сопротивления. Но всегда – в результате внутреннего осмысления и согласия с этой новой реальностью. Совершаются своеобразные «синхронизация» интересов, ценностей, целей, «корреляция судеб» – «судьбы» локального субъекта с «судьбой» более масштабного. Вновь «прибывший» (в страну, город, трудовой коллектив), встраивающийся в существующую социальную систему индивидуальный или коллективный субъект общественных отношений с отличной от уже существующей в данном социуме идентичностью, как правило, согласует, сопрягает свои мировоззренческие установки, нравственные правила и ценности, привычки и традиции с правилами, целями, нормами, ценностями социума, частью которого он становится.

Похожим образом усложняется, трансформируется религиозный или эстетический компонент идентичности. Например, у верующего закрадывается сомнение в реальности содержания мифов, легенд религиозного характера, а атеист в результате некоего личного опыта становится верующим или «ве-

ротерпимым». Кто-то меняет веру, а у кого-то получается синтезировать (или синхронизировать) элементы разных религиозных конфессий, видов и типов религий. Так, отдельные языческие традиции ужились в некоторых христианских конфессиях. Такого рода метаморфозы на индивидуальном уровне – не редкость.

В истории немало примеров, когда и значительные социумы переживали подобные социокультурные преобразования. И даже если такой (допустим, религиозный) переход, в сущности, вынужденный, осуществляемый под внешним давлением, на уровне индивидуального сознания (вначале; например, в момент обязательного обряда обращения) представлял собой формальность, то и тогда эффект коррекции идентичности, «смещения» мировоззрения в некоем заданном направлении – в сторону принятия новых мировоззренческо-нравственных принципов и ценностей – осуществлялся.

Например, в истории Чехии смена религиозных настроений и предпочтений сыграла существенную роль и далеко не всегда причины конфессиональных изменений были внутренними (движение гуситов, XV в.), чаще внешними: от крещения чешской знати в Регенсбурге (середина IX в.) до военной победы объединенных католических сил над протестантской армией, защищавшей Прагу у Белой горы (начало XVII в.). Но сегодня, спустя четыреста лет, вряд ли католики Чехии, пращуров которых были протестантами, испытывают по этому поводу нравственный дискомфорт. Истинные католики не только всецело принимают все «католические» особенности собственной идентичности, но и на практике воспроизводят модус своей идентичности.

Другой пример – янычары. Будучи одними из самых отважных и последовательных защитников интересов Османской империи, в том числе и османского варианта вероисповедания (ислама суннитского толка), в большинстве своем они не были ни турками «по крови», ни мусульманами при рождении. Родители многих из них были уничтожены турками или проданы в рабство. Тем не менее янычары вполне осознанно были привержены Порте, исламу, самоотверженно воспроизводили привитую им идентичность.

«Воспроизводство» идентичности – еще одна необходимая ее составляющая.

Субъект, идентичность которого сформирована, не может оставаться просто и только ее носителем. Строго пассивная роль по отношению к идентичности характеризует незрелого индивида, субъектность которого – в том числе возможность, готовность, практическое проявление осознанной социальной активности на основании собственного опыта, убеждений, целей – близка к несущественному значению. То есть и мера человеческого, культурного (в противовес и в дополнение естественному, натуральному) в таком индивиде незначительна. Следовательно, его идентичность существенно зависит от внешнего влияния, от воли более ярких субъектов общественных отношений, глубоко осознавших свои цели, принципы социального взаимодействия, закономерности общественных связей и процессов. Идентичность неглубокая, не утвердившаяся в сознании, может быть относительно несложно скорректирована и существенным образом изменена внешними источниками осознанной активности, другими субъектами. Таким образом, воспроизводство идентичности не только демонстрирует неразрывную связь субъектности

и идентичности, но и представляет собой атрибутивный компонент и человека, и культуры, и социального развития.

Воспроизводство идентичности – это всегда подтверждение и «укрепление» ее основы с одновременным приращением к нему новых «оттенков», черт, коррекция традиций, привычек, мировоззренческих и методологических установок. Воспроизводство идентичности утверждает неизменность субъекта, сохранение его сущности, но при этом и адаптирует его к неизбежно изменяющейся, развивающейся действительности. То есть воспроизводство отражает и, одновременно, обеспечивает своеобразную «стабильность» субъекта. И если по отношению к отдельному человеку или небольшой социальной группе понятие «стабильности», пожалуй, не вполне и не во всем уместно, во всяком случае непривычно, то состояние такого субъекта социальных отношений, как народ, пусть даже небольшой, объединенный и «систематизированный» государством, вполне может быть оценено как стабильность или нестабильность.

Воспроизводство социокультурной определенности общественного субъекта, значительного по территории, численности населения, богатству ресурсов, влиянию на макросоциальные отношения, невозможно без активной позиции какого-то количества членов данного социокультурного образования. Число этих осознанно активных, обладающих авторитетом, популярностью, волей, а также харизматичных лидеров должно быть достаточным для объединения масштабного этнокультурного социального образования. Эти лидеры, помимо прочего, должны быть носителями объединяющей идеи, способными указать цели сообщества и вести к нему соотечественников. Процесс достижения этих целей, пусть и скорректированных в процессе их достижения (в сущности, социального развития), представляет собой необходимый компонент социокультурного воспроизводства.

Воспроизводство идентичности заключается в способности, намерении и участии субъекта в процессе защиты, воссоздания, усиления, развития, совершенствования качественной определенности социальной системы. Однако эта самая определенность не может быть чем-то строго запланированным. Окружающая действительность, среда, в которой возникает, утверждается, воспроизводится, проявляет себя идентичность, а также сам субъект не могут не трансформироваться под воздействием множества обстоятельств. Даже не прибегая к тщательному исследованию (более или менее глубокому, масштабному, продолжительному), а лишь на основании самых общих фактов социальной эволюции можно утверждать, что и «запланированная», строгим образом выстраиваемая идентичность изменяется. Что до целенаправленно искусственно формируемой идентичности, то и ее развитие вряд ли будет реализовано в строгом соответствии с намеченными задачами. Скорее всего, незапланированное (объективное, относительно естественное) произойдет до того, как «заказчики» и «исполнители», формирующие такую идентичность, добьются всех или хотя бы основных поставленных целей.

Так или иначе, строго определенная *субъектность* представляет собой необходимое условие формирования, трансформации, проявления определенной идентичности. Определенность идентичности складывается из многих компонентов, каждый из которых имеет определенное значение, что позволяет говорить о параметрах идентичности.

Параметры идентичности

Позитивное значение социальной идентичности в большой мере зависит от строгости и основательности ее определенности. Определенность идентичности взаимообусловлена конкретностью особенностей того или иного участника общественных отношений, осмысленностью и ясной направленностью его активности (субъектностью), характером и продуктивностью взаимодействия субъектов социальной системы. Искомая определенность детерминирована содержанием идентичности, ее основаниями, внешними проявлениями мировоззрения, психологической устойчивостью, практической дееспособностью, иными «слагаемыми», характеризующими субъекта.

Методология идентичности не позволяет учесть все возможные модусы определенности конкретных субъектов, но ее функция состоит в том, чтобы определить самые общие параметры идентичности. К ним прежде всего следует отнести а) ясность (меру однозначности, «не-размытости»), б) глубину, в) сложность идентичности.

Эти параметры не являются ее конкретным содержанием, элементами идентичности, однако способствуют осмыслению и оценке «слагаемых» идентичности, составляющих ее «смысловое наполнение», без чего определенность невозможна. С ними связаны и некоторые другие характеристики, такие как причины возникновения конкретной идентичности, этнокультурные, конкретно-исторические и иные особенности. В конкретных ситуациях важно обращать внимание и на все доступные оценке параметры. Их значения – пусть и довольно условные, трудно переводимые на строгий математический (т. е. строго научный) язык – важны в понимании конкретного модуса идентичности, ее практической проекции и воспроизводстве, возможностей и ограничений в социальной активности конкретного субъекта общественных отношений. Например, такие из параметров, как основания и содержание идентичности, во многом прямо коррелируются. Так, язык, представляющий собой воплощенную в человеческую индивидуальность форму создания и сообщения идей [4, с. 305], выражение жизни [5, с. 20–33], который «исторически вырастал в услужении... мышления и поступка...» [6, с. 31], вполне обоснованно относить и к факторам, и к содержанию идентичности.

Уникальность субъекта детерминирована **ясностью** смыслов, формирующих его идентичность, их **глубиной**, фундаментальностью, **сложностью** структуры.

Субъект общественных отношений тем значительнее, весомее в историческом процессе, чем **яснее** составные части его миропонимания, самооценки, чем более четко, детально, разносторонне оно осмыслено и реализовано на практике. Он тем более самодостаточен, чем **глубже** его самосознание, способность проследить свою принадлежность к «социальному фрагменту», «субкультуре» как можно дальше в прошлом, как можно шире соотнести эту принадлежность с настоящим. Тем мощнее потенциал актора общественных отношений, тем больше разнообразных проблем он способен преодолеть и тем перспективнее его роль в макросоциальной эволюции, чем он **сложнее**, чем больше накоплено знаний, опыта, чем выше его способность прогнозировать и планировать будущее, чем масштабнее, грандиознее, смелее и обоснованнее его цели.

Идентичность всегда присуща субъекту общественных отношений. И наоборот: участник общественных отношений – индивид, семья, социальная группа, класс, страта, социальная система – всегда обладают субъектностью. Уровень его субъектности (следовательно, и значимости, полноты самореализации в общественных процессах) зависит от присущих ему актуальных социальных функций, статуса, роли (статусов, ролей), среди которых большое значение имеет его идентичность. Значит, и субъектность тем значительнее, чем идентичность яснее, глубже, сложнее.

«Ясность» отражается в определенности мировоззрения индивида, детальности содержания его идентичности, осознании противоречий, понимании и убежденности в преодолении противоречий. Зависит этот параметр не только от субъекта, обладающего определенной идентичностью, но и от многих специалистов-исследователей, работающих над критериями идентичности, исследованием ее свойств, особенностей, форм, а также от практиков, реализующих теоретические достижения и создающих социальную основу идентичности. Чем более точно и полно субъект определяет свою принадлежность к определенной социальной системе, тем выше ясность идентичности. Отсутствие ясности ставит под сомнение саму идентичность.

«Глубина» идентичности выражает способность субъекта общественных отношений, процессов проследить свою принадлежность к «социальному фрагменту», «субкультуре» как можно дальше в прошлом. Глубокая идентичность проявляется и в широком многостороннем соотнесении своей принадлежности с настоящим своей страны (профессии, организации, социальной группы). Глубина позволяет субъекту прогнозировать и планировать собственное будущее, повышать конструктивность связи своих задач и судьбы с главными целями социума, частью которого он себя считает. Без должной глубины идентичность вряд ли может быть устойчивой.

«Сложность» идентичности закономерно вытекает из необходимости ясности и глубины. Совершенствование этих параметров, делающее идентичность прочнее, устойчивее, требует усиления неоднородности, разнообразия, насыщенности структуры идентичности, богатства ее содержания. Чем сложнее идентичность, тем больше оснований возникновения связей субъекта с социумом.

Повышение уровня и ясности, и глубины, и сложности способствует росту определенности идентичности, более полному ее соотнесению с конкретной социальной системой. Тем самым повышается степень социокультурной определенности субъекта, «устойчивости» (прочности связей с соответствующим социумом) идентичности.

Основания идентичности, факторы ее формирования представляют собой заданные рамки, элементы культурно-исторической определенности субъекта. Содержание, в свою очередь, отражает совокупность значимых для него смыслов, слагаемых его мировоззрения, форм проявления более общей культуры на его собственном уровне. В качестве факторов и компонентов содержания идентичности рассматриваются язык (родной или осознанно освоенный в качестве необходимого), история страны, цивилизации, края, традиции и ценности народа, особенности его культуры, морально-нравственные, правовые нормы, достижения науки, техники, экономики, образования, искусства, религиозно-мифологические компоненты сознания и психологии,

общественные, профессиональные, отличительные черты быта, степень и особенности образованности субъекта и т. д.

Идентичность, таким образом, представляет собой фактор социального воспроизводства.

Для российской социальной системы, находящейся под давлением как внешних, так и внутренних сил, деструктивных по отношению к ее целостности, жизнеспособности, стабильности, мощи, совершенству, параметры идентичности как всего социума, так и каждого отдельного индивида чрезвычайно важны. Задача всего общества и каждой отдельной личности в нем – добиваться как можно большей ясности, глубины, сложности индивидуальной и общественной идентичности.

Обсуждение и заключение

Формирование элементов методологии идентичности наглядно демонстрирует необходимость соблюдения принципов науки, учета всего культурного опыта. Не только научного, философского, но и условно-иррационального – опыта возникновения и трансформации мифологии, религии, художественного творчества, а также образования и просвещения, военного искусства, права, развития ремесел (в самом широком смысле слова), инженерного дела и (по возможности и необходимости) других видов и типов социальной активности.

Тем не менее методология (идентичности) предполагает выявление наиболее общих параметров, свойственных любому объекту исследования. В частности, такими являются атрибутивные признаки идентичности субъекта социальных отношений – осознанность собственной идентичности, приверженность этой идентичности, ее воспроизводство. К наиболее общим параметрам относятся такие характеристики идентичности, как ясность (отчетливость), глубина, сложность.

Показательным служит поведение граждан, ранее проживавших в России, но вследствие своих убеждений, неприятия своего Отечества во всех проявлениях самодостаточности, стремлениях добиться безопасности, процветания, не выдержавших тест на «историческую ответственность». Вернее, они прошли тест на верность противникам России. В широком употреблении для этого чаще всего применяется понятие «предательство», хотя не исключено, что в отдельных случаях (следует подчеркнуть: именно в конкретных, отдельных случаях, когда идентичность субъекта действительно сложна и допустимы заблуждения, ошибки, случайности, непреодолимые на конкретный момент обстоятельства; наконец, когда есть основания, возможности глубокого изучения конкретных ситуаций) решение вопросов идентичности требует более тщательного анализа.

Для репрезентативной модели идентичности основных признаков и параметров идентичности социальной идентичности не вполне достаточно. Однако основа модели (Введение в методологию социальной идентичности. Часть I и Часть II) постепенно складывается и будет дополняться в процессе дальнейшей работы над данной проблематикой. Определенность в вопросах о сущности идентичности, субъектности, атрибутивных признаках, основных параметрах идентичности позволит построить модель идентичности, выявить элементы ее содержания и другие составные части методологии идентичности.

Список источников

1. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М. : АСТ : Хранитель, 2007. 413 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 23. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1960. 908 с.
3. Антюшин С. С. Введение в методологию социальной идентичности // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 8–33. DOI: 10.37399/26869241.2025.2.8-33.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры : пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. стат. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1985. 451 с.
5. Балли Ш. Язык и жизнь. М. : Едиториал УРСС, 2018. 230 с.
6. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. М. : Рус. слово, 2003. С. 7–68.

References

1. Feyerabend P. *Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge*. Transl. from Engl. by A. L. Nikiforov. Moscow: AST; Khramitel'; 2007. 413 p. (In Russ.)
2. Marx K. *Capital. Critique of Political Economy*. Vol. 1. In: K. Marx, F. Engels. *Collected works*. In 30 vols. Vol. 23. 2nd ed. Moscow: State Publishing Houses of Political Literature; 1960. 908 p. (In Russ.)
3. Antyushin S. S. Introduction to the methodology of social identity. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):8-33. DOI: 10.37399/26869241.2025.2.8-33. (In Russ.)
4. Humboldt W von. *Language and philosophy of culture*. Transl. from Germ. Ed. by A. V. Gulyga, G. V. Ramishvili. Moscow: Progress; 1985. 451 p. (In Russ.)
5. Bally Ch. *Language and life*. Moscow: Editorial URSS; 2018. 230 p. (In Russ.)
6. Bakhtin M. M. Towards a philosophy of act. In: M. M. Bakhtin. *Collected works*. In 7 vols. Vol. 1: Philosophical esthetics of the 1920s. Moscow: Russkoe slovo; 2003. Pp. 7–68. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Антюшин Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), действительный член Академии военных наук (Российская Федерация, 119330, Москва, Университетский пр-т, д. 14).

Sergey S. Antyushin, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State

University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Full Member of the Academy of Military Sciences (14 Universitetskij Ave., Moscow, 119330, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 340.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.24-32



Судебное решение: коммуникация, легитимация и культура

Максим Геннадьевич Дубинин*Второй кассационный суд общей юрисдикции, Москва, Российская Федерация**dubininmg@mail.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается судебное решение как форма публичной и культурной коммуникации государства с обществом, которое представлено не только как юридический акт, но и как социальный текст, выражающий ценности, нормы и стандарты справедливости.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу составляют идеи публичности и коммуникативного действия (Дж. Бентам), а также концепция юридической риторики. Автор использовал междисциплинарный анализ судебных решений с применением структурно-функционального и интерпретативного подходов.

Результаты исследования. Анализ института судебного решения и его правовой природы позволил обосновать ряд выводов, в широком социально-правовом контексте характеризующих значение данного феномена.

1. основополагающие принципы судопроизводства, прежде всего его публичность, лежащие в основе справедливого судебного решения, призваны обеспечить максимально эффективную коммуникацию государства и общества.

2. Судебное решение должно быть не просто справедливым, но и максимально ясным и доступным для понимания, что легитимирует и укрепляет статус судебной власти, формирует правовую культуру общества.

3. Коммуникативное значение судебного решения критически важно для устойчивости правовой системы.

Обсуждение и заключение. На основе анализа феномена правовой культуры общества автор показывает исключительное значение эффективной правовой коммуникации не только как важнейшего инструмента формирования правоуповнуемого поведения граждан и укрепления авторитета судов, но и как средства публичной артикуляции государственной власти, формирующей и закрепляющей основы правовой государственности. Подчеркнута исключительная важность мотивировочной части судебного решения как инструмента институционально-правовой педагогики.

Ключевые слова: судебное решение, электронное правосудие, судебная власть, правоприменение, правовая коммуникация, правовая культура, юридическая риторика

Для цитирования: Дубинин М. Г. Судебное решение: коммуникация, легитимация и культура // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 24–32. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.24-32.

Original article

Judicial Decision: Communication, Legitimation, and Culture

Maxim G. Dubinin

Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, Russian Federation

dubininmg@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines a judicial decision as a form of public and cultural communication between the state and society, which is presented not only as a legal act, but also as a social text expressing values, norms, and standards of justice.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical framework is based on the ideas of publicity and communicative action (J. Bentham), as well as the concepts of legal rhetoric. The author used an interdisciplinary analysis of court decisions using a structural-functional and interpretative approach.

Results. An analysis of the institution of judicial decisions and their legal nature allowed us to substantiate a number of conclusions characterizing the significance of this phenomenon within a broad socio-legal context.

1. The fundamental principles of legal proceedings, primarily their publicity, which underlie a fair judicial decision, are designed to ensure the most effective communication between the state and society.

2. A judicial decision must not only be fair but also as clear and understandable as possible, which legitimizes and strengthens the status of the judiciary and shapes the legal culture of society.

3. The communicative value of a judicial decision is critical to the stability of the legal system.

Discussion and Conclusion. Based on an analysis of the phenomenon of legal culture in society, the author demonstrates the exceptional importance of effective legal communication not only as a crucial tool for shaping law-abiding behavior among citizens and strengthening the authority of the courts, but also as a means of publicly articulating state authority, shaping and enshrining the foundations of the rule of law. The exceptional importance of the reasoning of a court decision as a tool for institutional and legal pedagogy is emphasized.

Keywords: court decision, electronic justice, judicial power, law enforcement, legal communication, legal culture, legal rhetoric

For citation: Dubinin M. G. Judicial decision: communication, legitimation, and culture. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):24-32. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.24-32.

Введение

Современное судебное решение выходит за рамки формальной логики правоприменения. Оно становится инструментом публичной артикуляции власти, ее «голосом» в правовом пространстве; от того, насколько понятно, логично и прозрачно это высказывание, зависит не только эффективность юстиции, но и уровень доверия граждан к институтам государства. Суд, говорящий на языке, понятном обществу, – это не просто арбитр, а коммуникатор, способный преобразовать абстрактную правовую норму в осознанную часть общественного бытия. В условиях усложнения социальной реальности, роста правового нигилизма и множащихся конфликтов ожиданий задача судебной власти – не только судить, но и объяснять; именно в этом объяснении, в умении говорить доступно о сложном проявляется зрелость правового государства.

Теоретические основы. Методы

Теоретическое осмысление института судебных решений основывается на фундаментальных принципах независимости судебной власти, в лице судебных инстанций разного уровня не просто обеспечивающей посредством таких решений суждение органа власти по вопросам права и правоприменения, но языком права гармонизирующей сферу коммуникационного взаимодействия государства, гражданского общества и личности, формирующей устойчивую правовую культуру социума. Судебное решение становится, таким образом, условием эффективной обратной связи государственной власти и общества.

Результаты исследования

Как справедливо заметил О. В. Кулик, «судебная практика формируется в рамках судебных процессов, которые хоть и опираются на действующие правовые предписания, предполагают значительную интеллектуальную составляющую деятельности судьи и участников процесса и их коммуникацию, что придает судебной практике особую ценность» [1, с. 64]. Эта идея находит подтверждение в классических и современных исследованиях легитимности права.

Уже Джереми Бентам отмечал принципиальную роль публичности как элементарного условия правосудия: «Где нет публичности, там нет и правосудия. Публичность – сама душа справедливости; она – самый острый стимул к усилению и самый надежный щит от неправомерности» [2, с. 115]. Эта формула продолжает служить нормативной опорой для идей открытости и объяснительной обязанности судебной власти.

С позиций социологии права и теории легитимности публичность решения непосредственно связана с восприятием власти как заслуживающей подчинения. Это обосновывает огромный объем эмпирических исследований по процессуальной справедливости: исследования показывают, что само восприятие легитимности института, а не только страх перед санкцией определяет готовность людей соблюдать решения органов власти. Как резюмировал Том Тайлер, «восприятие легитимности формирует поведение в отношении закона так же сильно или сильнее, чем расчеты риска наказания» [3, с. 75]. Это эмпирическое наблюдение следует учитывать при составлении мотиви-

ровочной части решения: именно объяснение логики выводов служит источником легитимации, укрепляя уверенность адресата в справедливости акта.

Если рассматривать судебное решение сквозь призму публичной власти, оно предстает как многоуровневый акт коммуникации с разными адресатами. На индивидуальном уровне участник процесса получает конкретный ответ на свою жалобу или иск; на профессиональном уровне юридическое сообщество анализирует методику правового рассуждения; на общественном уровне решения служат ориентиром для тех, кто не участвовал в деле, формируя образ допустимого поведения, меру ответственности и стандарты справедливости. В этом смысле мотивировочная часть является не техническим приложением, а главным коммуникативным инструментом: она переводит юриспруденцию из «закрытого кода» в публичный дискурс и таким образом делает право социально «слышным».

Коммуникативная функция судебного решения не сводится к сообщению результата. Резолютивная часть дает юридический эффект, но именно мотивировочная часть превращает силу в признанную силу – она выступает публичной формой отчетности, позволяющей обществу проверить рациональность и соразмерность вмешательства государства в частные отношения. Там, где объяснение отсутствует или растворяется, становясь формализмом, возникает ощущение процесса без смысла; там, где объяснение развернуто и непротиворечиво, даже неблагоприятный исход может быть воспринят как результат справедливого правоприменения. Этот переход от «нарушения – санкция» к «обосновыванию – легитимация» критически важен для устойчивости правовой системы.

Судебное решение – это также акт «замыкания» конфликта. До суда конфликт предстает как открытая коммуникация сторон, где действуют претензии, оправдания и эмоциональные импульсы; решение переводит эту открытую динамику в нормативный сигнал, устанавливая границу «правильно – неправильно» для конкретного спора. При этом суд выполняет не только карающую или восстановительную функцию, но и функцию примирения: качественно аргументированное объяснение способствует социализации результата, удерживает стороны от продолжения борьбы вне правового поля и снижает риск эскалации. Такое стабилизирующее действие решения отмечал и Роберт Кавер в своем эссе о «номосе» и нарративе: правовая традиция живет в нарративах, которые придают предписаниям смысл; суд, выступая оратором этой традиции, способен возвращать спор в рамки рационального смысла и тем самым минимизировать символические конфликты [4, р. 4].

Особенность судебной речи состоит в том, что она объединяет три режима адресации. Первый – декларативный: власть провозглашает, что должно быть; второй – объяснительный: показывается, почему именно так, а не иначе; третий – воспитательный: демонстрируется образец рассуждения, приучающий адресата к культуре аргументации. Эти режимы неразрывны: если присутствует лишь декларация, решение выглядит как приказ; если добавлена мотивировка – возникает рациональное согласие; при наличии воспитательной функции формируется долгосрочное доверие к способу публичного мышления. Именно поэтому требования к мотивировке – это не формальность, а инструмент институциональной педагогики.

В этом контексте суд оказывается особым типом «говорящей» власти. В отличие от административных органов, которые часто убеждают через оперативность и эффективность исполнения, суд убеждает через процедуру рассуждения. Публичное значение решения создается не только тем, *что* сказано, но и тем, *как* сказано: последовательностью доводов, артикуляцией фактов и критериев оценки, обозначением границ усмотрения. Суд демонстрирует образец обращения с сомнением: вместо сокрытия неопределенности – ее признание и управляемое разрешение. Эта техника честного сомнения – важный образовательный сигнал: она показывает, что правовая система не обещает невозможной безошибочности, но демонстрирует технологию добросовестного вывода.

Социально-психологический эффект такой коммуникации – укрепление легитимности – подтвержден исследованиями. В юридической литературе этим вопросам посвящены как теоретические, так и эмпирические работы, показывающие, что процедурная справедливость и понятность мотивировки коррелируют с готовностью граждан признавать решения и выполнять обязательства, предписанные законом.

На общественном уровне отсутствие доступа к ясным объяснениям или неубедительная мотивировка способствуют падению доверия к судам: глобальные опросы и аналитические отчеты фиксируют значимые колебания уровня доверия к судебным институтам в связи с кризисами открытости и политической поляризацией¹.

Коммуникативный статус судебного решения проявляется и в том, что оно задает высокий стандарт обращения к стороне – это юридическая точность, в которой участник рассматривается не только как носитель процессуальной роли, но и как субъект, к которому обращаются с объяснением последствий. Формулировки, избегающие уничижительной лексики, признание весомыми аргументов противоположной стороны либо четкое объяснение, почему они не перевешивают, – все это укрепляет достоинство адресата и, следовательно, доверие к институту. Подобная этика судебной речи обсуждается в работах, посвященных роли суда в демократическом обществе и «воспитательной» функции правоприменения. Так, бывший Председатель Верховного Суда Израиля Аарон Барак рассматривает роль судьи в качестве моста между законом и социальной реальностью – «Bridging the gap between law and society» [5, с. 3–20].

Важный аспект – композиция и стиль мотивации. Язык судебного решения традиционно склоняется к высокой синтаксической плотности, гипотаксису и ссылочной насыщенности нормативными актами, что препятствует восприятию его неспециалистами. Однако публичная доступность не требует утраты юридической строгости: она требует продуманной композиции – ясного тезисного изложения, аргументативной логики, краткого резюме выводов для непрофессионального читателя и далее – развернутой мотивировки для специалистов. Международные форумы и исследования по судебной прозрачности признают, что открытый текст снижает риск недоверия².

¹ Gallup. Americans Pass Judgment on Their Courts (Dec. 16, 2024). URL: <https://news.gallup.com/poll/653897/americans-pass-judgment-courts.aspx>.

² Pound Civil Justice Institute. Judicial Transparency and the Rule of Law: Reports of the Judges' Forum (Forum Report, 2015). URL: <https://ncji.org/wp-content/uploads/2019/04/Pound-Judges-Forum-Report-2015-FINAL.pdf>.

Публичность имеет и свою этическую границу: уважение частной сферы и защита уязвимой категории лиц требуют особого подхода в раскрытии деталей. Опытный судья понимает, какие сведения необходимо осветить для общественного понимания, а какие нарушают право на частную жизнь. Это не компромисс с прозрачностью, а проявление ответственности за последствия сказанного: публичность, будучи средством подотчетности, не должна превращаться в инструмент нарушения неприкосновенности личной жизни.

В вопросах обнародования судебных решений огромную роль играет цифровизация правосудия, которая открывает новые возможности в вопросах информирования граждан. Однако техническая доступность (публикация в интернете) не равна понятийной доступности; решение, размещенное в сети, останется не воспринятым обществом, если его текст недоступен для понимания широкого круга лиц.

Наконец, стоит подчеркнуть учебную функцию судебного акта. В силу своей публичности решение выполняет роль примера: оно демонстрирует способ рассуждения, порядок взвешивания доказательств и критерии оценки спорных норм. Этот «педагогический» аспект подчеркивают как теории юридической аргументации, так и практическая юриспруденция: судебная мотивировка – это не только вывод, но и образец мыслительной технологии, который общество может усвоить и репродуцировать в будущем в соответствующих формах поведения.

Судебное решение как форма культурной и социальной коммуникации поднимает вопросы, которые невозможно исчерпать лишь в пределах процессуальной формы. Оно выступает не только как итог юридического конфликта, но и как текст, который продолжает жить в публичном пространстве, формируя представления о справедливости, легитимности и способности государства говорить с обществом языком разума и уважения. Но чем отчетливее мы осознаем многослойность судебного акта, тем острее проявляются и проблемы его современного функционирования. Итоговое осмысление требует выделить ключевые вызовы и предложить возможные пути их преодоления.

В первую очередь это касается **проблем языка и стиля**. Современные судебные решения часто страдают от чрезмерной формализации и перегруженности юридическими конструкциями. Для профессионала это не препятствие, но для гражданина – барьер, лишаящий решения воспитательной и просветительской функций. Таким образом, язык права утрачивает свою коммуникационную силу и перестает выполнять задачу формирования доверия.

В качестве путей решения можно предложить: внедрение стандартов «ясного юридического языка», где сложные конструкции заменяются на доступные объяснения; развитие курсов по судебной риторике для судей, включающих практику написания текстов, понятных для разных категорий адресатов; использование современных технологий для интерактивного разъяснения решений (например, краткие резюме для граждан наряду с полным текстом).

Сопутствующей является **проблема доверия и восприятия справедливости**. Даже ясное и логичное решение может вызывать недоверие, если его мотивировка не показывает реальную логику выбора суда, а лишь воспроизводит формальные шаблоны. В таких случаях граждане видят в судебном акте не диалог, а монолог власти. Разрешением проблемы могут быть: институционализация обязательного раскрытия мотивировки с объяснением, поче-

му отвергнуты альтернативные аргументы сторон; развитие практики написания «конкурирующих мнений», что усиливает прозрачность и демонстрирует открытость к многообразию правовых позиций;

Также заметной проблемой является **«цифровая асимметрия»**. Судебные решения публикуются в электронных базах, однако доступ к ним и их восприятие неравномерны. Для одних это источник анализа и профессиональной практики, для других – закрытая и труднодоступная сфера. В результате возникает риск отчуждения граждан от судебной власти. Устранению данной проблемы может способствовать: развитие государственных платформ с поисковыми инструментами, позволяющими находить решения не только по номеру дела, но и по ключевым жизненным ситуациям; создание «юридических навигаторов» при судах, объясняющих гражданам суть решений в сжатой форме; обеспечение многоуровневой доступности: полные тексты для специалистов, адаптированные версии – для широкой публики.

Следующей является **проблема перегруженности и формализма**. Суды часто вынуждены выносить решения в условиях чрезмерно высокой нагрузки, что ведет к унификации аргументации и снижению качества мотивировки. Это подрывает авторитет судебной речи и превращает ее в формальность. Данная проблема российских судов не теряет свою актуальность достаточно долгое время. Вероятно, она является одной из наиболее масштабных и требующих тщательной проработки. В качестве примеров решения проблемы можно назвать: оптимизацию процессуальных сроков и распределения нагрузки между судьями; внедрение систем искусственного интеллекта для автоматизации технической части документа (сбор ссылок на нормы, оформление реквизитов), освобождающей время для содержательной аргументации; развитие института помощников судей с ориентацией на качество текстов.

Также выделим существующую **проблему обратной связи**. Хотя судебное решение формально завершает спор, фактически оно продолжает жить в обществе: обсуждается в СМИ, в социальных сетях, в профессиональных сообществах. Если суд не учитывает этот широкий контекст, его слово может быть искажено и потерять доверительный эффект. Здесь в качестве путей решения можно назвать: дальнейшее развитие пресс-служб при судах, которые способны оперативно разъяснять содержание резонансных решений; формирование культуры «постсудебного диалога», где судья или судебная система объясняют обществу общие подходы без нарушения принципа независимости.

И наконец, обособленным, но не менее важным является **вопрос преемственности**. Судебные решения – это не только документы текущего процесса, но и часть культурной памяти общества, форма культурной коммуникации, соединяющая норму, справедливость и доверие. Решения «говорят» с гражданами не только языком закона, но и языком ценностей, показывая, каким образом государство уважает личность и управляет конфликтами. Однако в условиях динамики законодательства и изменчивости политической среды эта память фрагментируется, что снижает устойчивость правовой культуры. Решением этой задачи могут стать: создание национальных цифровых архивов судебных решений, позволяющих видеть эволюцию правоприменения; развитие аналитики судебной практики в образовательных программах для студентов и школьников; интеграция судебных решений в публичные культурные проекты (выставки, лекции, медиаплатформы и т. д.).

Перечень обозначенных проблем не является исчерпывающим, однако в большей части охватывает стоящие перед судебной системой задачи, которые можно разбить на три большие группы:

1) превратить решение в понятный и доступный не только юристам, но и всему обществу текст;

2) сделать решение прозрачным и информационно доступным с сохранением баланса между публичностью и защитой права на неприкосновенность частной жизни;

3) сформировать культуру доверия через мотивированное и логичное изложение судебного акта.

Только при выполнении этих условий судебное решение сохранит и укрепит свою двойственную природу: и как юридический акт, и как культурный текст. Оно будет способно не только завершать споры, но и воспроизводить доверие к государству, укреплять правосознание и выполнять свою высшую миссию – быть голосом справедливости в обществе.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проблемы судебной речи – это не частные технические сбои, а вызовы, от которых зависят устойчивость и легитимность всей правовой системы. Пути их решения лежат в сфере языка, цифровых технологий, организационных реформ и культурной политики. Будущее судебного решения – в его способности соединять силу закона, разум аргументации и достоинство человека. Только тогда оно не станет мертвым документом, а сохранится как живой элемент социальной коммуникации, гарант доверия и справедливости.

Таким образом, судебное решение – это не только результат индивидуального правоприменения, но и структурный элемент публичной власти, имеющий выраженную коммуникативную природу. Оно реализует взаимодействие между государством и обществом, выражает волю власти в правовой форме и артикулирует модель допустимого и запрещенного поведения. Когда мотивировка ясна и аргументативно последовательна, решение не только разрешает частный спор, но и формирует ориентиры для будущего правоприменения; когда мотивировка неполна или закрыта – оно утрачивает способность быть эффективным публичным высказыванием. Этот вывод подтверждается широким корпусом как трудов классических теоретиков (Bentham, Cover, Habermas), так и современных эмпирических исследователей легитимности и процедурной справедливости [3], а также практическими материалами и рекомендациями по прозрачности³.

Список источников

1. Кулик О. В. Особенности легализации судебной практики в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 3. С. 63–72. DOI: 10.17816/RJLS18381.

³ Pound Civil Justice Institute. Judicial Transparency and the Rule of Law: Reports of the Judges' Forum (Forum Report, 2015). URL: <https://ncji.org/wp-content/uploads/2019/04/Pound-Judges-Forum-Report-2015-FINAL.pdf>.

2. Bentham J. Rationale of judicial evidence, specially applied to English practice. In 5 vols. Vol. 1. London : Hunt & Clarke, MDCCCXXVII [1827]. XXII, 606 p.
3. Tyler T. R., Goff P. A., MacCoun R. J. The impact of psychological science on policing in the United States: procedural justice, legitimacy, and effective law enforcement // *Psychological Science in the Public Interest*. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 75–109. DOI: 10.1177/1529100615617791.
4. Cover R. M. The Supreme Court, 1982 Term – Foreword: Nomos and Narrative // *Harvard Law Review*. 1983. Vol. 97, no. 1. P. 1–68; 70–306.
5. Barak A. The judge in a democracy. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 2006. 192 p. URL: <https://archive.org/details/judgeindemocracy0000bara>.

References

1. Kulik O. V. Features of the legalization of judicial practice in the Russian Federation. *Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*. 2018;5(3):63-72. (In Russ.) DOI:10.17816/RJLS18381.
2. Bentham J. *Rationale of judicial evidence, specially applied to English practice*. In 5 vols. Vol. 1. London: Hunt & Clarke, MDCCCXXVII [1827]. XXII, 606 p.
3. Tyler T. R., Goff P. A., MacCoun R. J. The impact of psychological science on policing in the United States: procedural justice, legitimacy, and effective law enforcement. *Psychological Science in the Public Interest*. 2015;16(3):75-109. DOI: 10.1177/1529100615617791.
4. Cover R. M. The Supreme Court, 1982 Term – Foreword: Nomos and Narrative. *Harvard Law Review*. 1983;97(1):1-68, 70-306.
5. Barak A. *The judge in a democracy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 2006. 192 p. URL: <https://archive.org/details/judgeindemocracy0000bara>.

Информация об авторе / Information about the author

Максим Геннадьевич Дубинин, руководитель секретариата председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции (Российская Федерация, 121357, Москва, ул. Вереysкая, д. 29/34).

Maxim G. Dubinin, Head of the Secretariat of the Chairman of the Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, Russian Federation (29/34 Vereyskaya St., Moscow, 121357, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 340.13

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.33-49



Моделирование систем разрешения коллизий норм права в интерпретации Карлоса Гонсалеса

Александр Александрович Петров^{1, 2}

¹ Семнадцатый арбитражный апелляционный суд, Пермь, Российская Федерация

² Самарский государственный экономический университет, Самара, Российская Федерация

¹ sfu-pravo@yandex.ru

Аннотация

Введение. Настоящая статья посвящена анализу вклада современного американского исследователя Карлоса Гонсалеса в разработку проблематики преодоления сложных нормативных конфликтов в системе права. Работы Гонсалеса в данной области представляют значительный интерес как в связи с оригинальностью его теоретической концепции, так и с учетом того, что его выводы, сформулированные на эмпирическом материале правовой системы США, обладают значительным потенциалом для критического осмысления и использования юристами в рамках континентальной правовой традиции.

Методы. Помимо общенаучных методов познания автор статьи опирался на такие специальные методы, как юридико-догматический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты исследования. Структура статьи включает в себя введение, три параграфа основной части, заключение и библиографию. В первом параграфе анализируется деление коллизий норм права на истинные и потенциальные. Второй ее параграф посвящен изложению и критическому осмыслению «классической», в трактовке Гонсалеса, системы преодоления нормативных конфликтов, основанной на центрировании формальных источников права и аксиоматических коллизионных максимах иерархии и хронологии. В третьем параграфе рассматриваются и анализируются альтернативные модели систем преодоления нормативных конфликтов, различающихся по степени радикальности преобразования классической коллизионной системы.

Обсуждение и заключение. Дана положительная оценка подхода Гонсалеса. Весьма ценным видится отмеченное ученым фундаментальное различие в степени конкретизации процессов установления или обнаружения коллизий правовых норм (крайне низкая) и их преодоления в случае такого обнаружения (весьма высокая). Данное обстоятельство представляется справедливым для систем как англо-американского, так и континентального права. Также заслуживает внимания принятая автором оригинальная перспектива в обсуждении и

моделировании систем преодоления нормативных конфликтов, связанная с поиском такой институциональной формы и инструментария, которые бы учитывали и максимально обеспечивали демократическую легитимность судебного правоприменения.

Ключевые слова: коллизия норм права, правовые максимы, сложная коллизия норм права, система преодоления коллизий норм права

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893 (<https://rscf.ru/project/24-28-01893/>).

Для цитирования: Петров А. А. Моделирование систем разрешения коллизий норм права в интерпретации Карлоса Гонсалеса // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 33–49. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.33-49.

Original article

Modeling Systems of Legal Conflicts Resolution in Carlos González's Interpretation

Alexander A. Petrov^{1, 2}

¹ *Seventeenth Arbitration Court of Appeal, Perm, Russian Federation*

² *Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation*

¹ *sfu-pravo@yandex.ru*

Abstract

Introduction. This article is focused on the analysis of the contribution of the contemporary American researcher Carlos González to the development of the problem of overcoming complex normative conflicts in a legal system. González's work in this field is of considerable interest both because of the originality of his theoretical conception and because his conclusions, though formulated on the empirical basis of the US legal system, have yet significant potential for critical reflection and use by lawyers within the framework of the continental legal tradition.

Methods. In addition to general scientific methods of cognition, author relied on such special methods as legal-dogmatic, comparative-legal and historical-legal ones.

Results. The structure of the article includes an introduction, three main paragraphs, a conclusion, and a bibliography. The article's first paragraph analyzes the division of conflicts of law into true and potential ones. The second paragraph deals with the presentation and critical understanding of the "classical" (in Gonzalez's interpretation) system of overcoming normative conflicts based on the centering of formal sources of law and axiomatic conflict maxims of hierarchy and chronology. In the article's third paragraph alternative models of systems for overcoming normative conflicts are considered and analyzed, differing in the degree of radicality in transformation of the classical conflict-of-laws system.

Discussion and Conclusion. The article gives a positive assessment of Gonzalez's approach. The fundamental difference noted by the American author in the degree of concretization between the processes of establishing or detecting conflicts of legal norms (extremely low) and their overcoming in the case of such detection (very high) is treated as very valuable. This circumstance seems to be valid for both Anglo-American and continental law systems. Also noteworthy is the original perspective

adopted by the author in discussing and modeling systems for overcoming normative conflicts, related to the search for an institutional form and tools that would take into account and maximize the democratic legitimacy of judicial law enforcement.

Keywords: conflict of law, legal maxims, complex conflict of law, system of overcoming conflicts of law

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01893 (<https://rscf.ru/project/24-28-01893/>).

For citation: Petrov A. A. Modeling systems of legal conflicts resolution in Carlos González's interpretation. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):33-49. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.33-49.

Введение

Известно, что подавляющее большинство исследований в области юридической догматики в своей основе, как правило, национально-ориентированы в том смысле, что они базируются на эмпирическом материале конкретной правовой системы либо нескольких сходных систем, а также на сформировавшейся исследовательской традиции и понятийном аппарате соответствующих общей и отраслевых теорий права. Как следствие, концепции зарубежных коллег, работающих в иной правовой традиции, вызывают большой интерес. К подобного рода концепциям относятся и взгляды профессора Юридической школы Ратгерса (Университет штата Нью-Джерси) Карлоса Гонсалеса (Carlos González) по тематике преодоления нормативных конфликтов, отраженные прежде всего в его исследованиях 2000-х гг. Наиболее значимыми здесь являются две работы автора: «Логика правового конфликта: запутанное сочетание формализма и антиформализма при разрешении противоречащих друг другу правовых норм» (2001) [1] и «Козыри, инверсии, балансирование, презумпции, институциональные побуждения и интерпретативные каноны: новые способы разрешения конфликтов между правовыми нормами» (2005) [2].

Обобщение и анализ основных положений данных работ и составляет цель настоящей статьи. По своей структуре она организована следующим образом. Приступая к анализу подхода Гонсалеса к разрешению коллизий норм права, следует вначале рассмотреть важную идею, разделяемую данным автором, о разграничении потенциальных и истинных коллизий норм права (нормативных конфликтов). Затем, сообразно логике разворачивания концепции американского исследователя, следует проанализировать его взгляды на существующую – «классическую» – систему разрешения нормоконфликтов (ее сильные и слабые стороны), а также предлагаемые Гонсалесом радикальные и умеренные альтернативы такой системе и иные варианты ее модификации. Подобная логика повествования позволит сделать итоговое заключение о потенциале научных идей данного автора для развития общей теории коллизий в праве.

Потенциальные и истинные нормативные конфликты

К числу наиболее значимых идей Гонсалеса по теме следует отнести, прежде всего, утверждение о том, что интеллектуальная работа правоприменителя,

сталкивающегося с нормативными конфликтами, серьезно отличается в своей детерминированности внешними факторами на стадиях установления наличия коллизии норм права и разрешения коллизионной ситуации.

Так, на первой стадии имеется свобода усмотрения судьи в решении вопроса о том, существует ли нормоконфликт за счет неформализуемого процесса толкования норм права, позволяющего их непротиворечиво истолковывать, тогда как на этапе разрешения уже обнаруженного конфликта норм она весьма жестко ограничена набором правовых аксиом и коллизионных норм, от которых нельзя уклониться [1, р. 454–456].

Указанная идея Гонсалеса заслуживает внимания, поскольку она, с одной стороны, подчеркивает то обстоятельство, что идентификация наличия нормативного конфликта не во всех случаях является простой интеллектуальной операцией, с другой – показывает потенциал применения разных стратегий преодоления коллизий в праве, в частности согласования потенциальных антиномий правовых норм путем толкования их содержания, а в случае невозможности такой интерпретации – выбора и применения одной нормы права и игнорирования другой на основе предустановленных максим и коллизионных норм.

В этом контексте Гонсалес пытается разграничить потенциальные и истинные нормоконфликты. Ключевое различие между ними лежит в области интерпретационного значения, приписываемого правовым нормам: истинный нормоконфликт существует, если можно только однозначно интерпретировать нормы так, что одна обязывает или дозволяет, а вторая запрещает. Идентификация же потенциального конфликта норм зависит от толкования: он есть, когда одна или обе нормы интерпретируются широко, его нет, когда одна или две нормы толкуются узко [1, р. 457–458]. Гонсалес замечает, что на практике весьма трудно разграничивать истинные и потенциальные нормоконфликты из-за дискреции судов, которые могут разрешать конфликты, просто их избегая. Вместе с тем произвол судов в квалификации конфликтов норм как истинных либо потенциальных ограничен, как минимум, их собственным намерением, направленным на обоснование узкого либо широкого толкования. Если бы этого не было, все конфликты можно было бы квалифицировать как потенциальные [1, р. 469].

Различной является и структура процесса применения права в обозначенных двух случаях. Так, при потенциальных конфликтах процесс является однофазовым: суды используют правила толкования, презумпции, каноны и принципы с тем, чтобы избежать рассогласованного прочтения юридических норм.

При истинных конфликтах, согласно Гонсалесу, применение права представляет собой процесс, состоящий из двух фаз:

1) суд определяет, что нормы находятся в противоречии и их применение приводит к взаимоисключающим последствиям;

2) суд определяет, какая из коллидирующих норм имеет приоритет [1, р. 473].

Следует отметить, что предлагаемая Гонсалесом классификация нормоконфликтов на истинные и потенциальные несколько отличается от разграничения между неизбежными и возможными нормоконфликтами в интерпретации Г. Кельзена. Кельзен рассматривает в качестве решающего призна-

ка антиномии норм необходимость нарушения одной нормы при реализации другой; в том случае, когда такое нарушение обязательно должно будет произойти, нормоконфликт является неизбежным, когда же нет – потенциальным [3, р. 269–271; 4, с. 13–14, 15].

Как замечает Гонсалес, даже в семье общего права суды никогда не вольны открыто и прямо нарушать категориальную и хронологическую аксиомы преодоления коллизий или переворачивать иерархию норм. Другими словами, ни один суд не будет открыто говорить о приоритете судебной доктрины над текстом правового акта. При этом суды предпочитают обращаться к интерпретационной дискреции, чтобы избежать истинного конфликта, что часто приводит к рассогласованным и сложным для рационализации выводам [1, р. 567]. Система преодоления коллизий, допускающая такую высокую степень дискреции правоприменителей, может приводить к проблеме произвола в судебном усмотрении в процессе толкования. Как замечает в этой связи Гонсалес, крах (failing) такой системы обусловлен не тем, что она не позволяет удовлетворительно разрешать большинство дел, а тем, что она вынуждает судей обращаться к низким, бесчестным манипуляциям с интерпретационными техниками [2, р. 237–238].

Таким образом, с позиций наличия возможности избежать нормативного конфликта выделение истинных и потенциальных коллизий норм права представляется оправданным. Различие между этими видами конфликтов норм таково: если правоприменитель, который сталкивается с коллизионной ситуацией, не нарушая здравый смысл и стандарты профессиональной юридической деятельности, может в пределах своих дискреционных полномочий либо установить наличие коллизии норм, либо прибегнуть к стратегии игнорирования наличия коллизии, либо примирить коллидирующие нормы посредством толкования (к примеру, путем более узкой или широкой интерпретации одной из них), то коллизия является потенциальной. Наоборот, если любой разумный правоприменитель с очевидностью должен установить наличие конфликта норм, которые нельзя примирить через толкование, нормоконфликт является истинным.

При этом указанная классификация, как представляется, наиболее актуальна для стран англо-американской правовой традиции, в которой дискреция судов в обнаружении коллизий норм проявляется в гораздо большей степени, чем в континентальной традиции. Вместе с тем степень дискреции правоприменителя в данных системах отличается количественно, но не качественно.

Классическая система преодоления нормативных конфликтов и ее критика

Гонсалес указывает, что господствующая в США «классическая» модель преодоления уже обнаруженных коллизий норм права основана на таких компонентах, как:

1) выделение «правовых категорий» – разграничение типов норм права – и дальнейшее иерархическое упорядочивание последних. (Применительно к США в качестве таких категорий Гонсалес разграничивает: а) конституционные нормы, б) статутное право, в) административное регулирование – нормы, исходящие от исполнительной власти, и d) судебное право. Помимо иерар-

хии самих названных категорий (a – b – c – d), имеется также иерархизация подвидов внутри последних, включающая текстуально выраженные нормы и доктринальные нормы);

2) практика преобладания норм более высокого иерархического уровня над нормами нижестоящих уровней (иерархическая аксиома первого порядка);

3) практика преобладания новых норм одного и того же уровня над старыми нормами (хронологическая аксиома второго порядка) [1, p. 455–456].

Помимо этого, согласно Гонсалесу, существует вторичный порядок правовых подкатегорий, который пролегает внутри трех из четырех правовых категорий. Эта демаркация соответствует различиям между текстуально выраженными нормами и их судебным толкованием (доктринальной нормой). Здесь текстуально выраженная норма обладает приоритетом над доктринально выраженной нормой того же вида [1, p. 482], т. е. внутри подкатегорий также действует иерархический принцип: доктринально выраженные нормы не могут вступать в позицию истинного нормоконфликта с текстуально выраженными нормами [1, p. 483].

При этом Гонсалес полагает, что актуальная таксономия нормативных конфликтов включает два их базовых вида: первичные иерархические и вторичные хронологические нормоконфликты [2, p. 240].

Ученый вполне справедливо утверждает, что, когда речь идет об иерархической системе, акцент в большей степени ставится не на собственно иерархии норм, а на иерархии правовых категорий (типов), к которым принадлежат те или иные правовые нормы. Заданная правовая норма может принадлежать только к одной из четырех категорий [1, p. 480], тогда как хронологический критерий преодоления нормативных конфликтов работает лишь внутри одного иерархического уровня [1, p. 476].

При этом Гонсалес исключает из числа коллизионных максим принцип *lex specialis*, полагая, что он является избыточным, поскольку у суда имеется дискреционное усмотрение в определении содержания правовых норм, а значит, соотнося общее и специальное правило, суд может просто не усмотреть нормативного конфликта, и тогда коллизионная проблема не возникнет вообще, что весьма созвучно взглядам ряда отечественных правоведов [5, с. 338].

Вместе с тем исключение содержательных коллизий из числа истинных нормоконфликтов представляется неоправданным, поскольку данное решение игнорирует очевидный факт: в современных правовых системах такого рода истинные нормоконфликты существуют, и логика их разрешения путем применения коллизионной максимы *lex specialis* полностью укладывается в механизм (алгоритмы) разрешения соответствующих коллизионных ситуаций наряду с иерархической и темпоральной коллизиями.

В рамках критики «классической» системы разрешения коллизий в американской правовой системе Гонсалес поднимает вопрос о том, на каком основании вышестоящие нормы (как правило, очень старые), которым присуща низкая степень демократической легитимности, обладают приоритетом над нижестоящими, но современными нормами, адекватными текущим потребностям [1, p. 569]. Существующая система критикуется Гонсалесом и из-за возможности произвольного судебного толкования [1, p. 574], в связи с чем он задается вопросом об основаниях аксиоматичности критериев преодо-

ния коллизий и, в частности, возможно большей предпочтительности предоставления свободы в их интерпретации самим судьям.

Гонсалес подчеркивает, что, учитывая допущение об ограниченности по своей природе судебного толкования [1, р. 575], любая альтернативная система, претендующая на то, чтобы быть лучше, должна предоставлять судам гибкость в определении следствий из нормативных конфликтов или, что более важно, в возможности избегать необоснованных, проблематичных следствий, проистекающих из более жесткой аксиоматической системы. Однако предлагаемая улучшенная система по-прежнему должна концентрироваться больше на главном вопросе – основании приоритета той или иной нормы, нежели на вопросе о толковании [1, р. 576].

Намечая проект новой системы, Гонсалес предлагает разграничивать два понятия: сами источники права и разделяемому политическим большинством демократическую легитимность этих источников, которая объясняет и оправдывает 1) структуру существующего порядка правовых категорий и подкатегорий; 2) категорическую (иерархическую) аксиому; и 3) хронологическую аксиому. При этом чем выше степень демократической легитимности, тем выше должен быть иерархический статус соответствующих источников и предписаний, другими словами, степень выражения воли народа формирует собственную иерархию [1, р. 578].

В этой перспективе Гонсалес пытается более предметно очертить контуры новой системы преодоления коллизий в праве.

Альтернативные модели систем преодоления нормативных конфликтов

Далее Гонсалес переходит к моделированию возможных альтернатив существующей – «классической», как он указывает, – системы преодоления нормо-конфликтов, различающихся по степени преобразования последней.

Радикальное преобразование классической системы

Гонсалес начинает обсуждение с ряда образцов, предполагающих наиболее радикальное отступление от классической модели, основанной на критериях иерархии и хронологии. В числе таковых он рассматривает систему *lex posterior*, систему с перевернутой иерархией и многофакторную систему.

Система lex posterior. Указанная модель, по конструкции автора, основана исключительно на хронологическом параметре, вследствие чего все иные критерии преодоления коллизий отрицаются. В основе такой модели лежит идея о слабой связи между демократической легитимностью источника права и демократической легитимностью содержащихся в нем норм [2, р. 270]. Гонсалес задается вопросом: если хронология – более точный индикатор демократической легитимности, чем источник права, может ли тогда система, основанная лишь на хронологическом критерии, быть лучше «источнико-центристской» системы? Как замечает исследователь, связь между хронологией и демократической легитимностью часто весьма сильна в случаях, охватывающих конфликты между конституционными положениями и законами, что обусловлено давностью конституции [2, р. 270]. Кроме того, чисто хронологическая система может уменьшить потребность в нечестных судебных манипуляциях, нацеленных на то, чтобы избежать антидемократических следствий [2, р. 274].

Вместе с тем, констатирует Гонсалес, чисто хронологической системе присущи серьезные недостатки. Она сосредоточена лишь на факторе демократической легитимности норм права, фиксируя их хронологический порядок. Однако это может дать лишь незначительное улучшение существующей системы. В реальности хронологическая модель влечет упрощение критериев решения весьма сложного вопроса о приоритете норм, порождая ложные выводы. Так, подобная система может обусловить приоритет норм, принятых недавно и ориентированных на частные интересы узких групп (например, норм административных актов). В этом случае судьи будут поставлены перед «выбором без выбора» между интерпретативной честностью и демократически ориентированными последствиями применения ранее принятой нормы. В дополнение хронологическая модель подрывает устойчивость системы модификации правовых установлений (правотворчества), поскольку любой создаваемый акт, независимо от его категории, должен будет применяться как *lex nova* [2, р. 274–275].

Перевернутая система с позиций иерархии норм. Вторая рассматриваемая Гонсалесом модель основана на радикальном пересмотре логики разрешения конфликтов норм в связке с теорией разделения властей. Согласно автору, в классической модели совокупность коллизионных критериев защищает систему разделения властей путем придания различного статуса актам и нормам различных ветвей власти [2, р. 278–279]. Напротив, в перевернутой модели воплощается идея приоритета демократической легитимности над идеей разделения властей. В некотором роде для перевернутой системы будет характерна иерархия, выстроенная в обратном порядке следующим образом:

- 1) общее право судов;
- 2) административные регуляторы;
- 3) статутное право;
- 4) конституция [2, р. 281].

При этом, как замечает Гонсалес, с позиций теории разделения властей подобная перевернутая система вполне работоспособна. Ее проблема состоит в утрате поддержки народа, т. е. демократической легитимности. Кроме того, исполнительная власть окажется здесь сильнее законодательной и не будет в ней нуждаться [2, р. 282]. Таким образом, перевернутая система, будучи связанной с разделением властей, противоречит демократической компоненте существующей системы [2, р. 285], а потому не может быть признана удовлетворительной.

Многофакторная система. Третья альтернативная модель, по Гонсалесу, базируется на подходе, который отрицает коллизионные максимы (*lex superior*, *lex posterior*) в качестве обладающих императивностью универсалий. Этот подход опирается на прямое выяснение степени демократической легитимности двух конкретных конфликтующих норм, которая будет установлена и представлена судами с помощью всей совокупности относимых к делу факторов и обстоятельств. Именно суд в отсутствие заранее детерминированных максим разрешения нормативных конфликтов при обнаружении рассогласованности норм, неустранимой путем толкования, должен будет ситуационно решать вопрос о приоритете той или иной нормы.

Однако, как замечает исследователь, в такой системе возникают две проблемы. Первая из них касается неформализуемости набора факторов, влия-

яющих на принятие решения, что ведет к отсутствию какой бы то ни было судебной определенности. Вторая проблема относится к обоснованию отобранных судом критериев выбора той или иной нормы [2, р. 285–286]. Соответственно, по сравнению со строгой и закрытой системой коллизионных норм многофакторный подход может предложить лишь отличающийся от дела к делу набор факторов, способных быть основанием судебных решений. В свете сказанного для Гонсалеса остается неясным, является ли многофакторный подход существенно лучшим, чем классический (в том числе учитывающий предполагаемую здесь компетентность судей в анализе демократической легитимности конкретных норм, что без обращения к традиционным критериям может вызвать трудности в применении) [2, р. 287–288].

В перспективе автор обращается к обсуждению факторов, которые обуславливают приоритет одной конкретной нормы над другой. К таковым он относит следующие.

1) «Популярность» нормы и (или) осуществляемой с ее помощью политики либо отсутствие таковой (речь идет о популярности как поддержке не арифметического, а политически активного большинства населения, т. е. тех, кто сформировал свое мнение по рассматриваемому вопросу).

2) Наиболее общие настроения в отношении данной нормы или реализуемой с ее помощью политики при условии достаточной информированности и публичного обсуждения вопроса (данный фактор значим, когда нет явно выраженной позиции большинства по закону или когда доступ к публичной информации или обсуждению отсутствует).

3) Совместимость нормы и проводимой с ее помощью политики с общими ценностями и взглядами текущего поколения.

4) Демократическая легитимность правотворческого субъекта, создавшего конкретную норму.

Рассматривая вопрос о готовности американских судей к такой системе, Гонсалес отвечает на него утвердительно: по его мнению, суды и так не слепы по отношению к факторам, лежащим за пределами норм позитивного права, включая общественное восприятие судебных решений. Следовательно, новый подход, упорядочивая эти неправовые факторы, будет служить лишь формализацией этого стихийного процесса [2, р. 291].

Вместе с тем, продолжает исследователь, ответ на вопрос о том, смогут ли суды на практике грамотно применить многофакторную систему, в большей степени зависит от характера рассматриваемых дел, нежели от характера судебных компетенций. Соответственно, в зависимости от характеристик дела, влияющих на эффективность применения многофакторного подхода, автор подразделяет все дела на простые и сложные.

В простых делах, где легко определить разницу в степени демократической легитимности норм (как в приводимом Гонсалесом примере «антиспамового» регулирования, пользующегося народной поддержкой [2, р. 291]), классический подход работает плохо, заставляя судей фактически манипулировать приемами толкования; более предпочтительным здесь будет многофакторный подход, который к тому же минимизирует применяемые судьями манипулятивные практики толкования [2, р. 291].

В сложных делах, где демократическая легитимность коллидирующих норм а) неясна или б) одинакова, использование многофакторной системы,

наоборот, проблематично, поскольку не дает достаточных критериев для выбора подлежащей применению нормы.

Согласно Гонсалесу, основная проблема многофакторного подхода состоит в том, что большинство спорных дел относятся к категории сложных. Следовательно, его применение в таких случаях обернется значительной степенью неопределенности и нестабильности судебных решений [2, р. 292–294]. В свою очередь, существующая «классическая» система, сохраняя проблемность в отношении обеих категорий дел (что производно от проблемы разграничения ясно очерченных правил и иных юридических стандартов, прежде всего принципов права), все же более приспособлена для решения дел сложного типа [2, р. 295].

Умеренное преобразование классической системы

Установив, что в целом радикальное реформирование имеющейся классической системы преодоления коллизий норм права не приведет к значимому улучшению ситуации, Гонсалес рассматривает несколько умеренных моделей, предлагающих усовершенствование существующей модели лишь в отдельных ее аспектах.

Система презумпций. Согласно Гонсалесу, основное отличие данного образца от существующей системы заключается в том, что иерархический и хронологический критерии разрешения коллизий будут рассматриваться не как безусловные аксиомы, а как опровержимые презумпции. Тогда суды, обращаясь в конкретных случаях к многофакторному подходу, смогут мотивированно опровергать иерархический и хронологический критерии [2, р. 295]. Как замечает Гонсалес, система презумпций объединяет многие плюсы существующего аксиоматического и многофакторного подходов. При такой системе манипуляции с толкованием уже не нужны. Вместо этого суды, сравнивая демократическую легитимность конфликтующих норм, будут определять, какую систему – аксиоматическую либо многофакторную – нужно применять. Это, в свою очередь, обуславливает благотворный эффект презумптивного подхода – обнаружение истинной мотивации судей, разрешающих коллизии правовых норм [2, р. 296].

Потенциальные достоинства презумптивной системы, на взгляд Гонсалеса, таковы:

- 1) уменьшение антидемократических решений;
- 2) уменьшение оснований для нечестных судебных манипуляций;
- 3) рост открытости (транспарентности) мотивировки судебных выводов, оснований правовых позиций судов [2, р. 297–299].

Вместе с тем для исследователя очевидно, что введение презумптивной системы встречает и ряд возражений:

- 1) данная система снижает степень предсказуемости судебных решений из-за роста свободы усмотрения судов при коллизионном правоприменении;
- 2) данная система подрывает ценность разделения властей.

Однако, по мнению автора, приведенные возражения не являются абсолютными. Так, отмеченная дискреция имеет место и при существующем подходе к разрешению нормоконфликтов. К тому же презумптивный подход больше соответствует желанию исключить предопределенность демократических следствий, основанную на формальных коллизионных критериях. На-

конец, презумптивный подход более гибок в отношении разных категорий судебных дел: по сути, презумпции можно опровергать лишь в простых случаях, тогда как в сложных случаях будет работать формальная коллизионная система [2, р. 300–306].

Таким образом, по Гонсалесу, очевидный плюс презумптивной системы состоит в том, что не происходит радикального изменения существующей модели разрешения коллизий, при этом к ней добавляется новый элемент, что, в свою очередь, может способствовать не только сохранению, но и росту авторитета судов в обществе [2, р. 308]. Однако для введения такой системы имеется серьезный психологический барьер – существующие политические и юридические системы: трудно представить себе суды, наделенные властью отменять законы и административные акты лишь на основе их меньшей демократической легитимности, слишком велика здесь сила традиции [2, р. 309].

Система институционального побуждения. Переходя к еще одному умеренному подходу, Гонсалес замечает, что зачастую суды, рассматривая дела и формируя по ним правовые позиции, как бы приглашают или побуждают законодателя к изменению принятых им предписаний. Упорядочением и расширением такой практики, при общем сохранении аксиоматического подхода, и выступает система институционального побуждения (*institution prompting system*). Такая система предполагает, по мнению исследователя, что суд, установив наличие коллизии и решив применить действующую норму с меньшей степенью демократической легитимности, уведомляет об этом соответствующего институционального субъекта правотворчества, а тот, в свою очередь, а) изменяет или отменяет «сомнительную» норму либо б) оставляет все как есть [2, р. 309]. Преимущество такого подхода состоит в том, что у суда уже нет монополии на квалификацию нормоконфликта. К решению коллизионной ситуации привлекаются и законодатель, и исполнительная власть как субъекты правотворчества [2, р. 310–311].

Указанная система может существовать в различных вариантах: ультимативном – предполагающем обязательное уведомление судом правотворческого субъекта о пересмотре им «сомнительной» нормы; и уведомительном – предполагающем решение самого правотворческого субъекта о том, изменять или отменять норму либо оставить все как есть [2, р. 313].

Таким образом, заключает исследователь, по сравнению с презумптивной системой альтернатива институционального побуждения дает еще больше плюсов за счет повышенного уважения к идее разделения властей [2, р. 318].

Незначительное преобразование классической системы

Система институционального выбора (institution option system) – первая рассматриваемая Гонсалесом модель, предполагающая незначительную корректировку классического подхода. По сравнению с предыдущей моделью в рамках указанной альтернативы право инициировать изменения параметров разрешения нормоконфликта принадлежит уже не суду, а легислатуре (институциональному субъекту правотворчества). Например, последняя здесь вправе установить, что нижестоящий орган может применять противоречащую вышестоящей норме на основе прямого дозволения [2, р. 322].

Система интерпретационных канонов, согласно Гонсалесу, предполагает, что все существующие аксиомы остаются полностью неизменными, но добавляются два связанных с ними канона интерпретации. Один канон будет предписывать судам толковать нормы, когда это возможно, так, чтобы избежать их конфликта, если конфликт приведет к аннулированию нормы с существенно большей степенью демократической легитимности. Другой канон будет предписывать судам по возможности толковать нормы в русле установления наличия конфликта между ними, если таковой приведет к аннулированию нормы существенно меньшей демократической легитимности. Иначе говоря, интерпретационные каноны могут быть сведены к презумпции против толкования норм, которое, по мысли Гонсалеса, существенно уменьшает демократическую легитимность права [2, р. 326].

Автор отмечает, что предложенные два канона сильно напоминают существующие интерпретационные каноны и правила, направленные на поддержание целостности правовой системы. Один из таких канонов предписывает судам избегать конфликтов между нормами права. Даже там, где наиболее естественное прочтение текста и (или) замысла двух законодательных актов может указывать на конфликт, суды проинструктированы выбирать убедительные интерпретации, позволяющие избежать конфликта. Другой канон предписывает судам избегать прочтения правовых норм таким образом, чтобы это приводило к конфликту с конституционной нормой. Таким образом, вместо того, чтобы читать конкретный закон в соответствии с его наиболее естественным текстовым значением или наиболее вероятным законодательным намерением, так называемый «канон уклонения» (*avoidance canon*) предписывает судам принять толкование, позволяющее избежать конфликта с конституцией [2, р. 327].

По мнению Гонсалеса, система интерпретационных канонов имеет ряд очевидных преимуществ.

1. Официальное принятие предложенных канонов в определенной степени сделает более однородным судебное толкование в случаях, связанных с нормами, которые могут вступать в конфликт. Некоторые суды в настоящее время могут быть слишком нерешительными, чтобы использовать свою дискреционную способность к гибкому толкованию во избежание антидемократических результатов. Предложенные каноны будут сигнализировать судам, что они не должны колебаться. Предлагаемые каноны не одобряют откровенную судебную нечестность или принятие толкований, которые не находят соответствующей поддержки в тексте закона или намерениях законодателя. Они только одобряют изменение значения правовых норм в диапазоне правдоподобных значений. Принятие интерпретационных канонов не делает суды полностью идентичными или взаимозаменяемыми при рассмотрении дел, связанных с потенциально противоречащими друг другу правовыми нормами. Однако это может сузить диапазон несоответствий [2, р. 330].

2. Применение указанного подхода может повысить открытость судебных решений, ведь чтобы определить, применим ли какой-либо из канонов, суды будут вынуждены проанализировать, сравнить и обсудить демократическую легитимность противоречащих правовых норм. Вопросы относительно демократической легитимности, способные привести к принятию судебных решений, будут выражены в письменной форме, обнародованы и станут легитимной частью юридической аргументации.

3. Применение указанного подхода также будет побуждать (в том числе вышестоящего) законодателя к уменьшению числа новых норм с сомнительной демократической легитимностью. К примеру, отдача от создания специального закона, ориентированного на узкие интересы отдельных лоббистских групп, будет гораздо меньше, когда судам предписывают толковать такого рода правила предвзято, нежели тогда, когда они толкуют их без существенного предубеждения.

4. Суды, вооруженные предлагаемыми канонами толкования, будут иметь мощный инструмент, позволяющий им на законных основаниях интерпретировать административные акты с большей степенью демократической легитимности как соответствующие закону [2, р. 330–331].

Для Гонсалеса практическое преимущество системы интерпретационных канонов состоит в том, что она имеет гораздо больше шансов быть принятой законодательством и правоприменителями, чем любая из ранее обсуждавшихся им альтернатив [2, р. 332]. При этом указанная система не идеализируется, обозначен ряд ее недостатков. В их числе отмечается то, что подход интерпретационных канонов не улучшит производительность существующей системы в наиболее важных случаях: суды, рассматривая дела, когда никакое убедительное и честное толкование норм не позволит избежать антидемократического исхода, все равно столкнутся бы с выбором без выбора между нечестным толкованием и антидемократическими исходами. Кроме того, именно судам будет принадлежать первичный контроль над результатами интерпретации в тех случаях, когда нормы сильной демократической легитимности потенциально вступают в противоречие с нормами сомнительной демократической легитимности. Наконец, этот подход не в состоянии решить центральную дилемму классической коллизионной системы: зачем беспокоиться о жестких аксиомах, отрицающих свободу дискреции, если судам предоставляется достаточная гибкость в толковании правовых норм для выбора результатов, несмотря на жесткий, осуждающий усмотрение формализм самих коллизионных максим? По мнению Гонсалеса, все, что действительно можно сделать в рассматриваемой ситуации, – это узаконить широкую интерпретирующую свободу действий, уже использованную для противодействия жесткости существующих аксиоматических метанорм. Если жесткие аксиомы ведут к чрезмерному числу неудовлетворительных результатов, возможно, следует придать большую гибкость самим аксиомам. Для этого подойдут альтернативы, начиная от многофакторной системы и заканчивая системой институционального выбора. Напротив, альтернатива интерпретационных канонов предписывает судам одновременно применять аксиомы существующей системы и менять смысл правовых норм, если их соблюдение приведет к антидемократическому исходу [2, р. 332–333].

Эвристический потенциал подхода интерпретационных канонов в изложении Гонсалеса представляется весьма ограниченным: по существу, он не решает проблему рассогласованности между предвосхищенным результатом применения того или иного способа преодоления нормоконфликта и внутренним протестом правоприменителя по отношению к данному результату, поскольку степень демократической легитимности правовой нормы сама по себе не может обеспечить ее справедливость при применении к конкретному делу.

В итоге и сам Гонсалес отказывается признавать абсолютный приоритет за какой-либо из альтернатив существующей классической системе, подчеркивая, однако, что их главное преимущество заключается в увеличении степени открытости и публичности в обсуждении ситуаций преодоления нормативных конфликтов: «Предоставление судам легитимной роли в оценке демократической легитимности отдельных правовых норм может привести к большему количеству результатов, которые улучшат или сохраняют демократическую легитимность права, по сравнению с существующей системой. Более того, мы должны структурировать системы, регулирующие конфликты между правовыми нормами, таким образом, чтобы суды публично заявляли, как именно вопрос демократической легитимности влияет на их решения. Суды будут использовать судебное усмотрение всякий раз, когда и в какой бы то ни было форме это становится доступным. Поскольку судам предоставляется возможность гибкого толкования по усмотрению, жесткие аксиоматические метанормы, регулирующие конфликты между правовыми нормами, не могут помешать судам применять усмотрение в вопросе демократической легитимности. Когда общественность сталкивается с законом о специальных (лоббистских) интересах, суды могут использовать и используют гибкое толкование по своему усмотрению, чтобы уберечь регулирование от аннуляции, понимая нормы таким образом, чтобы избежать любого конфликта. Если при толковании суды собираются применять усмотрение, нам лучше поощрять их публично объяснять факторы, мотивирующие решения, чем заставлять их действовать через “черный ход” гибкого усмотрения при толковании. Это то, что сделали бы многие предложенные альтернативные системы» [2, р. 336].

Заключение

Позициям Карлоса Гонсалеса можно давать различную оценку. Однако вне зависимости от согласия или несогласия с исследователем несомненно то, что его рассуждения содержат целый ряд плодотворных идей, значимых для более глубокого понимания проблематики юридических коллизий, в том числе за пределами семьи англосаксонского права. Они подчеркивают чрезвычайную сложность в построении доктрины и практики преодоления конфликтов правовых норм, их зависимость от учета целого ряда факторов и контекстов, включая демократическую легитимность, разделение властей, институциональные обязанности судей, установки и средства судебной аргументации и пр. Значимой видится и сама избранная автором оригинальная перспектива в обсуждении и моделировании систем преодоления нормативных конфликтов, связанная с поиском такой институциональной формы и инструментария, которые бы учитывали и максимально обеспечивали демократизм судебного правоприменения.

При этом в свете позиций отечественной теории права два момента во взглядах Гонсалеса вызывают особый интерес.

Первый момент, на который почти не обращается внимание в отечественной доктрине и который лежит в основе рассуждений Гонсалеса, заключается в том, что у одного и того же законодательного текста может быть несколько вполне легитимных интерпретаций, а проблема его истинного толкования не имеет единственно верного решения, поскольку любой процесс официального толкования сочетает элементы познания и волеустановления [6, с. 8–9].

Это обстоятельство обуславливает то, что процесс толкования норм в их взаимосвязи может привести к выводу как о наличии, так и об отсутствии нормативного конфликта. Более того, на данный вывод судов и иных правоприменителей могут повлиять как содержание двух указанных норм права, так и их связь с другими нормативными установлениями: нельзя забывать, что в коллизию могут вступать не только две конкретные нормы права, но и комплексы правовых норм, сообща моделирующие определенные поведенческие ситуации [7, с. 220–221]. В подобных случаях степень свободы толкования, имеющаяся у правоприменителя, значительно возрастает.

Как следствие, другой важный момент касается тесной взаимосвязи между стадиями идентификации и разрешения нормативных конфликтов, когда жестко урегулированная формальными правилами стадия разрешения коллизии «компенсируется» или «уравновешивается» весьма свободно урегулированной, гибкой в техниках толкования и основанной на усмотрении стадией его судебной идентификации [8, с. 21–22, 25–26]. Будучи ярко продемонстрированной в анализе Гонсалеса, данная взаимосвязь в отечественном правоведении привлекла несправедливо мало внимания. Во многом такое положение вещей обусловлено имплицитно господствующим здесь логическим подходом в восприятии существа коллизии норм права, который (как было аргументированно показано в литературе [9, р. 229; 10, с. 165–172]) не может быть признан удовлетворительным.

Положительно оценивая взгляды Гонсалеса в целом, вместе с тем необходимо отметить очевидную ошибочность отказа исследователя от внедрения в свою концепцию коллизионной максимы *lex specialis*, признанной в отечественной и зарубежной литературе [11, с. 80–95; 12, р. 83–86; 4, с. 13–15]. Такой отказ серьезно снижает эвристический потенциал моделируемой им системы разрешения коллизий, по существу, переводя вопрос о применении данной максимы на стадию идентификации нормативного конфликта, что нельзя признать оправданным.

Список источников

1. González C. E. The logic of legal conflict: the perplexing combination of formalism and anti-formalism in adjudication of conflicting legal norms // Oregon Law Review Summer. 2001. Vol. 80, no. 2. P. 454–585.
2. González C. E. Trumps, inversions, balancing, presumptions, institutional prompting and interpretive canons: new ways for adjudicating conflicts between legal norms // Santa Clara Law Review. 2005. No. 45. P. 233–336. URL: <https://law.bepress.com/rutgersnewarklwps/art7> (дата обращения: 02.11.2024).
3. Kelsen H. Derogation // Essays in legal and moral philosophy. Dordrecht : Springer, 1973. P. 261–275. DOI: 10.1007/978-94-010-2653-6_13.
4. Касаткин С. Н. Классификации нормоконфликтов в зарубежной теории права (Г. Кельзен, А. Росс, Н. Боббио, Р. Алекси) // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 11–19. DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-11-19.

5. Толстик В. А. Коллизии и псевдоколлизии в праве: проблема разграничения // Юридическая техника : ежегодник. 2017. № 11. С. 336–341.
6. Тропер М. Реалистическая теория толкования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 7–19.
7. Альчуррон К. Э., Бульгин Е. В. О понятии правового порядка // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 211–222.
8. Петров А. А. Моделирование алгоритма преодоления сложных коллизий норм права: вопросы и решения // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 3. С. 19–28. DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-3-19-28.
9. Hill H. N. A functional taxonomy of normative conflict // Law and Philosophy. 1987. Vol. 6, no. 2. P. 227–247.
10. Петров А. А. Логический и функциональный подходы к пониманию коллизий норм права // Как возможна логика в праве? СПб. : Алетейя, 2021. С. 165–178.
11. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 99 с.
12. Bobbio N. Studi per una teoria generale del diritto. Torino : Giappichelli, 2012. 172 p.

References

1. González C. E. The logic of legal conflict: the perplexing combination of formalism and anti-formalism in adjudication of conflicting legal norms. *Oregon Law Review Summer*. 2001;80(2):454–585.
2. González C. E. Trumps, inversions, balancing, presumptions, institutional prompting and interpretive canons: new ways for adjudicating conflicts between legal norms. *Santa Clara Law Review*. 2005;(45):233–336. URL: <https://law.bepress.com/rutgersnewarklwps/art7> (Accessed: 2 November 2024).
3. Kelsen H. Derogation. *Essays in legal and moral philosophy*. Dordrecht: Springer; 1973. Pp. 261–275. DOI: 10.1007/978-94-010-2653-6_13.
4. Kasatkin S. N. Classifications of legal collisions in foreign theory of law (H. Kelsen, A. Ross, N. Bobbio, R. Alexy). *Juridical Journal of Samara University*. 2025;11(1):11–19. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-11-19.
5. Tolstik V. A. Collisions and pseudocollisions in law: the problem of distinction. *Legal Technisc. Yearbook*. 2017;(11):336–341. (In Russ.)
6. Troper M. Realist theory of interpretation. *Russian Law Journal*. 2006;(2):7–19. (In Russ.)
7. Alchourron K. E., Bulygin E. V. On the concept of legal order. In: E. N. Lisanyuk, ed. *“Normative Systems” and other works on philosophy of law and logic of norms*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2013. Pp. 211–222. (In Russ.)

8. Petrov A. A. Modeling an algorithm for overcoming complex conflicts of law norms: issues and solutions. *Juridical Journal of Samara University*. 2025;11(3):19-28. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-3-19-28.
9. Hill H. H. A functional taxonomy of normative conflict. *Law and Philosophy*. 1987;6(2):227-247.
10. Petrov A. A. Logical and functional approaches to understanding conflicts of law. *How is Logic Possible in Law?* St. Petersburg: Aletejya; 2021. Pp. 165–178. (In Russ.)
11. Vlasenko N. A. *Conflict of laws norms in Soviet law*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University; 1984. 99 p. (In Russ.)
12. Bobbio N. *Studi per una teoria generale del diritto*. Torino: Giappichelli; 2012. 172 p.

Информация об авторе / Information about the author

Петров Александр Александрович, кандидат юридических наук, заместитель председателя Семнадцатого арбитражного апелляционного суда (Российская Федерация, 614068, Пермь, ул. Пушкина, д. 112); приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета (Российская Федерация, 443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141).

Alexander A. Petrov, Cand. Sci. (Law), Deputy Chairman of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal (112 Pushkina St., Perm, 614068, Russian Federation); Visiting Researcher at Samara State University of Economics (141 Sovetskoj Armii St., Samara, 443090, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 340.12, 321.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.50-60



О природе и сущности государства и государственного властвования в учении Ф. В. Тарановского (начало XX в.)

Мария Александровна Колыванцева

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
kolyvantseva@gmail.com*

Аннотация

Введение. Актуальные вопросы природы государства и сущности государственной власти, а также их взаимообусловленность не перестают быть теоретически важными и практически необходимыми. Поиску важнейшего инструмента формирования ценностных представлений о роли и значении государственной организации посвящены государственно-правовые идеи Ф. В. Тарановского.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования стали концептуальные положения Ф. В. Тарановского и отдельные идеи видных теоретиков прошлого и настоящего времени. Для достижения поставленной цели использовались философские, общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты исследования. Ф. В. Тарановскому принадлежит подробный анализ каждого из элементов государства, раскрытие их исторических источников. Ученый обосновал свое обращение к государству, его признакам необходимостью проанализировать социальную среду, в которой функционирует и развивается право, подчеркнув тем самым первенство права в жизни общества. По его мнению, следует выделить три исходных конститутивных элемента, без которых не может существовать ни одно государство: территория, государственная власть и население. К заслугам Ф. В. Тарановского может быть отнесено то, что он проследил и развил территориальную теорию государства, предпринял попытку разграничить категории «население» и «народ», исследовал признаки государства, дал развернутый анализ государственной власти как одного из главных признаков государственной организации и уделил внимание суверенитету как особому ее свойству. Ученый не только доказывал появление особенностей в развитии государственно-правовых институтов, но и проводил их анализ в динамике.

Обсуждение и заключение. Россия всегда была богата талантливыми учеными, исследователями, отличавшимися большой прозорливостью, глубиной познания, редкими умениями находить в тех или иных явлениях самые важные черты и особенности, закономерности развития. К их числу относится Ф. В. Тарановский.

Ключевые слова: человеческое общежитие, государственная форма, кочевые державы, теория климатов, территория как вещное право государства, население, государственное подданство, народ, государственная власть, суверенитет государства, государственное властвование, государственные органы

Для цитирования: Колыванцева М. А. О природе и сущности государства и государственного властвования в учении Ф. В. Тарановского (начало XX в.) // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 50–60. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.50-60.

Original article

On the Nature and Essence of the State and State Rule in the Teachings of F. V. Taranovsky (Early 20th Century)

Maria A. Kolyvantseva

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
kolyvantseva@gmail.com*

Abstract

Introduction. Topical issues of the nature of the state and the essence of state power, as well as their interdependence, do not cease to be theoretically important and practically necessary. It is the state-legal ideas of F. V. Taranovsky that serve to find the most important tool for forming value ideas about the role and significance of a state organization.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the conceptual provisions of F. V. Taranovsky and widely involved individual ideas of prominent theorists of the past and present. To achieve the set goal, philosophical, general scientific and specific scientific methods were used.

Results. F. V. Taranovsky provides a detailed analysis of each of the elements of the state, revealing their historical sources. The scientist justified his appeal to the state and its features by the need to analyze the social environment in which law functions and develops, thereby emphasizing the primacy of law in the life of society. In his opinion, there were three basic constitutive elements, without which no state can exist: territory, state power and population. F. V. Taranovsky's achievements include the fact that he traced and revealed the development of the territorial theory of the state, attempted to distinguish the categories of "population" and "people", investigated the characteristics of the state, gave a detailed analysis of state power as one of the main characteristics of state organization and paid attention to sovereignty as its special property. The scientist not only proved the emergence of features in the development of state and legal institutions, but also compared them with the previous position.

Discussion and Conclusion. Russia has always been rich in talented scientists and researchers who were distinguished by great foresight, depth of knowledge, and rare skills to find the most important features and patterns of development in certain phenomena. F. V. Taranovsky is one of them.

Keywords: human community, state form, nomadic powers, theory of climates, territory as the property right of the state, population, state citizenship, people, state power, state sovereignty, state rule, state bodies

For citation: Kolyvantseva M. A. On the nature and essence of the state and state rule in the teachings of F. V. Taranovsky (early 20th century). *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):50-60. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.50-60.

Введение

Почти все видные представители дореволюционной российской юридической науки уделяли серьезное внимание исследованию проблем истоков, своеобразия проявлений в жизни общества государственной власти, обусловленности ее волевого характера, сущности государства и государственного властвования в различные исторические эпохи. Однако, как известно, в советские времена из истории отечественной юридической науки «...был вырван целый пласт культуры, десятки имен авторов, забыты иные научные направления» [1, с. 537]. В результате «в течение десятилетий мы находились в положении людей, не только не помнящих своего родства, но и не знающих своей родословной» [1, с. 537]. Между тем указанный исторический период общепризнан как «золотой век» в истории русского исторического творчества и мыслительной деятельности по формированию национального самосознания русской интеллигенции. «В XIX век Россия вступила одной из ведущих держав мира, от которой зависели судьбы мировой истории» [2, с. 16].

Ныне мы все чаще обращаемся к работам наших предшественников – ученых-юристов дореволюционной России, так как находим в их трудах ответы на многие вопросы современной жизни. Это относится и к учению профессора Ф. В. Тарановского о государстве и государственной власти.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили обзор и анализ концептуальных положений фундаментального научного труда профессора Федора Васильевича Тарановского «Энциклопедия права», а также сопутствующих важных научных работ по данной теме.

Цель настоящего исследования обусловлена потребностью получения новых научных знаний при анализе вопросов природы, сущности и функционирования государства. На наш взгляд, многое не получило необходимого внимания и нуждается в тщательном изучении, чтобы не только пополнить интеллектуальную казну, но и быть частью государственного развития в будущем. А главное – подтвердить неизгладимую ценность в аспекте преемственности мысли из классических трудов по проблемам теории государства, власти, права дореволюционного периода.

Использовались следующие методы познания: диалектический, системный, исторический, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования

Федор Васильевич Тарановский (1875–1936) больше известен как историк права и автор «Энциклопедии права» – учебника для студентов юридических факультетов университетов России. В период вынужденной эмиграции после октябрьского переворота в 1917 г. он дополнил свой труд второй его частью – Общим учением о государстве, предпослав ему авторские «вступительные замечания». В них Ф. В. Тарановский обосновал свое обращение к государству необходимостью проанализировать социальную среду, в которой функционирует и развивается право, подчеркнув тем самым **первенство права** в жизни общества. Вместе с тем ученый изложил свой взгляд на структуру общества, или, по его терминологии, общежитие людей, выделив в нем три основопо-

лагающих элемента: экономический, психологический (духовное сотрудничество людей) и политический (организационный), составляющий внешний строй подчинения и властвования в общежитии людей. Наиболее исследованными отечественной наукой Ф. В. Тарановский считал два элемента – экономический и политический, а наименее изученным – духовный (психологический) [1, с. 345]. Следует отметить, что, излагая свою позицию по поводу государства, Ф. В. Тарановский считал его не единственным видом человеческого общежития, в котором развивается право. Среди видов человеческого общежития он называл также «...организованный союз верующих самостоятельной в своей области духовной властью» [1, с. 8]. Однако такого рода союз, или вид человеческого общежития, возникает и существует **в рамках государственной организации**, по крайней мере в Новое время и в современную эпоху. Единственный пример, на который можно было бы сослаться, представляет собой город-государство Ватикан, объединяющий католиков всего мира. Однако он также признается государственной организацией, хотя и религиозной по своей сущности. Ученый ссылался на два примера так называемого «негосударственного общежития людей»: Священную Римскую империю, которая, безусловно, существовала в государственной форме, и на подчинение церкви светских властей в форме феодальной зависимости [1, с. 356].

Отметим, однако, что такого рода зависимость светской власти от церковной была свойственна только европейским странам. На Руси же не только в феодальные времена, но и позднее светская власть никогда не подчинялась церковной, а попытки возвыситься над государственной властью со стороны отдельных церковных деятелей неизменно пресекались.

Оценивая развитие человеческого общества за минувшие тысячелетия, можно с большой долей достоверности признать, что государство оказалось по существу **единственным видом** человеческого общежития. В процессе совершенствования государства различными народами использовались разнообразные **формы государства**, но это была именно **государственная организация** с различными ее видоизменениями. Именно государство оказалось в процессе эволюции человеческого общества наиболее совершенным видом его общежития, материального обеспечения людей, их сотрудничества друг с другом. Если бы государство не устраивало в каком-то отношении конкретный народ или народы, они изобрели бы что-то иное для совместного проживания.

Ф. В. Тарановский придерживался общего для дореволюционных российских ученых-юристов определения понятия государства как союза людей, живущих на определенной территории и подчиненных единственной политической властью [1, с. 348]. Соответственно выделялись три исходных конститутивных элемента, без которых не может существовать ни одно государство: территория, государственная власть и население. Кроме того, ученый считал государственную организацию принадлежностью оседлой культуры (т. е. оседлого образа жизни людей): «Политические организации эпохи бродячей и кочевой культуры противопоставляются строю государственному» [1, с. 348]. Следовательно, Ф. В. Тарановский считал, что народы кочевого образа жизни не могут иметь своего государства и, таким образом, лишены государственности.

Заслуживает упоминания вывод современного российского ученого, историка и этнографа, доктора исторических наук и доктора географических наук Льва Николаевича Гумилева (1912–1992): анализируя в книге «От Руси до Рос-

сии» рождение монгольской империи, в том числе империи Чингисхана (вторая половина XII – начало XIII в.), он пришел к заключению о существовании у кочевых народов Великой степи «могучих **кочевых держав** хуннов, тюрков и монголов» (выделено мною. – М. К.) [3, с. 110]. Конечно, ученый не был юристом, и вполне допустимо, что он за государственную организацию принимал родовой уклад монголов, или татар, как называли всех жителей Великой степи – степняков. Тем не менее А. Н. Гумилев в процессе изучения жизни степняков установил, что «татары» делились на три группы – белых, черных и диких, которые различались не только укладом жизни, бытом, обычаями, традициями и т. д. Это были различные племена, которые характеризовались неодинаковым отношением к родству, к природе, к власти, различались стереотипами поведения, средствами добывания пищи и т. п. А. Н. Гумилев использовал для характеристики их государственной организации такие термины, как «система правления», «государственное устройство», а Великая Яса Чингисхана оценивалась им как свод законов. «Яса, – писал А. Н. Гумилев, – отнюдь не являлась модификацией обычного права» [3, с. 124].

Таким образом, логичен вывод о том, что позицию Ф. В. Тарановского относительно отсутствия государственной организации у кочевых народов можно объяснить недостаточностью научного исследования соответствующих исторических фактов. Безусловно, сама государственная организация различалась у отдельных племен, народов, этносов подобно тому, как различаются их обычаи, традиции, уклад и образ жизни и т. д. Это можно наблюдать и в современную эпоху: вряд ли возможно отыскать абсолютно похожие друг на друга государства.

Ф. В. Тарановскому принадлежит подробный анализ каждого из элементов государства, теоретических воззрений на них предшествующих поколений западных ученых, объясняющих установление того или иного государственного строя отдельных народов. При этом он опирался на теорию климатов, изложенную Аристотелем в его труде «Политика», учение Ж. Бодена, широко используемое в XVI в., учение Ш. Монтескье, ставшее классическим в XVIII в. Ученый убедительно обосновал причины ниспровержения теории климатов как в западной, так и в российской юридической науке, подчеркнув, что существующая определенная зависимость между размером территории, на которой проживает тот или иной народ, и формой государства не является ни неизменной, ни непосредственной. Эта зависимость находится под влиянием разнообразных факторов, в том числе вследствие приспособления человека к определенной правовой среде, и преломляется через человеческую культуру [1, с. 350]. Поэтому изучение физических свойств территории имеет смысл в государствоведении, утверждал Ф. В. Тарановский, только в связи с состоянием культуры населения. Теория климатов должна была уступить место эволюционной точке зрения на взаимоотношения между территорией, характером населения, его культурой и государственным строем [1, с. 350].

К заслугам Ф. В. Тарановского может быть отнесено развитие территориальной теории государства: он трактовал территорию как объект вещного права государства (государя, вотчинника в России), из которого проистекает право господства над населением, проживающим на данной земле до признания населения самостоятельным объектом властвования. Это была прогрессивная трансформация территориальной теории, поскольку население,

рассматриваемое первоначально в качестве простой принадлежности территории (земле), впоследствии стало трактоваться в качестве самостоятельного объекта государственной организации **наряду** с территориальным верховенством. Отсюда и определение государства как **союза свободных людей, добровольно объединившихся в государственную организацию** (договорная теория происхождения государства). Более того, территория государства стала определяться с юридической точки зрения как «пространственный предел действий государственной власти» [1, с. 353].

Сходное положение было сформулировано впервые в 1860 г. российским доктором политических наук В. А. Незабиловским в статье «Учение публицистов о международном владении». «Территория не вещь, – писал ученый, – которой владеет государство, но пространство, в пределах которого державная власть государства существует и действует... Государство властвует в пределах территории, но не над территорией, и территория не предмет, а **предел державной власти**» (выделено мною. – М. К.) [4, с. 140]. В этой же статье В. А. Незабиловский пишет: «Власть государства (*imperium*) по степени своей верховна (*souverain*); это высшая власть на земле. Но как все земное и человеческое, она тоже не бесконечна, ограничена и имеет свои пределы... Есть известные пределы для действия государственной власти в пространстве – это территория государства» [4, с. 142].

В западноевропейской литературе пальму первенства формулирования данной мысли отдают немецкому юристу К. Фрикеру. Однако он высказал ее лишь спустя семь лет после В. А. Незабиловского, в 1867 г. «Нам, русским, – отмечал Ф. В. Тарановский, – надлежит, однако, помнить о научном приоритете нашего соотечественника по данному вопросу» [1, с. 353].

Достаточно подробно исследовал Ф. В. Тарановский и такой элемент государства, как население. В данном вопросе он, как и другие дореволюционные российские государствоведы, обращал главное внимание на **институт зависимости подвластных лиц от государства**. Эту зависимость ученый считал основанной на государственном подданстве, т. е. прямом непосредственном подчинении населения государственной власти. Государственному подданству, по мысли Ф. В. Тарановского, предшествовало три вида зависимости населения, соответствующих трем видам власти в государственно организованном обществе – сеньорату, сюзеренитету и муниципальной власти в городских общинах. Этим видам власти в государстве соответствовали три вида зависимости населения: доменальное подданство, вассальная зависимость и муниципальное гражданство.

Юридической основой доменального подданства служило признание населения принадлежностью земли, на которой оно проживало и, следовательно, выступало объектом зависимости от сеньора – собственника земли. Данный вид зависимости означал, что личность и имущество подданного составляют собственность владельца земли. Вассальная зависимость предполагала договорные отношения между вассалом и сюзереном по определенному кругу вопросов. Что касается отношений с верховным в государстве правителем, то вассал состоял с ним в отношениях подчинения через ряд промежуточных ступеней. Муниципальное подчинение базировалось, с одной стороны, на статуте индивида как члена муниципального сообщества, а с другой – его участии в городском самоуправлении.

Таким образом, следует признать, что для Ф. В. Тарановского как представителя историко-юридической науки характерны подробный анализ развития тех или иных государствоведческих категорий, объяснения конкретных причин и условий прогрессивного движения государственно-правовых институтов от одного исторического этапа к другому. Ученый не только доказывал появление особенностей в развитии государственно-правовых институтов, но и проводил их сравнение с предшествующим положением. Так, изменение статуса населения в государственно-правовой сфере человеческого общежития он оценивал как **новую сторону** отношения населения к государственной власти, которая преобразовалась из государственного подданства в **государственное гражданство**, что означало не только безусловное подчинение предписаниям государственной власти, но и участие во власти [1, с. 375–376]. Он ссылаясь на изречение Аристотеля: «Гражданин – это тот, кто частью повинуется, частью сам повелевает» (цит по: [1, с. 376]). Принадлежность государства, утверждал Ф. В. Тарановский, определяется подданством или гражданством: первая форма используется применительно к монархическому государству, вторая – республиканскому.

Исследователь предпринял также попытку разграничить категории «население» и «народ». Народу, по его мнению, присущи два значения: этнографическое и политическое. В этнографическом значении народ представляет собой совокупность людей, связанных кровным родством (кровным происхождением) и духовным единством. Наиболее ярким выражением духовного единства, по мнению ученого, служит **язык**. Этнографическое понятие народа не зависит от понятия государства, поскольку в этом значении народ может создать одно государство или входить в состав различных государств. Народ же в политическом значении предполагает население, принадлежащее конкретному государству [1, с. 376–377].

В понимании категории «население» Ф. В. Тарановский также выделял два подхода – индивидуалистический и коллективистический (собирательный, социальный). Индивидуалистический подход он относил к разработкам школы естественного права, которая рассматривала государство как результат общественного договора, заключенного с самоопределяющимися индивидами. Под населением понималась механическая сумма равных друг другу индивидов. При этом индивид и государственная власть находятся в непосредственных отношениях друг к другу и никаких связей, кроме установленных государственной властью, не предполагается.

Распространение идей исторической школы права и в целом социологический подход к трактовке государственно-правовых явлений обусловили переход юридической науки от индивидуалистической к коллективистической концепции человеческого общежития. В таком случае между индивидами устанавливаются разнообразные связи и отношения независимо от государственной власти. В результате фактическое положение индивидов в обществе и государстве далеко не одинаково [5]. Данный подход позволил различать в человеческом общежитии **общество и государство**. При этом в понятие общества включались связи отношений и организации, которые устанавливаются между индивидами независимо от государственной власти. Государство же предполагает «специально организацию властвования» [1, с. 380]. Ученый подчеркивал: «Государственная власть создается не на почве разрозненного существования индивидов, а на почве общественных

(социальных) отношений, которые оказывают определяющее действие на государственную организацию» [1, с. 380].

Большое значение в исследовании общественных отношений ученый придавал основаниям деления общества на социальные группы, в том числе национальным, религиозным, социальным и т. д. Он сформулировал понятие населения государства как совокупности разного рода общественных групп, объединенных внутри единством групповых интересов и противостоящих друг другу своими различными интересами [1, с. 384].

Центральную часть учения Ф. В. Тарановского представляет развернутый анализ государственной власти как одного из главных признаков государственной организации. Ведущей принадлежностью государственной власти он считал **суверенитет**. Опираясь на учение Ж. Бадена, Ф. В. Тарановский определял суверенную государственную власть как власть высшую, постоянную, независимую, производную по своему происхождению от кого-либо, распространяющуюся непосредственно на все подведомственное население. При этом различались внешний и внутренний суверенитеты. Первый предполагал, что государственная власть независима от какой-либо другой политической организации, которая стояла бы над ней, а второй означал производность государственной власти от кого бы то ни было, полноту ее проявления и прямое действие в отношении всего подвластного населения и в пределах территории, подвластной данному государству.

Отметим, что современная юридическая наука России считает суверенитет принадлежностью именно государства и одним из признаков государственной организации [6, с. 5; 7, с. 18; 8, с. 149].

Если же обратиться к первоисточнику взглядов ученого на принадлежность суверенитета, то можно утверждать, что он занимал достаточно твердую позицию, согласно которой суверенитет принадлежит именно государственной власти, а не государству. Ф. В. Тарановский писал, ссылаясь на Ж. Бодена: «Суверенитет является признаком и достоянием **всякой государственной власти**, в чьих бы руках она ни находилась – монарха, аристократического совета или народного собрания. Таково было принципиальное положение конструкции Бодена» (выделено мною. – М. К.) [1, с. 358].

Как историк государства и права Ф. В. Тарановский подробно исследовал развитие государственной власти и суверенитет народа на различных исторических этапах отдельных европейских государств (Франции, Англии, Германии). Он пришел к выводу, что «власть принадлежит не... отвлеченному народу, а определенной реальной организации – государству. Государство, как известно, объединяющая организация, противопоставляется розни интересов общественных групп и отдельных индивидов. Это противоположение и обособление политической организации получает надлежащее выражение в конструкции государства как юридического лица» [1, с. 364].

Надо отметить, что в дореволюционной юридической науке активно дискутировалась проблема трактовки государства как государственной личности и как юридического отношения. Ф. В. Тарановский принадлежал к сторонникам понимания государственной организации как юридического лица. Дискуссия была настолько острой, что некоторые государствоведы, например П. А. Покровский, пришли к выводу: «...надо отрицать наличность у государства какой-либо **особой государственной власти**» (выделено мною. – М. К.). И далее: «...смотря непредубежденными глазами на факты жизни, оценивая

объективно и беспристрастно эти факты, неизбежно приходишь к заключению, что в этой действительности нет какой-то мощной и неотразимой государственной силы, все устанавливающей и все подчиняющей себе» [9, с. 589].

А есть, по мысли ученого, общество людей, «...где властвует определенный правопорядок, из которого вытекает бесчисленное множество отдельных правоотношений властвования и подчиненности» [9, с. 591].

Позиция Ф. В. Тарановского относительно государственной власти была достаточно твердой и последовательной. «Власть, – утверждал он, – есть господство одних людей над другими, господство принудительное, обязательное, не зависимое от согласия подвластных и не устранимое по их произволу» [1, с. 367]. Властвование ученый рассматривал как один из видов поведения людей в общежитии. Соответственно, он трактовал юридическое воздействие на это поведение как воздействие на волю людей посредством норм, в которых выражена воля государства. Следовательно, акты властвования представляют собой волевые акты, в которых выражена воля государства как юридического лица. Отсюда ученый делал вывод: *«Государственная власть есть воля юридической личности государства»* (курсив мой. – М. К.) [1, с. 368].

Однако созданные нормы не только нацелены на управление обществом, они ограничивают и саму власть от произвола. «Нормы права выражают, прежде всего, интересы и потребности общества. Государство уже не может бесконтрольно, руководствуясь только своими интересами, творить право» [10, с. 16].

Одновременно Ф. В. Тарановский подчеркивал, что воля имеется в виду не как психологическое явление, а в юридическом смысле, т. е. «акты властвования определяются не чьими-либо индивидуальными, а общими целями» [1, с. 368].

Обсуждение и заключение

В результате исследования взглядов профессора Ф. В. Тарановского следует отметить, что, будучи историком и юристом в области государства и права, ученый внимательно проследил развитие государственной организации от ее истоков до современного ученому состояния. Его взгляд на природу государства как юридической личности, а также мнение о суверенности государственной власти как определяющего признака государства заслуживают особого внимания.

В заключение отметим, что Россия всегда была богата талантливыми учеными, исследователями, отличавшимися большой прозорливостью, глубиной познания, редкими умениями находить в тех или иных явлениях самые важные черты и особенности, закономерности развития. К их числу, несомненно, относится Федор Васильевич Тарановский.

Список источников

1. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб. : Лань, 2001. 560 с.
2. Русская философия права: философия веры и нравственности : антология / сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова ; предисл. А. А. Королькова. СПб. : Алетей, 1997. 398 с.

3. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М. : АСТ, 2024. 384 с.
4. Незабитовский В. А. Собрание сочинений : с портретом автора / под ред. [и с предисл.] проф. А. В. Романовича-Славатинского. Киев : Тип. Е. Я. Федорова, 1884. 368 с.
5. Тарановский Ф. В. Деление истории права на периоды // Труды русских ученых за границей : сб. Акад. группы в Берлине. Т. 2 / под ред. проф. А. И. Каминка. Берлин : Слово, 1923. С. 204–211.
6. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : моногр. М. : Инфра-М, 2020. 128 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1045386> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: мера «внешнего» влияния и риски // Сравнительное правоведение в условиях интеграции государств : материалы II Международ. конгресса сравн. правоведения (Москва, 3 дек. 2012 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. И. Лафитский. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2013. С. 16–23. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/439346> (дата обращения: 23.06.2025).
8. Морозова Л. А. Эволюция представлений о юридической природе государства и его признаках в дореволюционной юридической литературе России // Новый ракурс. 2020. № 1. С. 143–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-predstavleniy-o-yuridicheskoy-prirode-gosudarstva-i-ego-priznakah-vdorevolucionnoy-yuridicheskoy-literature-rossii> (дата обращения: 23.06.2025).
9. Покровский П. А. О государственной власти (Опыт монистической конструкции юридической сущности правового государства) // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Вып. IV (XXII). Ярославль, 1914. С. 575–603.
10. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 437 с.

References

1. Taranovsky F. V. *Encyclopedia of law*. 3rd ed. St. Petersburg: Lan'; 2001. 560 p. (In Russ.)
2. *Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality*. Anthology. Comp. by A. P. Albov, D. V. Maslennikov, A. I. Chislov, S. V. Filippova. Foreword by A. A. Korolkov. St. Petersburg: Aletejya; 1997. 398 p. (In Russ.)
3. Gumilev L. N. *From Rus' to Russia*. Moscow: AST; 2024. 384 p. (In Russ.)
4. Nezabitovsky V. A. *Collected works: with a portrait of the author*. Ed. Prof. A. V. Romanovich-Slavatinsky. Kiev: Printing House of E. Ya. Fedorov; 1884. 368 p. (In Russ.)
5. Taranovsky F. V. Division of the history of law into periods. *Proceedings of Russian scientists abroad*. Collection of the Academic group in Berlin. Vol. 2. Ed. Prof. A. I. Kaminok. Berlin; 1923. Pp. 204–211. (In Russ.)

6. Bredikhin A. L. *Sovereignty as a political and legal phenomenon*. Monograph. Moscow: Infra-M; 2020. 128 p. (In Russ.) URL: <https://znaniyum.com/catalog/product/1045386> (Accessed: 23 June 2025).
7. Tikhomirov Yu. A. Legal sovereignty: a measure of “external” influence and risks. *Comparative law studies in the context of state integration: Proceedings of the II International Congress of Comparative Law Studies* (Moscow, December 3, 2012). Eds. Yu. A. Tikhomirov, V. I. Lafitsky. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M; 2013. Pp. 16–23. (In Russ.) URL: <https://znaniyum.ru/catalog/product/439346> (Accessed: 23 June 2025).
8. Morozova L. A. The evolution of ideas about the legal nature of the state and its features in the pre-revolutionary legal literature of Russia. *Novyj rakurs = New Perspective*. 2020;(1):143-159. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-predstavleniy-o-yuridicheskoy-prirode-gosudarstva-i-ego-priznakah-vdorevolutsionnoy-yuridicheskoy-literature-rossii> (Accessed: 23 June 2025).
9. Pokrovsky P. A. On state power (An attempt at a monistic construction of the legal essence of the state of law). *Legal notes published by the Demidov Law lyceum*. Issue IV (XXII). Yaroslavl; 1914. Pp. 575–603. (In Russ.)
10. Kornev V. N. *Problems of the theory of the state in the liberal legal thought of Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 437 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Колыванцева Мария Александровна, старший преподаватель кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Maria A. Kolyvantseva, Senior Lecturer at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 340.113 (495+470)

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.61-79



Правовая терминология Средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетическая связь с Византией (X–XV вв.)

Татьяна Валентиновна Власова¹,
Сергей Александрович Колунтаев²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>

² sa@koluntaev.ru

Аннотация

Введение. Правоведению, как и государствоведению, соответствует характерный для юридического знания понятийно-категориальный аппарат, который часто имеет пересечения с философско-религиозными, историческими, нравственно-этическими и даже сугубо богословскими формами мышления. У них могут быть общими или родственными как семантика (смысловое содержание), так и этимология (происхождение, образование). Процесс формирования отечественной средневековой правовой терминологии рассматривается авторами во взаимосвязи с византийской.

Теоретические основы. Методы. В соотношении с византийскими источниками рассматриваются средневековые памятники политико-правовой мысли Руси и применяемая в них терминология. Для получения научного результата используются общие логические приемы, сравнительно-исторический, системный, догматический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. Установлено, что в средневековом правовом понятийно-категориальном аппарате достаточно часто юридические термины соединены с неюридическими.

Обсуждение и заключение. Средневековый правовой понятийно-категориальный аппарат создавался под воздействием философско-религиозных и богословских форм мышления, под влиянием Византии. Русская государственно-правовая теория на всех этапах обнаруживает глубокую преемственность в основных категориальных понятиях, без учета которых невозможно представить труды мыслителей не только в Средние века, но и в последующие эпохи.

Ключевые слова: правда, обычай, закон, право, справедливость, истина, благодать

Для цитирования: Власова Т. В., Колунтаев С. А. Правовая терминология Средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетическая связь с Византией (X–XV вв.) // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 61–79. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.61-79.

Original article

The Legal Terminology of Medieval Russia (XI–XVI Centuries) and Its Genetic Connection with Byzantium (X–XV Centuries)

Tatiana V. Vlasova¹, Sergey A. Koluntaev²

^{1,2} Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

¹ t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>

² sa@koluntaev.ru

Abstract

Introduction. Jurisprudence, like state studies, corresponds to the conceptual and categorical apparatus characteristic of legal knowledge, which often intersects with philosophical, religious, historical, moral, ethical, and even purely theological forms of thinking. They may have common or related semantics (semantic content) and etymology (origin, education). The authors consider the process of formation of Russian medieval legal terminology in relation to the Byzantine one.

Theoretical Basis. Methods. Medieval monuments of the history of political and legal thought of Russia and the terminology used in them are considered in relation to Byzantine sources. To obtain a scientific result, general logical techniques, comparative historical, systematic, dogmatic and hermeneutic research methods are used.

Results. It has been established that in the medieval legal conceptual and categorical apparatus, legal terms are often combined with non-legal ones.

Discussion and Conclusion. The medieval legal conceptual and categorical apparatus was created under the influence of philosophical, religious and theological forms of thinking, under the influence of Byzantine. At all stages, Russian state-legal theory reveals a deep continuity in the basic categorical concepts, without which it is impossible to imagine the course of thought of thinkers not only in the Middle Ages, but also subsequent epochs.

Keywords: truth, custom, law, legislation, justice, truth, grace

For citation: Vlasova T. V., Koluntaev S. A. The legal terminology of Medieval Russia (XI–XVI centuries) and its genetic connection with Byzantium (X–XV centuries). *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):61-79. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.61-79.

Введение

Вопрос о необходимости терминологической унификации юридического словаря ставился в современной историко-правовой литературе неоднократно. В. С. Нерсисянц обращал внимание на его значение в соотношении с различными подходами, характерными для других гуманитарных наук, к анализу правовых категорий и процессу правоприменения, считая, что отсутствие единой методологии в исследованиях приводит ученых к различным сущностным выводам в отношении права и всех правовых институтов [1, с. 28–29]. В. А. Рогов и В. В. Рогов отмечали, что в «...массе филологической

и лингвистической литературы вопрос о юридических терминах и словах зачастую обходится стороной. Даже этимология и семантическое значение слов “закон”, “право” – порой попросту отсутствуют. Показательно, что в словаре старославянских слов последних лет древнерусское слово “правость” определяется как равнозначное “справедливости”. Здесь имеется явный “выход” в юридическую семантику и за пределы чисто формальных юридических подходов к праву на уровне ранней государственности» [2, с. 17]. С этим выводом трудно не согласиться.

Для правильного понимания истории развития российской юридической практики и правовой мысли необходимо выяснить семантику и этимологию всех терминов, связанных с правотворчеством и правоприменением, как и сопутствующих им слов, не являющихся юридическими терминами, но выполняющих определенные задачи при составлении юридических формул, предусматривая при этом процесс их дальнейшей эволюции и складывающихся между ними взаимоотношений.

В эпоху Средневековья лексика и фразеология языка юридических актов и, соответственно, их употребление в политико-правовых доктринах имели особую терминологическую организацию. Термин мог обозначить сложное смысловое понятие одним словом или формулой, состоящей из группы слов. К юридическим терминам безусловно относятся такие слова, как правда, обычай, покон, закон и право. Однако есть еще ряд других слов, не имеющих прямого отношения к ним, «выходящих за пределы чисто юридического анализа» (В. А. Рогов, В. В. Рогов), но тесно с ними соприкасающихся, – справедливость, истина и благодать.

При анализе юридической терминологии, сложившейся еще в домонгольский период развития русской государственности (условно называемой учеными Киевским государством), необходимо также учитывать применение терминов, употребляемых еще в языческое время, с их осмыслением и развитием уже в христианской культуре. Следует помнить также, что «толковый словарь» христианина «...состоял из символов Священного Писания (Библии), охватывал все вещи», начиная от бытовых реалий и «до единосущной Троицы», предполагая «уменьше за материальной оболочкой предметов увидеть проявление бесконечной мудрости божьей, объяснить скрытые уроки, которые творец вложил в эти “символы”». Такой способ познания был характерным для человека в «века веры» (Ф. Энгельс), т. е. в Средневековье, когда «реальные связи заменялись ассоциациями... и переносились в надзвездные сферы», причем «библейские сюжеты рассматривали как прообразы истории Христа» [3, с. 11–13].

Средневековый писатель обычно старался подтвердить высказываемое положение цитатой из Ветхого или Нового Заветов. Например, писатель конца XII – начала XIII в. Даниил Заточник достаточно часто свои предложения, проекты или просьбы (моления) формулировал с помощью подборки стихов из Библии, составляя фразы из разных ее глав и Книг в целях придания большей авторитетности и убедительности. Причем пользование этим весьма распространенным методом не лишало авторские тексты самостоятельности и оригинальности, а лишь показывало читателю глубокое знание «Книги книг» (Библии) и умение пользоваться сложными писательскими приемами, распространенными в литературном процессе Средних веков.

Теоретические основы. Методы

Авторы использовали сравнительно-исторический, системный, догматический и герменевтический методы исследования, общие логические приемы при анализе правовой терминологии, получившей свое наиболее полное выражение в произведениях русских и византийских средневековых писателей, историков и хронографов как светского, так и духовного профилей.

Результаты исследования

Теоретическое обоснование отечественных юридических знаний, как и терминов, их обозначающих, было изложено еще Киевским митрополитом Иларионом в первом русском политическом трактате «Слово о Законе и Благодати» [4] (XI в.), который включал вопросы, касающиеся законотворчества и правоприменения. Нравственные правила в схеме, предложенной Иларионом, восходят к Новозаветной этике и обозначаются термином «Истина», носителем которой является Иисус Христос («Истина есть Христос»). Исполнение Закона Иларион рассматривал как подчинение чужой воле: Бога, государя, господина, а Истину – как самостоятельный выбор поведения, осуществляемый свободной волей человека, дарованной ему Всевышним. Христианин должен руководствоваться в своих поступках нравственно-этическими правилами Нового Завета, на основании которых самостоятельно определять свое поведение, с ответственностью за свой выбор [4, с. 61; 5, s. 161].

До распространения христианства люди подчинялись обычаю и закону, которые, регулируя повседневное поведение, способствовали их самосохранению. Термины «закон» и «обычай» в течение некоторого времени употреблялись как синонимы, обозначая принятые в обществе правила поведения. Затем, вступив на путь веры в Иисуса Христа, человек осеняется Благодатью (полученной также в качестве Божественного дара от Всевышнего), указывающей ему путь к познанию Истины. Причем происходит это преобразование людей, приобщившихся к христианской религии, исторически последовательно: прежде Бог дал людям «Закон, потом она, Благодать». Закон был дан им «на приуготование к Благодати и Истине; да в нем обыкнет человеческое естество». В начале своего бытия человечество, находящееся в языческом состоянии, подобно «скверному сосуду», омывается водой – Законом, и только затем в чистый сосуд наливается «млеко Благодати», помогающее людям постигать Истину. Иларион сравнивает Закон со светом луны, а Истину – с сиянием солнца [4, с. 31–32, 33, 41].

Известно, что слово «закон» появилось задолго до принятия христианства. В «Повести временных лет» в рассказе о славянах, их географическом расселении и устройстве их племенной организации было сказано: «Все они имели свои обычаи и законы своих отцов и предания, и каждый – свой нрав... Говорит Георгий (Амартол) в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, принимают как предание отцов»» [6, с. 211].

Наиболее вероятным относительно семантики слова «закон» является мнение, связывающее его происхождение с греческим языком. В Полном церковно-славянском словаре указано, что закон (νόμος) – греческое слово, означающее «узаконение, постановление». В качестве примеров даны ссылки на сти-

хи Ветхого Завета (Ис. 12:49; Чис. 15:15; Втор. 1:10; 9; 53; 10; 6:9; 11; 62:13); имеется упоминания о Законе Моисеевом и Евангелиях, а также Деяниях и Посланиях апостолов. «В христианском учении определеннее называется именемъ закона Христова»¹. Здесь же слова «законоположитель», «законоположник – законодатель» (Псал. 83:7). Составитель этого Словаря протоиерей Григорий Дьяченко не имеет никаких сомнений в ветхозаветном происхождении этого термина, известного на Руси на греческом языке, скорее всего, пришедшего из Византии, с которой Русь имела взаимоотношения еще до принятия христианства.

Близкой в этом вопросе является позиция В. А. Рогова: «Уже с первых веков христианства подвижники и теоретики Восточной церкви понимали под “законом” своеобразный синтез христианских юридических установлений. Сюда включались, прежде всего, ветхозаветные заповеди, Закон Божий, что дозволено и недозволенно делать человеку, что прослеживается уже во II–III вв. с акцентом на первую составляющую вместе с употреблением термина “закон” как Божественного установления. Отцы Восточной церкви выделяли и его светское значение. Св. Иоанн Дамаскин (VIII в.) писал, что “закон” не только Заповедь Бога, но и проявление Его воли, направляющей людей на Благо в земной жизни. Отклонение от закона в таком совокупном понимании есть грех, в который толкает людей враг рода человеческого» [7, с. 80].

И. А. Исаев полагает, что слово «закон» возникло в эллинистической культуре, сформировавшей представление о священном Законе, лежащем в основании разного рода политических учреждений и институтов, полисов, государств, и позже в Римской империи, получающих законодательную силу не только из человеческих рук, но и трансцендентных источников [8, с. 42–46]. О греческом происхождении слова «закон» пишет и О. А. Омельченко [9, с. 17].

По мнению филолога О. В. Никитиной, «существительное закон – древнейшее слово. Письменные памятники древнерусского языка фиксируют употребление слова закон с XI в.» [10, с. 345]. Далее она называет его «болгаризмом», употребляемым «еще императором Константином Багрянородным», считая, что слово «закон» в греческом языке употреблялось в значении «закон и обычая» [10, с. 345]. В своем анализе данный автор опирается помимо других источников на греческий лексикон, который не только представляет фонетическую транскрипцию термина на греческом языке, но и демонстрирует явную этимологическую связь с его славянскими корнями. Внедрение данного термина в греческий лексикон, вероятно, свидетельствует о значительном присутствии славянского населения в Византийской империи в рассматриваемый исторический период. Этот процесс демонстрирует динамическое взаимодействие между культурными и языковыми системами, что является ключевым аспектом изучения социолингвистических процессов в поздней античности и раннем Средневековье.

Но есть и другие мнения. Например, А. В. Антонов утверждает, что термин «закон» происходит от русского слова «кон» – основа, «покон» – то же слово

¹ Подробнее см.: Полный церковнославянский словарь: (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений): [ок. 30 000 слов] : пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. М. : Отчий дом, 2004. С. 193.

с приставкой «по», указывающей на действие «по изначальному порядку», «по исконному порядку» [11, с. 237–238]. В. А. Рогов, критикуя эту точку зрения, отмечает: «Будучи более древним обозначением понятия, нежели термин обычай, покон во времена Русской Правды обозначал элемент обычного права, узаконенного на государственном уровне в письменном законодательстве. Но в этой роли закона обозначение его через архаическое слово “покон” было уже не нужно, поскольку явление органически входило в состав законодательных норм. И термин “покон” выходит из употребления уже в XII в.» [2, с. 201–202]

После принятия Русью христианства закон, бытовавший наряду с обычаем, часто в одинаковом смысловом значении, поменял свое содержание, расширив в связи с сакрализацией свою этимологию. Источником Закона стала объявляться исключительно Божественная воля. В таком аспекте термин «Закон» стал употребляться только лишь для выражения понятий высокого порядка: Законы Бога, Законы христианские, Законы Святых Отцов, Законы Вселенских Соборов, но иногда и Закон государя. Но поскольку ранее он долгое время в обыденной жизни понимался и употреблялся как принятое в обществе и поддерживаемое им правило поведения, то образовался некий «сплав языческого и византийского мировоззрений», приведший к тому, что «“закон” начал употребляться как в светском, так и религиозном значениях» [7, с. 79, 80, 83], включая в свое содержание юридические и нравственные характеристики.

Постепенно термин «закон» в обыденной лексике стал вытесняться термином «правда». В. Я. Дерягин находит «идеологическое объяснение этому языковому факту – исчезновению из светской юридической терминологии слова закон» – в том, что «Закон не православное слово», оговариваясь при этом, что «само слово (закон), конечно, из языка не исчезло, оно сохранялось как термин богословия и церковного строительства: Закон и Завет в православной литературе часто выступают как синонимы» [4, с. 8].

Термин «правда» весьма многозначен по своему смысловому значению. В современной литературе существуют разнообразные и нередко противоречивые его толкования. Семантика «правды» как термина раскрывается лишь в немногих словарях. У ряда составителей словарей современного русского языка отсутствуют сведения о происхождении этого слова, в качестве пояснения его этимологии предлагаются весьма произвольные варианты. Так, согласно Этимологическому словарю современного русского языка, составленному А. К. Шапошниковым, слово «правда» восходит в качестве корневого начала к «прав – прямой, правильный, невиновный», но, может быть, оно образовалось и «из православного – правъ, родственного латинскому *pravus*». Далее автор, со ссылкой на Словарь русского языка, сообщает, что «в русском языке XI–XVII вв.» правда (означает) «правосудие, справедливость»². В данном случае, как выше было замечено В. А. Роговым и В. В. Роговым, имеет место «...явный “выход” в юридическую семантику и за пределы чисто формальных юридических подходов к праву» [2, с. 17]. В этимологическом словаре, составленном Г. А. Крыловым, «правда» рассматривается как общеславянское слово, образованное на основе среднего рода слова «правъ»

² См.: Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 2. С. 195.

(правый)³. В. Н. Тимофеев ищет корни «правды» в иврите и в конечном итоге приходит к выводу, что корневым словом для «правды» является «справедливость»: «корневое слово “справедливый” от “со+правдивый”». К тому же он считает, что как «юридический термин (правда) сравнительно недавнее образование, во всяком случае, в Старославянском словаре он не отмечен и принадлежит к тому же гнезду, что и правило»⁴. С. Колибаба пишет: «Существует так много определений термина “правда”, так что бессмысленно перегружать внимание читателя различными толкованиями – у каждого правда своя»⁵. Это так и не так. Дело в том, что «правда» – многогранный термин, употребляемый в различных отраслях гуманитарного знания, однако представляется, что основное его содержание относится в наибольшей степени к религиозному словарю, который в средневековом христианском государстве являлся главным для всех направлений знания, что нами отмечалось выше.

Происхождение слова «правда» согласно авторитетному словарю М. Фасмера связано со старославянским языком, ибо он полагает, что ближайшей его родственной семантикой является «укр. *п́равда*, блр. *праўда*, др.-русс., ст.-слав. *правѣда* δίκαιοσύνη, δίκιον, ἀληθεία (Супр.), болг. *П́равда* – то же, а также в знач. “поголовье скота”, сербохорв. *п́равда* “правда; тяжба”, словен. *grāvda* “положение, закон, судебное дело”, чеш., слвц. *pravda* “правда”, польск., в.-луж. *prawda*, н.-луж. *rśawda*. От *правъ* (см. *п́равый*). Отсюда произведены *п́раведный*, др.-русс., ст.-слав. *правѣднѣ* ἄγιος, δίκαιος (Супр.), *п́раведный*, диал. также “леший”, задабривающее табуистическое название (Хаверс 114), *п́раведник*, др.-русс., ст.-слав. *правѣдникъ* ἄγιος, δίκαιος, μαρτυς Χριστοῦ (Супр.)»⁶. Некоторые составители современных словарей с этим мнением соглашаются [12, с. 91]. Нам выводы М. Фасмера относительно семантических корней слова «правда» также представляются наиболее убедительными.

В словарях, определяющих этимологию слова «правда», все его толкования восходят к изначальному богословскому определению «правда – истина»⁷, а истина есть Христос, т. е. в данном случае предполагается исполнение Нового Завета Иисуса Христа, обращенного ко всему человечеству, в отличие от Ветхого Завета, отсылающего только к иудеям, именно в этом и заключается такая его многозначность.

³ См.: *Этимологический словарь русского языка* / сост. Г. А. Крылов. СПб. : Полиграф услуги, 2005. С. 314.

⁴ *Этимология слова правда*. URL: <https://proza.ru/2021/10/20/1194> (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ *Колибаба С. Правда – этимология*. URL: <https://proza.ru/2014/08/18/669> (дата обращения: 15.03.2025).

⁶ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 3 (Муза – Сят). М. : Прогресс, 1987. С. 352.

⁷ *Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка*. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1895. Т. 2. Стб. 1355. В качестве первого и главного значения слова «правда» у И. И. Срезневского значится: «Правда есть истина», в подтверждение дана ссылка на Евангелие от Матфея IV:6. И. И. Срезневский насчитал тридцать различных значений «правды», в их числе он назвал и справедливость, которая, по его мнению, заключается в «исполнении правды».

В. И. Даль высказался еще определеннее: «Правда – истина на деле, истина во образе», т. е. в образе Иисуса Христа – Его жизни, деятельности и Его учении. Далее лингвист распространяет смысловое значение термина «правда» и на юридические категории, прежде всего на правосудие, подробно перечисляя ее значения в этом процессе. Многие аспекты применения «правды» даются со ссылками на Псалтирь, подтверждая ее первичное религиозно-философское значение. В. И. Даль подчеркивает, что именно «по первому коренному значению, правдой зовется Судебник, свод законов, кодекс. Русская Правда и Правда Ярослава, сборник узаконений, уставник. По сему правда старое право суда, власть судить, карать и миловать, суд и расправа»⁸. Слово «справедливость» В. И. Даль в определение и толкование «правды» также включил; оно рассмотрено им отдельно, и к нему мы еще обратимся при рассмотрении слов, сопутствующих и взаимодействующих со словом «правда».

В Словаре древнерусского языка «правда» определяется как «истинная правда, пророками реченная»; в роли наречия: «истинно, правильно; действительно, подлинно, в самом деле, во истину»; выделены все слова и формулы, относящиеся к правоприменению: «взяти правду – выиграть иск в суде, погубити правду – проиграть иск; в правду – в соответствии с договором, а также «закон, правило, установление, свод постановлений, законов, правил»⁹.

Под правдой может пониматься и судебное разбирательство гражданских и уголовных дел. Например, Владимир Мономах в «Поучении», обращаясь к своим детям, советует им: «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу» [13, с. 155]. «Оправдать» – не означает признать правым по иску или невиновным в совершении какого-либо преступления, поскольку в лексике того времени слово «оправдать» означало: дать скорый (без задержек и волокиты) суд «по правде» (т. е. по существующим в государстве обычаям, законам и уставам), равный для всех подданных, независимо от его результата, т. е. обидимый всегда должен быть защищен, обидчик наказан по своей вине, а невиновный оправдан.

Словарь русского языка XI–XVII вв. в качестве первого и основного значения также называет «правда – истина». Перечисление основных значений слова «правда» составители этого словаря начинают именно с его юридического содержания, однако особенность толкования заключается в рассмотрении слова «справедливость» как «свойства права»¹⁰.

Представляет интерес толкование термина «правда», предложенное В. А. Томсиновым, установившим, что оно «имело по меньшей мере десять различных смыслов» [12]. Называя различные юридические «смыслы», обозначаемые словом «правда», ученый не упомянул общее этимологическое его содержание, в котором юридическое значение имеют только некоторые из них. Он затронул также спорный в современной науке вопрос о времени возникновения термина «право», выразив несогласие с исследователями, считающими

⁸ Даль В. И. Толковый словарь. М. : Гос. изд-во иностран. и национал. сл., 1955. Т. 3. С. 379.

⁹ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М. : Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз., 2004. Т. 7. С. 448–455.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1992. Вып. 18. С. 96.

ми, что «в древнерусской исторической лексике вообще отсутствовал термин «право»» [12, с. 91]. В. А. Томсинов со ссылкой на В. В. Иванова и В. Н. Торопова выразил полную уверенность в том, что слово «право, право» было весьма распространенным термином в праславянских языках, обозначавшим свод правил, устав, законы и т. д. – все, что подразумевает и современный термин «право» [12, с. 91]. Он утверждает, что о весьма широком употреблении термина «право» в юридической лексике Древней Руси свидетельствует и наличие множества производных от него слов: «правосуд», «правосудие (правосудство)», «правоправление», «правость» (в смысле законности), «правомерие», «праведный», «правный», «правая грамота» и др. [12]. Все это означает, что слово «право» было в древнерусской лексике столь же употребимым юридическим термином, как и «правда», и таким же широким по значению.

С ним соглашается Ю. Д. Кокамбо, обращая в числе прочего внимание на то, что «категория «правда», прочно вошедшая в правовые источники Древней Руси, по мнению ряда исследователей, должна рассматриваться шире, нежели категория «право». На тот момент она включала в себя историческую, философскую и юридическую сторону явлений, совокупность справедливых правил, юридических норм, божественных установлений и др. Важной особенностью существования права той эпохи является его неразрывная связь с божественным началом» [14, с. 106].

Однако с трактовкой термина «правда» как права, да еще в нашем современном понимании, вряд ли возможно согласиться. Слово «право» действительно было известно и употреблялось в древнеславянской юридической терминологии, но не в том значении, в котором мы понимаем его сегодня. Этот вопрос был подробно рассмотрен еще В. В. Виноградовым, отмечавшим: «Слово *право* в его общественно-политическом и юридическом значении укрепилось в русском литературном языке не ранее XVI–XVII вв.»; его формирование связано, в определенной мере, с влиянием, оказанным «польскими кальками немецких слов... и словами общеевропейскими в польском фонетическом обличье... и латинизмами в польской переработке», – все эти обстоятельства необходимо учитывать [15, с. 39–40].

Кроме того, В. В. Виноградов обратил внимание на слова «правда и право», указав «на отсутствие [у них] разработанной семантической истории». Он предложил принимать во внимание при их дальнейшем изучении то, что «определение общих тенденций языкового развития в ту или иную эпоху содействует хронологическому приурочению отдельных семантических процессов в области лексики» [16, с. 6]. Ученый отметил: «Этимология лишь тогда получает твердый научный фундамент, когда она вписывается в историческую лексикологию или историческую семантику» [16, с. 14]. При этом необходимо следить «за последовательными сменами и наслоениями значений слова... предмет может называться тем же, каким он был прежде, хотя бы он за истекшее время подвергся значительным изменениям» [16, с. 15, 17].

Митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» толкует термин «правда» как обозначение обязательного правила поведения, исходящего от христианской власти, но включающего в свое содержание и нравственные критерии. Понятия «правда» и «истина» у него сближены, поскольку законодательство, исходящее от носителей власти, должно быть истинным, а посему и справедливым по отношению ко всем людям. В противном случае невозмож-

но будет обеспечить всеобщее ему подчинение. Антонимом «правде» в этом случае является «неправда», т. е. несправедливость, выраженная в противозаконных постановлениях властей или поступках.

Таким образом, термином «неправда» могут быть обозначены как преступление в юридическом значении этого понятия, так и проступки, противоречащие христианской морали. В этом аспекте необходимо отметить, что Иларион утвердил определенную традицию, согласно которой слово «правда» употребляется как юридический термин (законы христианского государства), включающий в свое содержание в качестве обязательных компонентов юридическую составляющую, а в свое обоснование – нравственную мотивацию.

В. С. Нерсисянц отмечал, что с позиций правопонимания следует учитывать, что еще с древнейших времен право имело «...такие характеристики, как правда, справедливость, правосудие, закон, главнейший закон, обязанность, правила, законоположения, предписанная обязанность, обычай... образ действий, долг, добродетель, нравственное убеждение, благочестивая цель, религиозная цель и т. д.» [17, с. 31].

Вряд ли возможно согласиться с мнением С. Матхаузеровой, полагающей, что «между правдой и законом» есть некая альтернатива, что заметно в восприятии этих понятий Иларионом [18]. Но ни у Илариона, ни у последующих русских мыслителей такой альтернативы не было и не могло быть, так как правда, понимаемая как княжеское законодательство, должна соответствовать Закону в его высшем (сакральном) значении. В рассуждениях Илариона Закон, воспринимаемый в теологическом значении, содержит более широкие понятийные характеристики, нежели «правда», как это было показано выше.

С течением времени, в период позднего Средневековья, в Московском государстве с изменением и усложнением социальных, политических и юридических условий возникает необходимость во всестороннем и квалифицированном регулировании более развитых общественных отношений, причем на значительно большей по размеру территории. В связи с этим содержание понятий «правда» и «закон» и их соотношения подверглись смысловым изменениям. В период позднего Средневековья в Московском государстве был принят ряд Судебников (1497 г., 1550 г., 1589 г., 1606 г.), а затем и Соборное Уложение 1649 г. Термин «закон» стал обозначать в юридическом слове, употребляемом законодателями и мыслителями и воспринимаемом всеми подданными, нормированное правило поведения, обязательное для исполнения и защищенное санкцией государства. Произошла некая метаморфоза во взаимодействии понятий «правда» и «закон» – они как бы поменялись местами. У Илариона «Закон» по своему теологическому (сакральному) значению имел более широкий объем содержания по сравнению с «правдой». Мыслители XV–XVI вв., напротив, начали воспринимать «правду» в расширенном значении, восстановив традиционно сложившуюся этимологию этого слова. Понятие «правды» становится ключевым в разрешении всех коллизий в общественной и государственной жизни.

Иосиф Волоцкий прямо поставил вопрос о том, что покоряться подданные обязаны царю только в том случае, если все его постановления и распоряжения соответствуют *правде* и направлены ко благу его подданных, если же царем владеют такие страсти, как «...сребролюбие, гнев, лукавство и не-

правда... то таковой царь не божий слуга, а диавол» и ему можно «не токмо не покориться», но и оказать сопротивление, как это не раз делали апостолы и мученики, «иже от нечестивых царей убиены быша и повелению их не покоряшася». А «трие же отроки не только не покоряшася повелению Навуходоносора царя», но обличали его, назвав «мерзким отступником», ибо «такий царь не божий слуга, но диаволь и не царь есть, но мучитель» [19, с. 287].

Максим Грек в своих трудах, написанных в России, стал обозначать термином «правда» все формы законной деятельности властей. «Правда» в его понимании – это, прежде всего, наличие в государстве равного и немздоимого суда для всех подданных. Его фраза «правда – сиречь прав суд» стала крылатой, ибо обозначала такой суд, в котором тяжба каждого человека рассматривается на основании законов, нелицеприятно, не мздоимно, но при этом «кротость растворенна со устрашениемъ государьскимъ на исправление ихъ (преступивших закон. – Т. В., С. К.), а не на погубление» [20, с. 184].

И. С. Пересветов, обращаясь к термину «правда», воспользовался для его толкования-разъяснения текстом Соборного Послания апостола Иакова, тесно связав «веру» и «правду»: «...как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва», или «вера если не имеет дел, мертва сама по себе»¹¹. И. С. Пересветов понимает «правду» в широком и даже, можно сказать, всеобъемлющем значении, ибо если в государстве «правды нет, то и всего нет» [21, с. 176]. Божественное требование, обращенное к властителям в императивном плане, предписывает им: «Делайте правду во царстве Моем Богоданном... иже бог любит правду, а за неправду гневается неутолимым гневом» [21, с. 180]. При таком расширительном толковании термина «правда» его действие распространилось не только на философско-религиозную, но и на социальную и государственно-правовую сферы отношений людей.

Зиновий Отенский считал недопустимым принятие жестокого и к тому же неисполнимого законодательства, усматривая в этом нарушение правды и справедливости [22, с. 892].

А. М. Курбский, критикуя творимые царем Иваном IV и его «соспешниками» бессудные расправы с населением, традиционно обращался к понятию «правда». Он ставил вопрос о том, что закон, принятый государственной властью, не всегда следует воспринимать как правовое предписание и оказывать ему полное подчинение, так как он по своему содержанию может не соответствовать «правде», т. е. тем критериям, которые должны характеризовать законные и справедливые установления государственной власти. Только справедливые предписания государственной власти могут быть восприняты народом как правовые и необходимые к исполнению [23, с. 93, 94 и др.].

В летописях почти в каждой эпитафии и энкомии, посвященных умершему или здравствующему князю, обязательно упоминалась его любовь к «правде и истине». Под «правдой» стал фактически пониматься весь правопорядок в государстве, тогда как термин «закон» сохранился только для обозначения нормативного акта, исходящего от верховной власти и защищаемого ею. Общественное правосознание начинает оценивать «закон» в зависимости от его соответствия или несоответствия «правде», воспринимаемой как всеобъемлющая категория, обязательное соблюдение которой необходимо в процессе

¹¹ Иак. 2:17; 21, 26.

правотворчества и правоприменения всеми участниками общественных отношений (властвующими и подвластными).

Вывод мыслителя первой трети XVII в. Ивана Тимофеева о том, что властитель обязан и сам соблюдать все действующие в обществе законы, ибо в случае их нарушения с его стороны он не может рассчитывать на подчинение законам подданных, полностью обусловлен всеми предшествующими рассуждениями на эту тему [24, с. 109–110, 282–283].

У византийского писателя XI в. Кекавмена есть похожие суждения по данному вопросу. Он также считал, что только в том случае, если законоположник «во всех своих действиях поступает хорошо, то мы повинемся ему. А если бы он сказал: “Пей яд!”, – ты, конечно, не сделал бы этого. Или хотя бы сказал: “Войди в море и пересеки его вплавь”, – но ты и этого не можешь исполнить. Поэтому знай, что василевс как человек подвластен законам благочестия» [25, с. 291].

Властитель обязан соблюдать все действующие в обществе законы, в случае же их нарушения с его стороны он не может рассчитывать на полное подчинение законам подданных. Византийский мыслитель VI в. дьякон Агапит в «Поучении благого царства», обращенном к императору Юстиниану I, широко распространенном в России в раннее и позднее Средневековье и часто цитируемом летописцами и мыслителями (Иосифом Волоцким, Максимом Греком, А. М. Курбским и др.), писал, что государь, получив «скипетр земного владычества (от Бога)», должен, «повинуясь законам правосудия и, управляя подданными по законам, научить людей блюсти правду и обуздать неистовство дерзких ее нарушителей»; «По существу тела Государь равен всякому человеку, а по власти и сану, не имея никого выше себя, подобен Верховному Владыке, Богу. Посему он и Богу не должен гневаться, потому что хотя он почтен Божественным образом, но вместе с тем с прахом земным смешан: по чему научается признавать в себе со всеми равенство»; «кто сам живет по законам, но позволяет другим жить не по законам, тот перед судом Божиим почитается соучастником в преступлениях», т. е. законам подвластны все – и правители, и подданные, но правитель еще и обязан не допускать нарушений законов в подвластной ему стране, поскольку отвечать за них придется не только нарушителям, но и правителю [26, гл. 2, 12, 15, 21].

В соответствии с традицией излагает свою позицию по этой теме и Филофей (конец XV – начало XVI в.). Понятия «правда» и «закон» (в связи с совмещением им права и морали) у него почти сливаются, но в некоторых случаях границы «правды» расширены по сравнению с законом. Понятие «неправда» воспринимается Филофеем как нарушение законов и, одновременно, нравственных правил поведения, причем нарушения нравственности и преступные деяния перечисляются им в одном смысловом ряду. Такие уголовные деяния, как хищения («восхищение чужих имений»), клевета (ложный донос), продажа людей («бысть продан от него человек»), преступления против правосудия («неправдою судил»), рассматриваются наряду с безнравственными поступками: «помыслил на кого злое», «унижение кому сделал», «злословил» и т. п. Практически любое безнравственное деяние воспринимается Филофеем одновременно как незаконное и несправедливое. Законы государства, по Филофею, представляют только часть правды, поддерживаемой силой власти, и они должны быть основаны на Божественных заповедях, поэтому по своему

замыслу и содержанию должны соответствовать правде [27, с. 128–144]. Преступление против правды одновременно расценивалось и как преступление против веры. Поскольку «правда», «праведное житие» предполагают одновременно соблюдение законов государства и нравственных заповедей христианства, поэтому толкование «правды» только как «совокупности правовых норм» [28] является явно недостаточным.

Слова, тесно связанные с правовыми терминами, но не являющиеся такими по своему содержанию, перечислены еще Иларионом в «Слове о Законе и Благодати»: справедливость, истина и благодать.

Наибольшие споры у современных ученых вызывает слово *справедливость*, поскольку некоторые вводят ее непосредственно в содержание всех правовых категорий. В связи с этим историки-юристы отметили «возрастание научного интереса к философским аспектам правоведения», обратив внимание на «актуальность теоретического исследования справедливости с использованием современной методологии изучения государства и права» [29, с. 87]. Дискуссия на эту тему активизировалась после определения В. С. Нерсисянцем права как «...равенства (как общего масштаба и равной меры свободы людей, которое включает в себя с необходимостью и справедливость... справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость внутреннее свойство права; категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)» [1, с. 28–29]. Позиция В. С. Нерсисянца изложена ясно и недвусмысленно. Вместе с тем он признает, что само понятие «справедливость» возникло давно, еще в эллинистический период, и обозначалось оно словом «дике». «Божественная по своей природе справедливость у Гомера выступала в качестве объективного основания и критерия правового. И только то, что соответствовало тогдашним взглядам на справедливость, воспринималось как право. Лишь благодаря легитимации в контексте представлений о справедливости (дике) то или иное притязание становилось правовым и входило в обычай (темис), общепринятые нормы поведения. ...Дике охраняет божественную справедливость и карает за отступления от нее» [1, с. 492].

В Словаре древнерусского языка «справедливость» рассматривается как божественное качество. «Божественная справедливость; нормы поведения, соответствующие представлениям о высшей справедливости»¹². В Словаре В. И. Даля справедливость определяется также и как правда: «Правда – истина на деле, истина во образе, во благе»; «По правде, по истине, по справедливости...»¹³. «Справедливый – правильный, сделанный законно, по правде, по совести...»¹⁴. Религиозный аспект сохраняется (по совести), но и юридический присутствует (законно). И. И. Срезневский тоже тесно связывает правду со справедливостью: «По правде есть – справедливо... Безъ правды – несправедливо; Правда дати – относиться справедливо». Так же, как и в Словаре

¹² Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. Т. 7. С 451. Дана ссылка на «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Справедливо – по Божественной правде, несправедливо – без Божественной правды.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 3. С. 379.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 299.

древнерусского языка XI–XVI вв., дана ссылка на «Слово о Законе и Благодати» Илариона¹⁵.

Представляется, что все перечисленное, скорее, приводит к выводу, что справедливость воспринималась в русском Средневековье прежде всего как «свойство Бога», приложимое ко всем отношениям и деятельности как отдельного человека, так и государственных учреждений и институтов, среди которых выделены наиболее значимые для всего народа ситуации, связанные с законодательством и правосудием. Поэтому, если рассматривать «справедливость» только «как свойство права», происходит явное сужение сферы ее действия и высочайшего статуса. При этом никто не отрицает тесного взаимодействия «справедливости» – как самого термина, так и обозначаемого им понятия – со всеми категориями, образуемыми от слов «правда», «право» и прочих, связанных с корнем «прав», включая все охватываемые ими сферы действия: от законодательства до полного правоприменения. Однако мы признаем, что вопрос этот спорный и нуждается в дальнейшем серьезном исследовании.

Остались еще два сопутствующих юридической терминологии слова, названных нашим первым теоретиком правоведения – митрополитом Иларионом в XI в. – Истина и Благодать.

Истина уже нами выше упоминалась и не нуждается в дополнительных разъяснениях. Благодать хорошо и подробно объяснена Иларионом. В таком понимании она сохранялась в течение всего Средневековья и в какой-то степени перешла и в более поздние времена. Иларион рассматривает Благодать как дар Всевышнего людям, вступившим на путь веры в Христа и следования Его Заповедям. Иисус Христос отправил своих учеников по всем странам (а не к одному какому-либо избранному народу) проповедовать Евангелие всем народам для их спасения: любовь к ближним (ко всем) и добродетель (обязательно). Иларион утверждает, что в связи с этим отношения между людьми начали улучшаться: «Уже не даем на заклятие бесам друг друга» и направляемся «на путь (исполнения) заповедей Его», и «От Востока до Запада хвалимо имя Господне» [4, с. 63, 71]. Пророк Исаия, обращаясь ко всем людям и царям одновременно, просит их слушать и воспринимать Законы, идущие от Господа: «Послушайте Мене, людие Мои, послушайте, и царие, ко Мне внимайте: Сия тако от Мене Закон изыдетъ и судъ Мой во светъ языкомъ. Приближается скоро правда Моя, и изыдетъ яко светъ сияние Мое...» Постепенно люди, начав исполнять Заповеди Христа, сопровождают свой земной путь добродетелями (в противном случае Благодать с них совлекается). «И уже не теснится человечество в Законе, а в Благодати свободно ходит» [4, с. 41].

Благодать все время находится рядом со справедливостью, которая и помогает достичь ее высокого уровня исполнением божественных норм нравственности; она постигается не вопреки Закону, а исполнением его.

Такими представляются не только политическая и правовая терминология (по большей части поступавшая из Византии), но и правосознание средневекового человека, воспитываемого православной конфессией христианской религии, поддерживаемое многообразными связями, установившимися в Средние века между Русью и Византией.

¹⁵ См.: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1355–1356.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, средневековый правовой понятийно-категориальный аппарат создавался под воздействием философско-религиозных и богословских форм мышления.

Во-вторых, русская государственно-правовая теория на всех этапах обнаруживает глубокую преемственность в основных категориальных понятиях, без учета которой невозможно представить ход размышлений мыслителей не только в Средние века, но и в последующие эпохи.

В-третьих, средневековый правовой понятийно-категориальный аппарат развивался под влиянием византийского, на что указывает в числе прочего использование церковнославянского языка в праве.

Список источников

1. Нерсисянц В. С. Философия права. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 848 с.
2. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – середины XVII в.). М. : МГИУ, 2006. 269 с.
3. Даркевич В. П. Путиами средневековых мастеров. М. : Наука, 1972. 192 с.
4. Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина ; реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской ; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М. : Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.
5. Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1963. Roč. XXXII, Seš. 2. S. 141–175.
6. Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. : АН СССР, 1950. Т. 1. 404 с.
7. Рогов В. А. «Закон» и «Обычай» в древнерусской правовой терминологии // *Фемис: ежегодник истории права и правоведения*. Вып. 2. М. : МГИУ, 2001. С. 77–99.
8. Исаев И. А. Рождение Закона из мифа // *История государства и права*. 2013. № 9. С. 39–42.
9. Омельченко О. А. Традиции и наследие русского права : очерки и статьи. М. : МГИУ, 2006. 492 с.
10. Никитина О. В. Слово «Закон» и его употребление в истории русского литературного языка // *Преподаватель. XXI век*. 2013. № 3. С. 345–351.
11. Антонов А. В. Правление и право в древнерусском государстве. Коны и Поконы // *Таможенные чтения – 2018. Образование и наука на современном этапе развития ЕАЭС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. С. Н. Гамидулаева*. СПб. : С.-Петербург. им. В. Б. Бобкова фил. Рос. тамож. акад., 2018. С. 233–244.

12. Томсинов В. А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. 89–94.
13. Повесть временных лет. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. 1. 405 с.
14. Кокамбо Ю. Д. Концепт «право» в русской лингвокультуре: исторический аспект // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 86. С. 105–107.
15. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982. 529 с.
16. Виноградов В. В. История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.
17. Нерсисянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М. : Наука, 1983. 366 с.
18. Матхаузерова С. «Слово о Законе и Благодати» Илариона и древнеславянская традиция // Контекст: литературно-теоретические исследования : сб. М. : Наука, 1990. С. 84–88.
19. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобнаго отца нашего Иосифа игумена Волоцкого. Казань : Тип. Казан. ун-та, 1896. 552 с.
20. Сочинения преподобного Максима Грека. Казань : Казан. Дух. акад., 1860. Ч. II. 460 с.
21. Сочинения И. Пересветова / под ред. Д. С. Лихачева. М. : АН СССР, 1956. 388 с.
22. Истины показание къ вопросившимъ о новомъ учении. Сочинение инокъ Зиновия. Казань : Въ Университет. тип., 1865. 1006 с.
23. Курбский А. М. Сказание о великом князе Московском. М. : УРАО, 2001. 161 с.
24. Тимофеев И. Временник / подгот. к печати, пер., коммент. О. А. Державиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. : АН СССР, 1951. 512 с.
25. Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / подгот. текста, введ., пер. с греч. и коммент. Г. Г. Литаврина. СПб. : Алетейя, 2014. 710 с.
26. Агапит. Изложение глав или статей увещательных греческому императору Иустиниану / Поднесенное Константинопольския соборныя церкви диаконом ; Переведено с еллиногреческаго языка статским советником С. Писаревым. СПб. : Напеч. при Имп. Акад. наук, 1771. 35 с.
27. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев : Тип. Киево-Печерск. Успенск. лавры, 1901. 1029 с.
28. Черепнин Л. В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине правда) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М. : Наука, 1974. С. 211–212.
29. Соловьева А. А. Роль справедливости в правовом регулировании (теоретический и историко-правовой аспекты) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2006. № 5. С. 87–94.

References

1. Nersesyants V. S. *Philosophy of law*. Moscow: Norma; Infra-M; 2020. 848 p. (In Russ.)
2. Rogov V. A., Rogov V. V. *Ancient Russian legal terminology in relation to the theory of law (essays of the 9th – mid-17th centuries)*. Moscow: Moscow State Industrial University; 2006. 269 p. (In Russ.)
3. Darkevich V. P. *The ways of medieval masters*. Moscow: Nauka; 1972. 192 p. (In Russ.)
4. Hilarion. *The Word about Law and Grace*. Comp., introd. art., transl. by V. Ya. Deryagin. Reconstruction of the ancient Russian text by L. P. Zhukovskaya. Comments by V. Ya. Deryagin, A. K. Svetozarsky. Moscow: Stolitisa, Scriptorij; 1994. 146 p. (In Russ.)
5. Rozov N. N. Synodal list of works by Hilarion, a Russian writer of the XI century. *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. Praha; 1963. Roč. XXXII, Seš. 2. Ss. 141–175. (In Russ.)
6. *The tale of bygone years*. Prep. text by D. S. Likhachev. Transl. by D. S. Likhachev, B. A. Romanov. Ed. by V. P. Adrianova-Peretz. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1950. Vol. 1. 404 p. (In Russ.)
7. Rogov V. A. “Law” and “Custom” in Ancient Russian legal terminology. *The-mis: yearbook of the history of law and jurisprudence*. Issue. 2. Moscow: Moscow State Industrial University; 2001. Pp. 77–99. (In Russ.)
8. Isaev I. A. The birth of Law from myth. *History of the State and Law*. 2013;(9):39-42. (In Russ.)
9. Omelchenko O. A. *Traditions and heritage of Russian law*. Essays and articles. Moscow: Moscow State Industrial University; 2006. 492 p. (In Russ.)
10. Nikitina O. V. The word “Law” and its use in the history of the Russian literary language. *Teacher. XXI century*. 2013;(3):345-351. (In Russ.)
11. Antonov A. V. Government and law in the Ancient Russian state. Kony and Pokony. *Customs readings – 2018. Education and science at the current stage of the EAEU development*. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. In 2 vols. Vol. 2. Gen. ed. by S. N. Gamidullaev. St. Petersburg: St. Petersburg named after V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy; 2018. Pp. 233–244. (In Russ.)
12. Tomsinov V. A. The term “truth” in the legal culture of Ancient Russia. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2017;(2):89-94. (In Russ.)
13. *A tale of bygone years*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1950. Vol. 1. 405 p. (In Russ.)
14. Kokambo Yu. D. Concept “law” in Russian linguistic culture: historical aspect. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*. 2019;(86):105-107. (In Russ.)
15. Vinogradov V. V. *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries*. Moscow: Vysshaya shkola; 1982. 529 p. (In Russ.)

16. Vinogradov V. V. *The history of words*. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow; 1999. 1138 p. (In Russ.)
17. Nersesyants V. S. *Legislation and law. From the history of legal doctrines*. Moscow: Nauka; 1983. 366 p. (In Russ.)
18. Matkhauserova S. "The Word about Law and Grace" by Hilarion and the old slavic tradition. *Context: literary and theoretical studies*. Collection. Moscow: Nauka; 1990. Pp. 84–88. (In Russ.)
19. *The Enlightener, or The denunciation of the heresy of the Judaizers. The creation of our Reverend Father Joseph, Abbot of Volotsk*. Kazan: Printing House of the Kazan University; 1896. 552 p. (In Russ.)
20. *The writings of St. Maximus the Greek*. Kazan: Kazan Theological Academy; 1860. Pt. II. 460 p. (In Russ.)
21. *The writings of I. Peresvetov*. Ed. D. S. Likhachev. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1956. 388 p. (In Russ.)
22. *The truth is a testimony to those who inquired about the new teaching. The work of Monk Zinovy*. Kazan: University Printing House; 1865. 1006 p. (In Russ.)
23. Kurbsky A. M. *The legend of the Grand Duke of Moscow*. Moscow: University of the Russian Academy of Education; 2001. 161 p. (In Russ.)
24. Timofeev I. *Temporary worker*. Prep. for publ., transl., comment. by O. A. Derzhavina. Ed. V. P. Adrianova-Perets. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1951. 512 p. (In Russ.)
25. Kekavmen. *Tips and stories. The teaching of the Byzantine commander of the XI century*. Prep. text, introd., transl. from Greek and comment. by G. G. Litavrin. St. Petersburg: Aletejya; 2014. 710 p. (In Russ.)
26. Agapit. *A summary of chapters or articles exhorting the Greek Emperor Justinian*. Presented to the Cathedral Church of Constantinople by a deacon. Transl. from the Hellenic Greek by State Councilor S. Pisarev. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1771. 35 p. (In Russ.)
27. Malinin V. N. *Elder of the Eleazar monastery Philotheus and his epistles*. Kiev: Printing House of Kiev-Pecherskaya Uspenskaya Lavra; 1901. 1029 p. (In Russ.)
28. Cherepnin L. V. From observations on the vocabulary of Ancient Russian acts (on the question of the term truth). *Questions of historical lexicology and lexicography of the East Slavic languages*. Moscow; 1974. Pp. 211–212. (In Russ.)
29. Solovyova A. A. The role of justice in legal regulation (theoretical and historical-legal aspects). *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. 2006;(5):87–94. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Власова Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Tatiana V. Vlasova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Колунтаев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Sergey A. Koluntaev, Cand. Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor at the History of Law and State Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 340.5

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.80-94



Искусственный интеллект в современном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ путей внедрения на примере Сингапура, Малайзии и КНР

Ярослава Олеговна Кучина

*Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск, Российская Федерация
yakuchina@gmail.com*

Аннотация

Введение. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводство на примере Сингапура, Малайзии и Китая. Актуальность темы обусловлена парадигмальным влиянием ИИ на правосудие, включая проблему антропоцентричности права и поиск баланса между технологической эффективностью и судебным усмотрением.

Теоретические основы. Методы. Исследование основано на сравнительном анализе моделей внедрения ИИ в трех странах с различными правовыми системами. Основное внимание уделяется вертикальным (специализированным) генеративным ИИ-моделям, разработанным для конкретных судебных нужд, а не публичным сервисам. Анализ охватывает нормативные рамки, технологические решения и практические результаты внедрения.

Результаты исследования. Выявлены национальные особенности: ИИ в Сингапуре используется для анализа прецедентов (LawNet AI) и автоматизации рутинных задач; в Малайзии – для алгоритмизации назначения наказаний (AISS); в Китае – для роботизации рассмотрения простых дел, обработки доказательств и цифровизации документооборота. Во всех случаях ключевыми драйверами стали нехватка ресурсов, загруженность судов и стремление к унификации практики.

Обсуждение и заключение. Автор приходит к выводу, что современный ИИ эффективен лишь в алгоритмизируемых аспектах судопроизводства, но не способен заменить человеческое суждение в сложных вопросах, требующих учета этических и социальных контекстов. Подчеркиваются риски, включая «галлюцинации» ИИ, высокую стоимость разработки вертикальных моделей и необходимость защиты от «эффекта черного ящика». Делается вывод об отсутствии

универсальной модели внедрения ИИ и о том, что технологии должны дополнять, а не подменять судебную деятельность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, судебная деятельность, сравнительное исследование, Китай, Сингапур, Малайзия, роботы-судьи

Для цитирования: Кучина Я. О. Искусственный интеллект в современном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ путей внедрения на примере Сингапура, Малайзии и КНР // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 80–94. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.80-94.

Original article

Artificial Intelligence in Modern Judicial Proceedings: A Comparative Legal Analysis of Implementation Pathways Using the Examples of Singapore, Malaysia, and the PRC

Yaroslava O. Kuchina

Far Eastern Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk, Russian Federation
yakuchina@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to a comparative legal analysis of the implementation of artificial intelligence (AI) in judicial proceedings using the examples of Singapore, Malaysia, and China. The relevance of the topic is determined by the paradigm-shifting influence of AI on justice, including the problem of the anthropocentric nature of law and the search for a balance between technological efficiency and judicial discretion.

Theoretical Basis. Methods. The research is based on a comparative analysis of AI implementation models in three countries with different legal systems. The main focus is on vertical (specialized) generative AI models developed for specific judicial needs, rather than public services. The analysis covers regulatory frameworks, technological solutions, and practical implementation outcomes.

Results. National specificities were identified: in Singapore, AI is used for precedent analysis (LawNet AI) and automation of routine tasks; in Malaysia – for the algorithmic determination of sentences (AISS); in China – for the robotization of simple case consideration, evidence processing, and digitization of document flow. In all cases, the key drivers were resource shortages, court workload, and the desire to unify judicial practice.

Discussion and Conclusion. The author concludes that modern AI is effective only in algorithmizable aspects of judicial proceedings and cannot replace human judgment in complex matters requiring consideration of ethical and social contexts. Risks are emphasized, including AI “hallucinations”, the high cost of developing vertical models, and the need to guard against the “black box” effect. It is concluded that there is no universal model for AI implementation and that technology should complement, not replace, judicial activities.

Keywords: artificial intelligence, judicial proceedings, court activities, comparative research, China, Singapore, Malaysia, robot judges

For citation: Kuchina Ya. O. Artificial intelligence in modern judicial proceedings: a comparative legal analysis of implementation pathways using the examples of Singapore, Malaysia, and the PRC. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):80-94. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.80-94.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) относится к так называемым технологиям смены парадигм, которые также называют трансформационными технологиями или разрушительными технологиями. Особенность этой части технологического прогресса заключается в способности кардинальным образом менять общественные отношения: от их содержания до восприятия и регулирования. Одним из примеров этих перемен является антропоцентричность права, когда под сомнение поставлена сама идея того, что участниками правоотношений всех видов (и во всех отраслях правоприменения) могут быть только люди или объединения людей.

Человекоцентричность как проблема влияет на основные направления внедрения ИИ, включая человекоцентричность механизма судопроизводства и процедуры текущей деятельности суда, что затрагивает институт доступа к правосудию во всей его полноте. Это приводит к дилемме цифровой трансформации в этом направлении: заставляет критически относиться к возможности применять ИИ в деятельности судов и одновременно привлекает внимание к странам, пошедшим по пути его внедрения в судопроизводство.

Потому судебная власть прилагает усилия к определению сферы судебной деятельности, в которых ИИ, и в частности генеративный ИИ, может помочь, не нарушая судебного усмотрения – правомочия суда выбирать наиболее целесообразное разрешение конкретного дела, исходя из нескольких правовых альтернатив. Для достижения целей таковой деятельности применяются все возможные методы исследования и анализа, в том числе сравнительный и сравнительно-правовой.

Теоретические основы. Методы

В предлагаемой статье рассматриваются примеры трех стран, внедривших ИИ в деятельность суда, – Сингапура, Малайзии и Китая. Данные государства относятся к числу тех, чей достигнутый опыт в данном рассмотрении считается образцовым в силу того, что вышел за пределы пилотных проектов внедрения. В частности, Сингапур считается государством – эталоном современной политики по практическому использованию искусственного интеллекта в судопроизводстве и юридической деятельности [1, р. 22]. Учитывая, что все виды разрешения споров (медиация, арбитраж, судебное разрешение споров) стали одной из рыночных индустрий Сингапура, государственные власти выстраивают системную политику по обеспечению высококачественного доступа к правосудию как местных, так и иностранных сторон [2, р. 62]. Более того, с недавнего времени Сингапур экспортирует свои достижения, в том числе ИИ-сервисы в сфере правосудия.

Китай, в свою очередь, как страна – основоположник электронной коммерции экстраполирует полученный в этой области опыт рассмотрения споров онлайн (ОРС) в область национального судопроизводства. Основные проблемы, ставшие причиной использования ИИ в судах Китая, – это размеры страны и ее перенаселенность, совмещенная с неравномерным распределением населения. Это приводит к невозможности обеспечить постоянный доступ к правосудию с равномерным соблюдением сроков судопроизводства – Китай стремится избежать проблем Индии в сфере затянутости рассмотрения дел [3, р. 42], поскольку это влияет на эффективность государственной политики, правоприменение и развитие рыночной экономики, в частности на инвестиционную привлекательность страны.

Малайзия использует искусственный интеллект как средство решения проблемы в области уголовного судопроизводства, а именно в области привлечения к уголовной ответственности по наиболее распространенным категориям дел. Малайзия является страной – пионером применения ИИ при алгоритмизации стадии назначения наказания, что позволяет сосредоточиться на сокращении временных затрат при расчете наказания и пересмотре приговоров в этой части [4, р. 8].

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению конкретных результатов исследования, считаем важным отметить следующее.

Во-первых, в данной статье мы рассматриваем только примеры вертикального генеративного ИИ, оставляя за пределами внимания иные виды ИИ-продуктов. То есть мы не анализируем проблемы применения публичных генеративных ИИ-сервисов (продукция OpenAI, Google и пр.). Соответственно, исследование основано на классическом разделении сервисов на публичные – открытые к использованию неопределенным кругом лиц и частные – основанные на принадлежности потребителя к ограниченному кругу клиентов либо же созданные для конкретных потребителей на основе соглашения о выполнении заказа. Данная классификация, которой мы придерживаемся, позволяет, по нашему мнению, разделять технологии на группы соответственно их назначению и особенностям правоотношения между провайдером услуги (сервиса) и потребителем (клиентом).

Во-вторых, примеры, которые будут рассмотрены ниже, не являются единственными проектами ИИ-применения в названных странах. Для достижения целей исследования (рассмотреть возможные способы применения ИИ в судопроизводстве) мы выбрали наиболее уникальные направления внедрения ИИ, характерные для каждого из государств.

В-третьих, мы считаем важным учитывать тот факт, что объекты нашего исследования – страны с уникальными правовыми системами. Сингапур – страна британского общего права, Малайзия – страна общего права с элементами религиозного права (особенно исламского в ряде областей высоких технологий [5, р. 264]), Китай – страна постсоветской гражданской правовой семьи. При этом государственная политика Сингапура в указанной области унитарна, тогда как в Малайзии и Китае внедряется прежде всего на уровне муниципальных образований (провинций) и, соответственно, муниципальных судов низшего звена. Это следует учитывать как при проведении исследований, так и при ознакомлении с их результатами.

Результаты исследования

Первый пример, который был подвергнут анализу, – **Сингапур** в силу общепризнанного качества способов внедрения ИИ в деятельность судов. Сингапур сформировал уникальный подход к регулированию трансформационных технологий, который рядом исследователей именуется «тестирование и регулирование». Судебные органы государства постоянно и тесно сотрудничают с Министерством юстиции Сингапура, Сингапурской академией права (САП) и компаниями-разработчиками, включая специализирующуюся на правовом ИИ компанию Harvey, с которой органы судебной системы подписали двухлетний меморандум о взаимопонимании в 2024 г.¹

На выбор средств и направлений внедрения ИИ в судопроизводство несомненное влияние оказала цифровая стратегия Сингапура, которая основана на принципах доступности, эффективности и прозрачности [6, р. 289], где ИИ рассматривается как средство для достижения этих целей [6, р. 294], а не замена судьи как личности и судейского суждения как метода разрешения дела в судебном порядке.

По результатам анализа мы можем заключить, что ИИ в Сингапуре внедряется в областях с низким уровнем риска, а именно:

- 1) для составления кратких сводок по судебным прецедентам и ИИ-анализа судебной практики;
- 2) для создания инструментов самостоятельной работы истцов и ответчиков, действующих без представителя;
- 3) для обработки информации об имуществе супругов в процессе развода (в том числе для подсчета имущества при разделе);
- 4) для создания системы оценки письменных доказательств, которая позволяет выделять, систематизировать и извлекать необходимую доказательственную информацию из обширных баз данных, предоставленных в ходе судебного рассмотрения (находится на стадии тестирования);
- 5) для протоколирования устной речи во время судебных заседаний.

Особого интереса, по нашему мнению, заслуживает система составления кратких сводок по судебным делам (прецедентам), а именно сервис LawNet AI, разработанный совместно с Сингапурской академией права (САП). Сервис основан на базе LawNet – централизованном правовом информационном портале Сингапура, управляемом САП и аналогичном российским сервисам вроде «КонсультантПлюс» или «Гарант». LawNet представляет собой обширную базу данных правовых материалов, включающую судебные решения и прецеденты, законодательство, судебные инструкции и авторитетные комментарии ученых и экспертов.

Для улучшения работы LawNet был разработан GPT-Legal – функция автоматического аннотирования (суммирования информации) судебных дел для принятия решений по делу, осуществляемая на основе возможностей ИИ. Это нововведение объединило ключевые сервисы LawNet: юридические исследования, ресурсы библиотеки САП, корпоративные реестры и пр. В результате появился LawNet AI, в котором более 15 000 судебных решений были допол-

¹ Здесь и далее используется информация о Сингапуре, полученная на официальном сайте LawNet AI. URL: https://release-notes.lawnet.com/2024/10/15/gen_ai/ (дата обращения: 12.10.2025).

нены краткими описаниями, созданными искусственным интеллектом. Эти описания выполнены в форме официальных юридических аннотаций и содержат краткое изложение ключевых слов (тем), существенных фактов, правовых вопросов и выводов по каждому из дел.

Аннотирование судебных решений представляет собой основную аналитическую деятельность при подготовке суда к рассмотрению дела по существу. Исследование и аннотирование одного из решений может требовать до 1,5 часов рабочего времени, а для подготовки к вынесению решения – от 10 до 35 часов рабочего времени, что соответствующим образом влияет как на скорость рассмотрения одного дела, так и на загруженность сотрудников судов [7, р. 69]. Потому основной целью создания LawNet AI стало повышение эффективности правовых исследований: вместо того чтобы читать полный текст решения, который может занимать десятки страниц, адвокаты и судьи могут быстро ознакомиться с аннотацией сути решения от ИИ, чтобы определить, относится ли оно к тому делу, которое планируется рассмотреть, а уже после этого перейти к детальному изучению [7, р. 70].

LawNet AI представляет собой специализированную вертикальную модель ИИ – компания Infocomm Media Development Authority (IMDA) работала с САП над созданием пользовательской большой языковой модели, специально настроенной для сингапурского правового контента с фокусом на правовых источниках Республики Сингапур. Модель GPT-Legal была обучена и развернута на защищенной облачной инфраструктуре (платформа Amazon Web Services' SageMaker). Процесс обучения включал в себя данные из решений судебных органов Сингапура и базы данных LawNet, а также данные, полученные при консультации с судами. Это обеспечило понимание местной юридической терминологии, двуязычного контента и стилистических нюансов сингапурских правовых текстов, что, в свою очередь, снизило количество галлюцинаций.

Галлюцинации – эффект, при котором большая языковая модель (LLM) воспринимает несуществующие шаблоны или объекты, создавая бессмысленные или неточные результаты. Это явление стало основной причиной беспокойности при применении ИИ в сфере профессиональной деятельности, в том числе юриспруденции [8, р. 8]. Точные причины галлюцинаций неизвестны, однако установлено, что публичные модели ИИ (Chat GPT, Gemini, DeepSeek и пр.) подвержены им в гораздо более высокой степени, чем закрытые вертикальные модели (в среднем это 7 случаев из 10 против 3 из 10) [9, р. 24].

Галлюцинации и «кураторский эффект» ИИ при генерации контента, в том числе при создании аннотаций судебных прецедентов, потенциально могут повлиять на юридическую аргументацию в суде, особенно в случаях ошибочного определения или излишнего упрощения *ratio decidendi* (основания судебного прецедента в системе общего права). То есть в юридическом сообществе Сингапура возникла обеспокоенность возможным эффектом неверного трактования содержания судебных прецедентов и переформирования судебной практики как возможного результата [10, р. 69]. Поэтому в систему были введены специальные защитные механизмы, чтобы снизить риск ошибочного восприятия аннотаций, в том числе восприятия их как приравненных к профессиональным и научным толкованиям права и прецедента, а именно:

1) была введена функция контроля качества. Аннотации создаются ИИ только тогда, когда установлен высокий порог фактической точности текста.

Тексты, не соответствующие этому стандарту, не аннотируются в автоматическом режиме;

2) введена система визуальных предупреждений. LawNet AI использует визуальные подсказки, такие как цветовая дифференциация параграфов с низкой точностью текста, предупреждения о ненайденных терминах (отсутствие смысловых кроссылок в тексте) и прочие визуальные эффекты, отмечающие возможные искажения в работе ИИ;

3) пользователям предоставлена возможность проверки. Они могут сверять каждый абзац аннотации с соответствующей частью аннотированного решения, что позволяет провести немедленную проверку содержания аннотации непосредственно в тексте прецедента;

4) введена система двойной верификации каждого кратного изложения.

Как указывают исследователи ИИ, в определенных сферах возможность его применения основывается исключительно на доверии, что не позволяет соглашаться с существованием эффекта «черного ящика» открытых публичных моделей [11, р. 60]. В случае с LawNet AI эти меры не только поддерживают доверие пользователей, но и способствуют тому, что ИИ не подменяет собой доктринальное правовое рассуждение. Тем самым снижается вероятность того, что аннотации непреднамеренно повлияют на прецедентную правоприменительную практику или на общее информационное качество юридического анализа судебных решений для установления единства судебной практики.

Для повышения цифровой грамотности и увеличения эффективности применения сервиса САП выпустила руководство «Промпт-инжиниринг для юристов»². На его основе происходит обучение тому, как формулировать запросы к ИИ-системам для получения точных результатов, а также как избегать типичных ошибок при работе с искусственным интеллектом.

Следующий пример, подвергшийся анализу, **Малайзия** и ее единственный на данный момент метод применения ИИ – назначение наказания. Как показывает исследование развития технологии, причина ее использования в таком качестве непосредственно связана с пандемией и основана на онлайн-судопроизводстве [12, р. 92]. Судебные заседания проводились с использованием видео-конференц-связи. Была создана системная платформа для разрешения дел в режиме онлайн, для обмена документацией между сторонами через видеоконференции, электронную почту и система e-Review³. Судебные органы стимулировались в сфере внедрения возможностей дистанционного рассмотрения дел, причем направления внедрения развивались не централизованно, а на муниципальном уровне.

Так, в судах Сабаха и Саравака, начиная с февраля 2020 г., был запущен пилотный инструмент ИИ для помощи судьям в принятии решений о назна-

² Текст см.: Prompt Engineering for Lawyers (2nd Edition) // Официальный сайт Сингапурской академии права. URL: <https://sal.org.sg/wp-content/uploads/2025/10/Prompt-Engineering-Guide-2025-2nd-Edition.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Здесь и далее используется информация о Малайзии, полученная на официальном сайте Court e-Filing System Malaysia. URL: <https://efs.kehakiman.gov.my/> (дата обращения: 12.10.2025).

чении наказания в основном по уголовным делам, связанным с хранением наркотиков и сексуальными преступлениями [13, р. 442]. Выбор связан как с количеством подобных преступлений, так и с тем набором данных, которые должен учесть судья при назначении наказаний за их совершение.

22 июля 2021 г. Управление Федерального суда Малайзии опубликовало Руководящие принципы вынесения приговоров с использованием ИИ, которые были внедрены в сессионных и магистратских судах Западной Малайзии. Согласно Руководящим принципам внедрение осуществлялось в три этапа, начиная с июля 2021 г., а именно в следующем порядке:

1) на первом этапе ИИ-система назначения наказаний применялась при рассмотрении двадцати различных видов преступлений в названных судах. В перечень были включены восемь преступлений из УК Малайзии, восемь преступлений из перечня в Законе о дорожном движении 1987 г. и четыре преступления по Закону об опасных наркотиках 1952 г.;

2) на втором этапе в систему ИИ были введены аналитические данные по еще тридцати преступлениям УК Малайзии;

3) на третьем этапе система ИИ была присоединена к системе e-Judiciary и проект вышел на более общий, государственный уровень.

Сервис ИИ при назначении наказания представлен в AI Sentencing System (AISS). Система (т. е. ее технологическая основа) разработана в сотрудничестве с судебной властью на основе полученного опыта при использовании модели электронного судопроизводства, известной как Sabah and Sarawak's E-court Systems (SAINS). В качестве информационной базы использованы данные внутренней правоприменительной базы судебных органов Малайзии.

Алгоритм AISS учитывает только данные из судебных дел, зарегистрированных в период с 2014 по 2019 г. ИИ выделяет в резолютивной части приговора правовую формулу назначения наказания, которую можно применить к аналогичным делам [13, р. 442]. Следует учитывать, что в уголовном праве Малайзии отсутствуют правила назначения наказания, подобные тем, что включены в Общую часть УК РФ и изложены в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации о назначении наказания.

В качестве примера того, как выстроен алгоритм назначения наказания в ИИ AISS, рассмотрим типовое описание процесса запроса о назначении наказания по делам о преступлениях в сфере оборота наркотиков:

- в систему вводятся сведения о подсудимом, а именно: возраст, гражданство, профессия, семейное положение, данные о рецидиве, количество изъятых наркотических средств и их вид;

- ИИ анализирует эти параметры в пределах санкции статьи с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств (занятость, возраст, семейное положение, национальность, пол, предыдущие приговоры, если они есть);

- на основе введенной информации и обобщенных ИИ данных о практике назначения наказаний по данной категории преступлений система генерирует рекомендацию о назначенном наказании в конкретном случае. Рекомендация может быть представлена в виде процентов, отражающих вероятность того или иного исхода при принятии решения (преддиктивная аналитика).

Процесс выдачи рекомендации на запрос о наказании занимает несколько минут. Рекомендации формируются на основе внутренней базы данных суда,

в которой собраны ключевые данные, такие как судебные прецеденты или решения суда по аналогичным видам преступлений [12, р. 111]. Они служат параметрами, на которые ИИ опирается при формировании рекомендаций о возможных видах и пределах наказания.

Следующий изученный нами пример – это внедрение искусственного интеллекта в судебную систему **Китая**. Как и в случае с Сингапуром, Китай основывает ИИ-разработки на уже имеющихся достижениях, а именно на накопленном опыте управления платформами электронной коммерции, включая имеющуюся практику рассмотрения споров.

Однако в отличие от Сингапура внедрение ИИ в Китае следует малазийской модели – различные виды сервисов внедряются на провинциальном и муниципальном уровнях. Соответственно, отсутствует централизованное государственное регулирование использования ИИ, а большинство проектов все еще являются пилотными, т. е. находятся на стадии «тестирования и изучения». По результатам анализа можно выделить следующие направления разработок ИИ для нужд судопроизводства КНР:

1) направленные на обработку информации при помощи ИИ, или ИИ-распознавание. Под этим понимается автономная оцифровка и автоматизация документооборота в судопроизводстве, в том числе протоколирование судебных заседаний [14, р. 235]. Так, в области ИИ-распознавания речи и образов сервисы Alibaba и iFLYTEK конвертируют протоколы судебных заседаний и переводят бумажные документы в цифровой формат. По аналогии с опытом Сингапура цифровые базы данных судебных решений (например, C2J в Шанхае и Rui Judge в Пекине) снабжены ИИ-поиском и аннотированием.

В результате среднее время судебных заседаний сокращено на 30–50%. Уменьшилась нагрузка на секретариаты судов, снижена потребность в техническом составе суда. Так, в городском уезде Шифан (провинция Сычуань) секретарь судебного заседания полностью заменен на ИИ, повышена точность фиксации доказательств в протоколах суда [15, р. 352];

2) направленные на анализ доказательств, или сервисы ИИ-познания, куда включаются пилотные попытки восстановить в пределах ИИ юридическую логику мышления. Так, в Шанхае внедрена Система 206 (Shanghai AI-Assisted Criminal Case Handling System) – ИИ-сервис проверки доказательств на соответствие процедурным нормам, который обучен отмечать процессуальные и процедурные нарушения в доказательствах и процессуальных документах, оформляющих их получение (например, незаконно полученные доказательства);

3) роботизация судопроизводства, или сервисы ИИ-решений. Включает в себя ответвление робоэдвайзинга, а именно разработку судей-роботов (например, Xiaozhi в Ханчжоу) и роботов-консультантов по определенным категориям дел, например по делам об определении места жительства ребенка при разводе, по делам об опеке (роботы Yun Fan и Xiao Chong). Ожидаемый результат пилотных проектов – снижение нагрузки на судей и повышение доступа к правосудию у незащищенных слоев населения по самым распространенным категориям дел, что крайне важно в стране с полутора миллиардным населением [14, с. 238]. Следует отметить, что в судопроизводстве КНР до сих пор существует советский институт выездных судебных заседаний, обусловленный, в том числе, недостаточной укомплектованностью судов первой инстанции и удаленностью определенных судебных районов.

На данном этапе применение ИИ-роботов в судопроизводстве находится на стадии пилотного тестирования. Так, в декабре 2019 г. робот-судья Xiaozhi рассмотрел спор по частному займу менее чем за 30 минут. Судопроизводство осуществлялось под наблюдением судьи-человека. Xiaozhi провел допрос, интерпретировал мнения сторон, визуализировал и синхронизировал цепочки доказательств и вынес решение, полностью удовлетворяющее требованиям законности и обоснованности [15, p. 348]. Как показал этот опыт, при использовании для рассмотрения относительно простых типов споров в правовых областях с недвусмысленным законодательством ограниченные варианты вердиктов, используемые судьями с ИИ, позволяют выносить решения, которые, согласно предварительным данным, являются беспристрастными и невосприимчивыми к попыткам манипуляции мнением суда.

Выводы

Как показывает проведенный анализ, основной причиной для использования ИИ в судопроизводстве является стремление к восполнению нехватки – времени, финансов, человеческих ресурсов. Оценка проводится в сравнении с затратами на использование ИИ. Общеизвестным является факт, что использование ИИ, в особенности вертикальных моделей, дорого. Так, подписка на LawNet AI в Сингапуре обходится в среднем в 2500 долл. в год на человека или в 150 тыс. долл. в год на судебную организацию (в базовой комплектации сервиса). Однако равно дороги и юридические услуги Сингапура – стоимость часа работы юриста, в том числе по анализу прецедентов для подготовки к участию в судопроизводстве, варьируется от 400 до 2500 долл. Таким образом, экономия времени при использовании аналитической функции LawNet AI существенна, а также способствует увеличению доступности юридической помощи для населения.

Использование ИИ в судопроизводстве оправданно, когда у судебных органов нет возможности использовать человеческий ресурс в силу отдаленности судов, недостаточности квалифицированного персонала, ограниченности в доступе к юридическому образованию, а равно при чрезмерном количестве типовых дел, затягивающих судопроизводство в целом. Именно с этими факторами связано распространение ИИ в судопроизводстве в Китае и Малайзии.

Мы также можем заключить, что на современном этапе своего развития ИИ как когнитивный заменитель эффективен только в алгоритмизированных направлениях судебной деятельности, в которых можно выделить формулы (шаблоны) процессуально значимых действий. Наиболее частое использование ИИ, как мы видим, это административное судопроизводство по делам о правонарушениях, назначение фиксированных видов наказаний по простым видам преступлений (употребление наркотиков, кражи, грабежи, ДТП и пр.), семейные споры, рассмотрение коммерческих споров онлайн на маркетплейсах и пр. ИИ в судопроизводстве, как и в финансовой системе, основывается на доверии, закрытых облачных пространствах и полной прозрачности технологии. Как отмечают ученые, в этих областях недопустим эффект «черного ящика», а также уровень галлюцинаций, свойственный публичным (открытым) моделям генеративного ИИ [16, p. 1611]. Следовательно, при разработке ИИ требуется включать дополнительный этап верификации данных, снижающих галлюцинации. Все это в разы удорожает технологию.

Одновременно ИИ в судопроизводстве неизбежно делает юридическую профессию эксклюзивной, приводя к сокращению потребности в юристах, способных совершать простые действия [17, р. 507], и, как мы видим на примере Китая, снижая потребность в дополнительном (техническом) персонале судов [18, р. 522]. В случае со странами, где сотрудники судебных органов – квалифицированные юристы, получающие впоследствии статус судей (как в Российской Федерации), это приведет к изменению укомплектования судебной системы.

Это также влияет на набор студентов на юридические факультеты. В частности, применение ИИ в судопроизводстве Китая вызвано, в том числе, фактической невозможностью расширить наборы на юридические факультеты для увеличения численности судей [18, р. 518], а внедрение ИИ в Сингапуре связано, в том числе, с дороговизной местного юридического образования.

Однако наибольшее внимание следует уделять обучению ИИ. Все перечисленные нами государства использовали для создания своих ИИ-систем заранее накопленные базы данных, а также уже имеющиеся критерии оценки качества их содержания. Судебный ИИ обучается специализированно, процедура его обучения крайне дорогостоящая в силу ограниченности данных (открытые генеративные ИИ дешевле, но ниже по качеству). И это все еще гарантирует не более 43% правильного принятия решений по сложным видам правоотношений, а в 60% случаев допускает «галлюцинации» при интерпретации юридической лексики. То есть ИИ для судопроизводства – это всегда вертикальный ИИ, горизонтальные модели не подлежат рассмотрению. В отличие от горизонтальных ИИ-платформ, которые предназначены для широкого спектра применений в различных областях (Gemini, Chat GPT, Deep Seek, Qwen), вертикальный ИИ адаптируется для решения конкретных задач и оптимизации процессов в рамках определенного вертикального сектора.

Кроме того, обучение ИИ требует качественного отбора данных, привязано к национальной речи [17, р. 509] и нуждается в высококачественной судебной практике, а равно развитой юридической лексике, с наличествующими критериями правильного использования [19, р. 198].

В любом случае, как показывает анализ применения ИИ в судопроизводстве названных стран, очевидно, что на данной стадии оно не имеет всеобъемлющего правоприменительного характера. Как указывают ученые, «разные вопросы требуют разных рамок или масштабов справедливости» [15, р. 361], иными словами, пока не существует примера универсального ИИ для судопроизводства. Даже примеры роботизации судопроизводства в КНР не демонстрируют, что ИИ способен заменить человека при разрешении судебных дел: по сути, речь идет о самых простых категориях «алгоритмизируемых» споров, которые рассматриваются или в упрощенной форме, или в форме принятия типовых шаблонных решений (по аналогии с судебными приказами в Российской Федерации). Роботизация также позволяет устранить недостатки «человеческого фактора», как «нейтральность роботов также помогает жертвам преступлений вспоминать события без риска субъективных оценок или давления со стороны полицейских-людей» [18, с. 529].

В то же время мы полагаем, что использование ИИ для обеспечения доступа к правосудию не следует рассматривать только с точки зрения эффектив-

ности. Как отмечают китайские ученые, «поспешное судопроизводство без достаточного времени для формулирования аргументов также приводит к неправосудию» [18, р. 529]. Роботизированные суды в настоящее время не могут учитывать сложные социальные аспекты и действуют в рамках смыслового содержания юридических терминов, в частности, в вопросах смягчения наказания при наличии в законодательстве открытых перечней смягчающих обстоятельств.

Разработка обучающих материалов для ИИ, целенаправленно включающих человеческие ценности, на данном этапе представляет научную и практическую проблему. Укоренившееся среди сторонников технократического подхода мнение о том, что ИИ в судопроизводстве способен обеспечить максимально объективное или справедливое рассмотрение дела, не находит своего подтверждения в силу того, что основа ИИ – как разработка (архитектура ИИ), так и данные – сформирована людьми [20, р. 440]. В. Дигнум утверждает, что «предубеждения присущи человеческому мышлению», что «неизбежно» оказывает влияние при сборе данных для процессов машинного обучения [21, р. 2] – основных методах обучения ИИ.

Заместитель председателя Верховного Народного Суда КНР, говоря о социальной обусловленности принятия решений судом, отметил, что «правосудие не должно противоречить человеческой природе» [7, р. 70]. Это значит, что общественное сочувствие, моральные и этические принципы, человеческие ценности и жизненный опыт (пока еще) не алгоритмизируются. Иными словами, ИИ не обладает когнитивной квалификацией, аналогичной человеческой, потому решения ИИ могут быть «юридически разрешены», но не «этически приемлемы».

Список источников

1. Tor M. E. Crossing the Rubicon: evaluating the use of artificial intelligence in the law and Singapore courts // *Indian Journal of Artificial Intelligence & Law*. 2022. Vol. 2, issue 2. P. 21–55.
2. Yan L. K., Wilson C. Developing AI for law enforcement in Singapore and Australia // *Communications of the ACM*. 2020. Vol. 63, issue 4. P. 62–78.
3. Arbani T. S. Algorithmic justice: a study on risks and opportunities in the use of artificial intelligence by judges in courts // *Siyasah*. 2025. Vol. 5, issue 1. P. 27–49.
4. Daud M. Artificial intelligence in the Malaysian legal system: issues, challenges and way forward // *INSAF. The Journal of the Malaysian Bar*. 2022. Vol. 39, no. 1. P. 1–24.
5. Satirah Wan Mohd Saman W., Haider A. E-Shariah in Malaysia: technology adoption within justice system // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2013. Vol. 7, issue 2. P. 256–276. DOI: 10.1108/17506161311325396.
6. Lim S. Judicial decision-making and explainable artificial intelligence: a reckoning from first principles // *Singapore Academy of Law Journal*. 2021. Vol. 33. P. 280–314.

7. Leong T., Yong O. Access to justice and innovative court solutions for litigants-in-person: the Singapore experience // *International Journal of On-line Dispute Resolution*. 2018. Vol. 5. P. 64–78. DOI: 10.5553/IJODR/23525002201018005102003.
8. Yu R., Ali G. S. What's inside the black box? AI challenges for lawyers and researchers // *Legal Information Management*. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 2–13. DOI: 10.1017/s1472669619000021.
9. Chan G. K. Y. The right of access to justice: judicial discourse in Singapore and Malaysia // *Asian Journal of Comparative Law*. 2007. Vol. 2. P. 1–40. DOI: 10.1017/S2194607800000028.
10. Soh J., Lim H. K., Chai I. E. Legal area classification: a comparative study of text classifiers on Singapore Supreme Court judgments // *Proceedings of the natural legal language processing workshop 2019*. Minneapolis, Minnesota, 2019. P. 67–77.
11. Wang N. “Black Box Justice”: robot judges and AI-based judgment processes in China's court system // *2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS)*. IEEE, 2020. P. 58–65.
12. Sanghvi H. Digitalisation of judiciary in Malaysia: application of artificial intelligence // *Proceedings of the International Conference on Law and Digitalization (ICLD 2022)*. Springer Nature. 2023. No. 707. P. 91–123.
13. Putera N. S. Artificial intelligence-powered criminal sentencing in Malaysia: a conflict with the rule of law // *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. 2022. Vol. 7, no. SI7. P. 441–448. DOI: 10.21834/ebpj.v7iSI7.3813.
14. Greenhouse E. Balancing the scales in China's smart courts: Driving case standardisation through AI // *Peking University Law Journal*. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 233–254. DOI: 10.1080/20517483.2021.2020500.
15. Peng J., Xiang W. The rise of smart courts in China: opportunities and challenges to the judiciary in a digital age // *Nordic Journal of Law and Social Research*. 2019. Vol. 9. P. 345–372.
16. Von Eschenbach W. J. Transparency and the black box problem: why we do not trust AI // *Philosophy & Technology*. 2021. Vol. 34, no. 4. P. 1607–1622. DOI: 10.1007/s13347-021-00477-0.
17. Remus D., Levy F. Can robots be lawyers? Computers, lawyers, and the practice of law // *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2017. Vol. 30, no. 3. P. 501–559.
18. Weidong J. I. The change of judicial power in China in the era of artificial intelligence // *Asian Journal of Law and Society*. 2020. Vol. 7, issue 3. P. 515–530.
19. Shope M. L. Lawyer and judicial competency in the era of artificial intelligence: ethical requirements for documenting datasets and machine learning models // *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2021. Vol. 34. P. 191–223.
20. Paul S., Yuan L., Jain H. K. et al. Intelligence augmentation: human factors in AI and future of work // *AIS Transactions on Human-Computer Interaction*. 2022. Vol. 14, no. 3. C. 426–445.

21. Dignum V. Ethics in artificial intelligence: introduction to the special issue // *Ethics and Information Technology*. 2018. Vol. 20, issue 1. P. 1–3. DOI: 10.1007/s10676-018-9450-z.

References

1. Tor M. E. Crossing the Rubicon: evaluating the use of artificial intelligence in the law and Singapore courts. *Indian Journal of Artificial Intelligence & Law*. 2022;2(2):21-55.
2. Yan L. K., Wilson C. Developing AI for law enforcement in Singapore and Australia. *Communications of the ACM*. 2020;63(4):62-78. DOI: 10.1145/3378418.
3. Arbani T. S. Algorithmic justice: a study on risks and opportunities in the use of artificial intelligence by judges in courts. *Siyasah*. 2025;5(1):27-49.
4. Daud M. Artificial intelligence in the Malaysian legal system: issues, challenges and way forward. *INSAF. The Journal of the Malaysian Bar*. 2022;39(1):1-24.
5. Satirah Wan Mohd Saman W., Haider A. E-Shariah in Malaysia: technology adoption within justice system. *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2013;7(2):256-276. DOI: 10.1108/17506161311325396.
6. Lim S. Judicial decision-making and explainable artificial intelligence: a reckoning from first principles. *Singapore Academy of Law Journal*. 2021;33(3):280-314.
7. Leong T., Yong O. Access to justice and innovative court solutions for litigants-in-person: the Singapore experience. *International Journal of Online Dispute Resolution*. 2018;5(5):64-78. DOI: 10.5553/IJODR/23525002201018005102003.
8. Yu R., Ali G. S. What's inside the black box? AI challenges for lawyers and researchers. *Legal Information Management*. 2019;19(1):2-13. DOI: 10.1017/s1472669619000021.
9. Chan G. K. Y. The right of access to justice: judicial discourse in Singapore and Malaysia. *Asian Journal of Comparative Law*. 2007;2(2):1-40. DOI: 10.1017/S2194607800000028.
10. Soh J., Lim H. K., Chai I. E. Legal area classification: a comparative study of text classifiers on Singapore Supreme Court judgments. *Proceedings of the natural legal language processing workshop 2019*. Minneapolis, Minnesota; 2019. Pp. 67–77.
11. Wang N. “Black Box Justice”: robot judges and AI-based judgment processes in China's court system. *2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS)*. IEEE; 2020. Pp. 58–65.
12. Sanghvi H. Digitalisation of judiciary in Malaysia: application of artificial intelligence. *Proceedings of the International Conference on Law and Digitalization (ICLD 2022)*. 2023;(707):91-123.
13. Putera N. S. Artificial intelligence-powered criminal sentencing in Malaysia: a conflict with the rule of law. *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. 2022;7(SI7):441-448. DOI: 10.21834/ebpj.v7iSI7.3813.

14. Greenhouse E. Balancing the scales in China's smart courts: driving case standardisation through AI. *Peking University Law Journal*. 2021;9(2):233-254. DOI: 10.1080/20517483.2021.2020500.
15. Peng J., Xiang W. The rise of smart courts in China: opportunities and challenges to the judiciary in a digital age. *Nordic Journal of Law and Social Research*. 2019;(9):345-372.
16. Von Eschenbach W. J. Transparency and the black box problem: why we do not trust AI. *Philosophy & Technology*. 2021;34(4):1607-1622. DOI: 10.1007/s13347-021-00477-0.
17. Remus D., Levy F. Can robots be lawyers? Computers, lawyers, and the practice of law. *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2017;30(3):501-559.
18. Weidong J. I. The change of judicial power in China in the era of artificial intelligence. *Asian Journal of Law and Society*. 2020;7(3):515-530. DOI: 10.1017/als.2020.37.
19. Shope M. L. Lawyer and judicial competency in the era of artificial intelligence: ethical requirements for documenting datasets and machine learning models. *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2021;(34):191-223.
20. Paul S., Yuan L., Jain H. K., et al. Intelligence augmentation: human factors in AI and future of work. *AIS Transactions on Human-Computer Interaction*. 2022;14(3):426-445.
21. Dignum V. Ethics in artificial intelligence: introduction to the special issue. *Ethics and Information Technology*. 2018;20(1):1-3. DOI: 10.1007/s10676-018-9450-z.

Информация об авторе / Information about the author

Кучина Ярослава Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 680014, Хабаровск, ш. Восточное, д. 49).

Yaroslava O. Kuchina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Disciplines Department, Far Eastern Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (49 Vostochnoe Rd., Khabarovsk, 680014, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 08.11.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 17.02.2026.



Превентивная функция правовой процессуальной политики в целеполагании гражданского процесса

Эдуард Евгеньевич Исаев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Российская Федерация
eee.isaev@gmail.com*

Аннотация

Введение. В статье анализируются ключевые аспекты целеполагания в правовой процессуальной политике, особое внимание при этом уделено гражданскому процессу как инструменту реализации частных и частно-государственных интересов, выступающих важными социальными ценностями. Отмечается, что эффективность судебной системы во многом зависит от наличия четко определенных целевых установок. Такие установки должны быть направлены не только на защиту нарушенных прав, но и на профилактику правонарушений. Автор подчеркивает значимость превентивной функции судопроизводства как самостоятельной цели, способной предупреждать конфликты еще до их возникновения, тем самым повышая социально-правовую устойчивость общества.

Теоретические основы. Методы. Для исследования были использованы методы анализа действующего законодательства и судебной практики. Основное внимание сосредоточено на проблеме отсутствия системного закрепления целевой модели гражданского процесса. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что формализация правоприменительной деятельности связана с недостаточной проработанностью понятийного аппарата в сфере целеполагания. Предлагается переход к четкой дифференциации между такими категориями, как «цель», «задача» и «принцип», что поможет создать логически стройную и функционально согласованную систему процессуального регулирования. Особый акцент сделан на необходимости теоретического осмысления превентивных функций гражданского процесса.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлены существенные проблемы в нормативном закреплении целей гражданского процесса. Отсутствие единой целевой модели приводит к снижению доверия к судебной системе и ограничению ее влияния на развитие общественных отношений. Особую проблему представляет исполнение судебных решений, если должник не имеет имущества, что ставит под сомнение саму идею защиты прав и дискредитирует институт правосудия. Также показано, что современные вызовы, такие как циф-

ровизация и рост числа массовых споров, требуют внедрения технологий прогнозирования правовых рисков и развития досудебных механизмов урегулирования конфликтов. Без системного подхода к формированию целевой модели процесс остается малоэффективным.

Обсуждение и заключение. Автор делает вывод о том, что судебная система может полноценно выполнять свои функции только при наличии конкретного нормативного закрепления целей. Внутренние противоречия и дефицит системности мешают достижению справедливости, законности и доступности правосудия. Подчеркивается необходимость модернизации подходов к целеполаганию в гражданском процессе, включая использование современных технологий и усиление профилактической роли суда. Эффективное правосудие возможно лишь тогда, когда его цели четко сформулированы, последовательно реализуются и соответствуют реалиям современной правовой действительности. Это позволит повысить доверие к судебной системе и усилить ее роль в правозащитной и правопредупредительной деятельности.

Ключевые слова: правовая процессуальная политика, гражданский процесс, целеполагание, превентивная функция, исполнительное производство

Для цитирования: Исаев Э. Е. Превентивная функция правовой процессуальной политики в целеполагании гражданского процесса // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 95–110. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.95-110.

Original article

Preventive Function of Legal Procedural Policy in the Goal-Setting of Civil Proceedings

Eduard E. Isaev

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
eee.isaev@gmail.com*

Abstract

Introduction. The article analyzes key aspects of goal-setting in legal procedural policy, with special attention paid to civil procedure as a tool for implementing private and private-public interests that are important social values. It is noted that the effectiveness of the judicial system largely depends on the presence of clearly defined target settings. Such settings should be aimed not only at protecting violated rights, but also at preventing offenses. The author emphasizes the importance of the preventive function of legal proceedings as an independent goal capable of preventing conflicts before they arise, thereby increasing the social and legal stability of society.

Theoretical Basis. Methods. The study used methods of analyzing current legislation and judicial practice. The main focus is on the problem of the lack of systemic consolidation of the target model of civil procedure. The analysis allows us to conclude that the formalization of law enforcement activities is directly related to the insufficient development of the conceptual apparatus in the field of goal setting. It is proposed to move to a clear differentiation between such categories as "goal", "task" and "principle", which will help to create a logically coherent and functionally consistent system of procedural regulation. Particular emphasis is placed on the need for theoretical understanding of the preventive functions of civil procedure.

Results. The study revealed significant gaps in the normative consolidation of the goals of civil proceedings. The absence of a single target model leads to a decrease in trust in the judicial system and a limitation of its influence on the development of social relations. The execution of court decisions is a particular problem: if the debtor does not have property, this calls into question the very idea of protecting rights and discredits the institution of justice. It is also shown that modern challenges, such as digitalization and the growing number of mass disputes, require the introduction of technologies for predicting legal risks and the development of pre-trial mechanisms for conflict resolution. Without a systematic approach to the formation of a target model, the process remains ineffective.

Discussion and Conclusion. The author concludes that the judicial system can fully perform its functions only if there is a specific normative consolidation of goals. Internal contradictions and a lack of consistency hinder the achievement of fairness, legality and accessibility of justice. The need to modernize approaches to goal-setting in civil proceedings, including the use of modern technologies and strengthening the preventive role of the court, is emphasized. Effective justice is possible only when its goals are clearly formulated, consistently implemented and correspond to the realities of modern legal reality. This will increase confidence in the judicial system and strengthen its role in human rights and law enforcement activities.

Keywords: legal procedural policy, civil procedure, goal setting, preventive function, enforcement proceedings

For citation: Isaev E. E. Preventive function of legal procedural policy in the goal-setting of civil proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):95-110. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.95-110.

Введение

Гражданский процесс в современном правовом государстве выходит за рамки простого разрешения споров и становится инструментом реализации более широких целей правовой политики. Цели правовой процессуальной политики выступают не просто формальными декларациями законодателя, но системообразующими элементами, которые определяют направление и содержание судебной деятельности, обеспечивают ее социальную значимость и эффективность. В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации судебного процесса актуализируется вопрос о том, каким образом цели процессуальной политики должны быть закреплены в нормативном и правоприменительном пространствах, чтобы соответствовать современным вызовам и задачам правосудия.

Как отмечают Р. Ф. Степаненко и Ф. И. Хамидулина, одной из ключевых задач правовой политики является обеспечение условий, способствующих надежной защите прав и свобод личности. При этом такая цель не носит декларативного характера, а выражает конкретный социально-правовой ориентир, который должен находить свое воплощение в механизме правового регулирования и судебной практике [1, с. 47]. В рамках гражданского процесса эта цель должна обеспечивать не только защиту субъективных прав и законных интересов участников спора, но и способствовать укреплению правового сознания и правовой культуры, повышению доверия к судебной системе и быть превентивным инструментом по минимизации конфликтов в правовой сфере.

Категория «цель» занимает ключевое место в правовой политике и выступает не просто ориентиром, но и инструментом реализации правовых норм и институтов. Как отмечает В. А. Рудковский, основополагающие начала правовой политики – это не просто декларативные установки, а смыслообразующие элементы, отражающие ценности и стратегические ориентиры государства в области развития права [2, с. 12]. Подобная логика применима и к целям процессуальной политики: они должны выступать не только идеологическими установками, но и нормативно закрепленными ориентирами, направляющими деятельность всех участников гражданского процесса. В контексте гражданского процесса цели процессуальной политики должны обеспечивать защиту субъективных прав и законных интересов участников спора и способствовать укреплению правового сознания, повышению доверия к судебной системе и предупреждению правовых рисков и конфликтов в обществе. Таким образом, процессуальная политика становится инструментом реализации более широкой государственной стратегии по обеспечению стабильности и справедливости в обществе.

Цель выступает идеальным образом, побуждающим к деятельности, и должна быть соразмерна интересам личности, общества и государства. Она представляет собой ценность, осознаваемую как желаемый результат юридической деятельности, и при этом должна быть рациональной, разумной и соответствующей средствам достижения. С этой точки зрения категория «цель» объединяет нормативные, ценностные и функциональные аспекты правового регулирования и требует четкого определения и закрепления в законодательстве для обеспечения эффективности судебного процесса и реализации более широких задач государственной политики.

Переход от абстрактного замысла к юридически фиксированному результату знаменует трансформацию цели в действенную категорию правоприменения. Норма, будучи по своей природе направленной на достижение определенного состояния общественных отношений, воплощает в себе телеологическую сущность правовой процессуальной политики – ту внутреннюю логику, которая задает траекторию эволюции правопорядка. Цель в правовой процессуальной политике предстает как многослойная конструкция, вобравшая в себя регулятивные, аксиологические и инструментальные изменения правового воздействия. Как отмечают исследователи, соответствие процессуального законодательства целям и задачам государственной политики является не просто формальным требованием, а условием обеспечения справедливости, законности и доверия к судебной системе [3, с. 70]. Это еще раз подтверждает, что без четко выраженных целей гражданский процесс остается внутренне противоречивым и неэффективным инструментом защиты прав.

В Российской Федерации система целеполагания в процессуальной политике остается недостаточно разработанной как в теоретическом, так и в практическом плане. Отсутствие четко выраженных целей в нормативных актах, регулирующих гражданский процесс, ограничивает возможность их использования в качестве критериев оценки качества правосудия и развития судебной системы. С этой точки зрения, как подчеркивают исследователи, «правоприменение имеет действительную социальную ценность только при соблюдении всех условий для успешной реализации своих целей и осуществления функций» [4, с. 140]. Однако в практике российского судопро-

изводства нередко наблюдается формальный подход к установлению целей, что порождает дисфункции в системе правосудия, снижает ее доступность и эффективность.

Также важно учитывать различие между целями, задачами и принципами в правовой политике. Цель направлена на достижение конечного результата, ради которого осуществляются многочисленные юридические действия. Задачи представляют собой конкретные этапы или направления деятельности, способствующие достижению цели. Принципы же выступают общими руководящими началами, которые определяют характер и содержание правовой политики. Такая дифференциация позволяет более точно определять функции каждого из этих понятий и исключать их смешение в правоприменительной практике. С точки зрения теории правовой политики именно принципы служат средством и итогом теоретического осмысления практического опыта, тогда как цели задают направление, а задачи – этапы достижения этого направления [2, с. 13]. В современной процессуальной политике наблюдается не только отсутствие четко выраженных целей, но и систематическое смешение категорий «цель», «задача» и «принцип». Это приводит к терминологической путанице, которая влияет на правоприменение и снижает эффективность гражданского процесса как механизма реализации правовых интересов участников процессуальных правоотношений. Хотя эти понятия связаны между собой и взаимодействуют в рамках правового регулирования, их функции и роль в структуре процессуальной политики существенно различаются.

Теоретические основы. Методы

Достижение цели выступает конечным результатом, ради которого осуществляется юридическая деятельность. Она задает общий вектор развития судебной системы и направлена на достижение общественных благ, таких как справедливость, законность, защита прав человека, повышение доверия к правосудию. Задачи же представляют собой конкретные этапы или направления деятельности, которые служат средствами достижения цели. Они имеют временной и процедурный характер и могут меняться в зависимости от социального контекста или уровня правового развития.

Принципы, в свою очередь, являются наиболее устойчивыми элементами правовой системы. Они выступают общими руководящими началами, определяющими содержание и направление правовой политики. В отличие от задач, принципы не исчерпываются однократным выполнением и сохраняют свое значение вне зависимости от изменения внешних условий. Например, принцип равенства сторон должен соблюдаться на всех этапах гражданского процесса независимо от того, какие задачи решаются в конкретном случае.

Смешение этих понятий порождает ситуацию, когда нормы, предназначенные для реализации задач, наделяются функциями целей, а принципы становятся инструментами решения тактических задач. Такая подмена приводит к тому, что судебная система теряет стратегическую направленность, а ее деятельность приобретает формальный, декларативный характер. Например, если в законодательстве говорится о предупреждении правонарушений как о задаче судопроизводства, но при этом отсутствует цель профилактики споров, то механизм реализации этой задачи остается неопределенным. Это создает риск формирования реактивного подхода к правосудию, при кото-

ром судебная система реагирует лишь на уже возникшие конфликты, вместо того чтобы способствовать их предотвращению. Для преодоления данной проблемы необходим переход к четкой дифференциации понятий, при которой каждое из них выполняет свою функцию и не подменяет другое. Только в таком случае можно будет говорить о создании целостной модели процессуальной политики, ориентированной на достижение реальных социальных результатов. При этом важно учитывать, что попытки свести защиту прав к одной лишь процедуре разрешения спора могут повлечь за собой серьезные системные последствия. Как указывает А. И. Хабиров, если признать правомочие на защиту составной частью всякого регулятивного права, то мы с неизбежностью отказываемся от разграничения охранительных и регулятивных гражданских правоотношений [5, с. 233]. Это означает, что без четко выраженной целевой модели гражданский процесс остается внутренне противоречивым, что снижает его эффективность и легитимность. Вместе с тем праксиология требует не только декларации целей, но и их реализации через процессуальные гарантии [6]. Только так можно будет говорить о реальном достижении таких целей, как повышение доверия к правосудию, профилактика конфликтов и формирование устойчивого правосознания.

Эта проблема получает дальнейшее развитие в современных реформах гражданского процесса, которые, как отмечают Е. А. Малько и С. А. Семикина, сталкиваются с проблемой «незавершенности преобразований», поскольку часто ориентированы на формальные изменения, а не на достижение конкретных целей [7, с. 172]. Отсутствие продуманной целевой архитектуры обрекает реформы на формальную ограниченность: они приобретают характер технических корректировок, упуская из виду системное преобразование правовой реальности. Смещение акцента в сторону телеологического изменения «реформаторской» деятельности позволяет переориентировать усилия с механического обновления процессуальных норм на достижение общественно значимых эффектов, как в краткосрочной (восстановление нарушенной справедливости, баланса процессуальных прав и обязанностей), так и в долгосрочной (укрепление легитимности и доверия судебной власти; профилактика новых правовых конфликтов) перспективе. Здесь обнажается парадокс современного правотворчества: стремление к быстрым, измеримым результатам (ускорение производства) нередко вытесняет цели, требующие длительного «созревания» в социальной действительности, такие как формирование правовой культуры или устойчивого доверия к институтам. Между краткосрочной эффективностью и долгосрочной легитимностью возникает напряжение, разрешаемое лишь тогда, когда законодатель мыслит не как инженер, оптимизирующий процессы, а как садовник, выращивающий экосистему, в которой справедливость становится не результатом единичного акта, а качеством самой правовой среды. Именно эта позиция требует от категории цели особого рода многомерности, позволяющей ей одновременно удерживать регулятивную точность краткосрочных решений, аксиологическую глубину исторических ориентиров и функциональную гибкость, позволяющую правовой системе адаптироваться без утраты своей суверенной идентичности.

Следовательно, категория «цель» в правовой политике представляет собой сложное, многомерное понятие, объединяющее нормативные, ценностные и функциональные аспекты правового регулирования.

Становится очевидным, что без четко выраженных целей гражданский процесс теряет стратегическую направленность и превращается в формальный механизм, не способный отвечать на реальные вызовы современности. В этой связи особую важность приобретает вопрос о том, каким образом эти цели закреплены – или, фактически, не имеют закрепления – в действующем процессуальном законодательстве. Анализ нормативной базы позволяет констатировать, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) содержит лишь декларативные положения, которые не обеспечивают должного уровня системности и последовательности в достижении общественных интересов. При тщательном рассмотрении становится очевидным, что в действующем законодательстве отсутствует система целей, которая могла бы системно направлять процессуальную политику. Это проявляется в том, что нормы, регулирующие гражданский процесс, часто ориентированы на формальное соблюдение процедур, а не на достижение социальных и правовых результатов. Эта дифференциация имеет ключевое значение для формулирования целевой модели гражданского процесса, поскольку позволяет точнее определить функциональную нагрузку каждого этапа правоприменения и исключить смешение целей, задач и принципов в практической деятельности судов.

Анализ действующего законодательства показывает, что ГПК РФ не содержит четко выраженной системы целей, что порождает неопределенность в понимании назначения гражданского судопроизводства и снижает его эффективность. Вместе с тем ст. 2 ГПК РФ содержит перечень задач, среди которых значится и предупреждение правонарушений, но само по себе наличие задач без закрепления соответствующих целей не обеспечивает должного уровня последовательности и системности в достижении общественных интересов. Хотя данная статья декларирует задачи судебного разбирательства, включая защиту прав и законных интересов участников процесса, обеспечение законности и предупреждение правонарушений, эти положения остаются скорее программными установками, нежели юридически значимыми ориентирами. В результате отсутствует связь между нормами и конечными результатами, ради которых они применяются, что ограничивает возможность оценки качества правосудия по критериям реализации общественных интересов.

Формальный подход к установлению целей порождает дисфункции в системе правосудия, поскольку участники процесса лишены ясного представления о том, какая эффективная результативность должна быть достигнута в ходе судебной деятельности. Например, если одной из приоритетных задач является предупреждение конфликтов, то это должно находить свое отражение в механизмах досудебного урегулирования спора, примирительных процедурах, обязательной медиации или профилактическом информировании сторон. Однако подобные меры не закреплены как инструменты достижения цели, а потому их применение носит случайный характер и зависит от субъективного усмотрения суда. В этом контексте получает необходимость освещения проблема предвидения в праве, так как, по мнению Р. Ф. Степаненко, «усложнение процессов и процедурности взаимодействия человека и общества с государством и правом возлагает на научное предвидение большие надежды» [8, с. 49]. Если правоприменитель принимает решение вне правовой оценки последствий при исполнении его решения, то само процессуальное действие во

многим теряет свои правовые смыслы. В данном случае возникает разрыв между юридическим обещанием и его жизнеспособностью: норма гарантирует защиту, но не обеспечивает условий материализации ее в реальном порядке. Решение суда, вынесенное в пользу кредитора при отсутствии у должника имущества, превращается в символический акт – формально безупречный, но лишенный исполнительной силы. Такое решение не восстанавливает нарушенное право, а лишь фиксирует факт самого нарушения, оставляя кредитора один на один с неудовлетворенной претензией. Постепенно накапливаясь, подобные случаи разрушают не столько отдельные институты, сколько саму веру в право как инструмент социального исцеления: процесс утрачивает свою трансформативную функцию и замыкается в круг самодостаточных процедур, где соблюдение формальностей начинает подменять достижение справедливости. Тут и проявляется динамическая природа правовой неопределенности: изначально присущая системе как условие ее гибкости, она в условиях «целевого вакуума» не разрешается в акте правоприменения, а, напротив, экспоненциально нарастает. Когда решение не содержит в себе импульса к реальному восстановлению, оно не разрешает конфликт, а порождает новую неопределенность – уже не толковательного, а экзистенциального порядка: «Что дальше?» Этот вопрос остается без ответа, и тогда неопределенность перестает быть техническим параметром правовой системы, превращаясь в ее системное свойство – постоянный дефицит завершенности, в котором каждый акт правосудия оставляет после себя хвост нереализованных ожиданий.

Неопределенность, будучи внутренне присущим свойством правовой системы, сама по себе не остается стабильной: она может как разрешаться в процессе правоприменения, так и усиливаться, порождая дополнительную неясность в толковании и реализации норм. При этом такой процесс имеет свои границы и сопряжен с реальными юридическими последствиями, особенно остро проявляющимися в сферах массового правоприменения [1, с. 52]. Это особенно актуально в сферах, где конфликты носят массовый характер, например в жилищно-коммунальном хозяйстве, где управляющие организации сталкиваются с ситуациями, когда взыскание долгов становится экономически нецелесообразным (бесперспективным). Проблема не в отсутствии норм, а в их неспособности выполнять функцию профилактики, а не только разрешения споров. Так, по мнению современных ученых-правоведов, мотивировочная часть судебного акта – это не техническое приложение к резолютивной части, а само тело правосудия в его становлении: именно в этой части норма обретает лицо, а абстрактные ценности – справедливость, законность, доверие – материализуются в логике судебного умозаключения [7, с. 180, 183]. Сокращение мотивировочной части лишает решение его внутреннего каркаса: оно (решение) остается юридически состоятельным, но теряет способность вступать в диалог с адресатом – гражданином, которому предстоит принять его не под страхом санкции, а в силу внутреннего убеждения. Без этого диалогического измерения правосудие утрачивает не формальную силу, а ту невидимую нить доверия, которая связывает индивида с правовой системой. Такая трансформация означает не просто деградацию отдельного института, а системный сдвиг: процесс начинает функционировать как замкнутый механизм, где цели растворяются в процедуре, а процедура – в ритуале. Так рождается правовая фикция «исполненного решения»: решение, лишенное

диалогической плоти еще на стадии мотивировки, обречено остаться абстракцией на этапе его исполнения. Судопроизводство сталкивается с необходимостью перевести это обещание в плоскость реального восстановления нарушенных прав. Но поскольку обещание изначально было произнесено без адресата, без внутреннего каркаса убеждения, его исполнение превращается в формальную последовательность действий, оторванных от социального результата. Действующее регулирование, игнорируя эту онтологическую ущербность решения, сводит исполнительное производство к механическому прохождению процедурных этапов – независимо от того, достигается ли при этом социальная справедливость или хотя бы минимальная удовлетворенность гражданина.

Разрыв между процедурой и ее смыслом проявляется даже там, где закон формально декларирует ориентацию на баланс интересов: анализ ст. 78 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹ обнажает своего рода «целевой вакуум» – принципы очередности и пропорциональности погашения долгов закреплены как технические правила распределения, но лишены ответа на вопрос «Ради чего?». Эти нормы не соотнесены ни с восстановительной функцией правосудия, ни с защитой достоинства должника, ни с интересами кредитора в реальном возмещении убытков – словом, они существуют вне системы целей, способной объединить их в единую стратегию реализации правосудия. Например, положение о том, что «...взысканная денежная сумма при недостаточности для полного удовлетворения требований одной очереди распределяется пропорционально причитающимся взыскателям» [9, с. 41], остается техническим инструментом, а не элементом стратегии достижения социальной справедливости. При этом важно учитывать, что механизм взыскания задолженности не сводится к формальному распределению средств – он должен быть частью более широкой системы восстановления нарушенных прав. Как отмечает А. И. Хабилов, применение мер гражданско-правовой защиты, таких как принуждение к исполнению обязательства, отличается от привлечения к ответственности, например взыскания убытков [5, с. 248]. Оба механизма направлены на восстановление нарушенного положения, но делают это разными средствами. Следовательно, без четкой дифференциации этих функций невозможно говорить о последовательной реализации целевой модели гражданского процесса.

Формальный подход к регулированию приводит к дисфункциям: снижению доверия к правосудию, неэффективности исполнительного производства и социальному неравенству. Преодоление этих дисфункций требует не добавления новых норм, а формирования целостной архитектуры целеполагания – такой, в которой социальная ответственность, экономическая целесообразность и технологическая трансформация судебной деятельности перестают существовать изолированно друг от друга и обретают общее телеологическое измерение. При ее отсутствии правосудие оказывается запертым в логике реагирования: оно приходит на помощь лишь тогда, когда конфликт уже оформился в процессуальную форму, оставляя без внимания те нюансы в ткани правоотношений, из которых споры возникают вновь и вновь. Именно в этот момент, когда спор уже приобрел зрелую, зачастую необра-

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

тимую форму, истец обращается в суд – не как к инструменту профилактики, а как к последнему ресурсу в исчерпанной цепочке взаимодействий. В этом ограничении и проявляется парадоксальная возможность – переход от логики «тушения пожаров» к логике «культивирования здоровой почвы». Превентивная функция гражданского процесса, будучи изначально маргинализированной как вспомогательный инструмент, в условиях целевой зрелости системы обретает статус самостоятельной цели: не просто предотвращать споры, а формировать условия, в которых справедливость становится не результатом конфликта, а качеством повседневных правовых взаимодействий. Такая переориентация позволяет судебной системе выйти за пределы формального разрешения дел и стать фактором устойчивости правопорядка – не через принуждение, а через профилактическое укрепление доверия к праву как к среде, в которой конфликты теряют свою необходимость. Этот потенциал, однако, остается нереализованным до тех пор, пока правовая система продолжает включаться в конфликтогенные ситуации лишь на завершающей стадии их развития.

В условиях роста социальной напряженности судебная система все чаще сталкивается с ситуацией, когда обращение в суд становится лишь финальным актом уже зрелого, зачастую необратимого конфликта. Такой реактивный подход ограничивает возможности правосудия влиять на развитие правоотношений и снижает его роль как инструмента формирования правовой культуры. Именно поэтому закрепление превентивной функции в качестве самостоятельной цели гражданского процесса становится не просто теоретическим требованием, а практической и методологической необходимостью, позволяющей перейти от разрешения споров к их профилактике.

Результаты исследования

В действующем законодательстве наблюдается недостаток системных превентивных механизмов, что особенно заметно в сфере ЖКХ. Например, управляющие организации сталкиваются с неравноправием: чтобы взыскать неполученное денежное вознаграждение за оказанные услуги, им приходится не только нести дополнительные издержки, но и сталкиваться с невозможностью реализовать решение суда из-за отсутствия у должника имущества или средств. Таким образом, процессуальные действия зачастую остаются безрезультатными, что демонстрирует: современное законодательство не обеспечивает превентивной защиты интересов участников процесса, и это прямое следствие отсутствия четко выраженной целевой модели.

Неравенство позиций участников проявляется не только в сфере ЖКХ. Аналогичная ситуация складывается и в исполнительном производстве, где отсутствие четких целей по превентивной защите интересов кредиторов ведет к тому, что взыскание долгов становится экономически невыгодным. В практике наличествует множество примеров, в которых при вынесенном судебном решении нет возможности получить взысканные суммы ввиду их отсутствия у «злостных неплательщиков». Такие случаи указывают на пробелы в нормативной базе, где формальное соблюдение норм не гарантирует реальной эффективности правового регулирования, если оно не соответствует общественным интересам и не обеспечивает фактической защиты прав [10, с. 315]. Без закрепления превентивной функции в качестве самостоятельной

цели гражданский процесс не становится стратегическим инструментом реализации справедливости и законности.

Превентивная функция в гражданском процессе представляет собой систему правовых мер, направленных на предупреждение правонарушений, устранение причин конфликтов и формирование правосознания участников правоотношений. С точки зрения теории права она базируется на принципе предупредительной юрисдикции, согласно которому нормы должны воздействовать на поведение субъектов права еще до возникновения спора, создавая условия для добровольного исполнения обязательств и профилактики конфликтов.

Особое значение в реализации этой функции имеет языковая структура правовой нормы, поскольку именно через нее происходит прямое влияние на сознание и поведение участников правоотношений. Как отмечает В. Н. Корнев, прагматика языка права, выраженная в перформативах («запрещено», «обязан», «разрешено»), формирует «нейролингвистические шаблоны поведения», которые способствуют предотвращению правонарушений уже на этапе их зарождения [11, с. 14]. При этом важно подчеркнуть, что сама возможность такого влияния норм на поведение участников правоотношений основана на единстве понимания и интерпретации правовой нормы: «Истолкование – это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее, соответственно, суть эксплицитная форма понимания» [12, с. 57]. Это означает, что без четко выраженных целей в законодательстве невозможно достичь единообразия в понимании и применении процессуальных задач. Грамотно сформулированные нормы, ориентированные на достижение конкретных целей, могут выполнять не только ретроспективную роль – разрешать возникшие споры, но и превентивную – предупреждать их появление.

Если должнику заранее известны возможные последствия неисполнения обязательства, это может существенно повлиять на его поведение, исключая необходимость судебного вмешательства. Таким образом, язык права становится не просто средством регулирования, а инструментом профилактики, способным укреплять доверие между сторонами, снижать уровень конфликтности и обеспечивать добровольное соблюдение обязательств. Однако эффективность этой превентивной функции во многом зависит от того, насколько полно она закреплена в законодательстве и реализуется в правоприменительной практике. На сегодняшний день в ГПК РФ отсутствуют четкие механизмы профилактики споров, хотя есть отдельные элементы, которые могут служить ее основой. К ним можно отнести:

- обязательное досудебное урегулирование споров в некоторых категориях дел;
- возможность примирительных процедур и медиации;
- обязанность суда разъяснять участникам процесса их права и обязанности.

Однако эти меры остаются скорее формальными процедурами, чем частью стратегически выстроенной системы, направленной на предупреждение конфликтов. Без четко выраженной целевой установки превентивная функция не получает системного развития и не становится инструментом достижения социальной справедливости. Как подчеркивает В. А. Рудковский, только в единстве и взаимодействии принципы правовой политики способны

оказывать позитивное влияние на развитие правовой системы [2, с. 13–14]. Эта идея может быть распространена и на цели процессуальной политики: без четкой системной организации цели теряют свою функциональную нагрузку и остаются декларативными.

Более того, отсутствие превентивной функции в качестве содержательно-го компонента самостоятельной цели процессуальной политики приводит к тому, что судебная система вынуждена реагировать на уже возникшие конфликты, вместо того чтобы способствовать их предотвращению. Это создает эффект «правового тушения пожаров», при котором суд занимается локализацией последствий, но не влияет на причины возникновения споров. Между тем именно профилактика позволяет снизить нагрузку на суды, повысить доступность правосудия и укрепить доверие к судебной системе. Реализация превентивной функции предполагает синтез аксиологического и технологического измерений: цифровая среда должна стать не просто инструментом ускорения процедур, а средой формирования правовой предсказуемости. Здесь технологии обретают телеологический смысл – не как набор решений для внедрения, а как архитектура взаимодействия, в которой участник правоотношения получает возможность распознать риски до их материализации в конфликт. Интеллектуальные системы, анализирующие паттерны правоприменения, интерфейсы, переводящие юридические последствия в понятный язык, криптографические механизмы, обеспечивающие неизменяемость условий договоренностей, – все это работает на одну цель: сделать справедливость предвосхищающей, а не ретроспективной. Такая модель процесса перестает быть реакцией на нарушение и становится условием его недопущения – не через административное предписание, а через расширение информационной автономии гражданина. Данная автономия сама по себе остается техническим артефактом, пока за ней не усматривается более глубокое измерение – превращение профилактики из средства в смысл судебной деятельности.

Превентивная функция гражданского процесса обретает смысл лишь тогда, когда перестает восприниматься как техническое дополнение и становится телеологическим ядром правовой процессуальной политики – той невидимой архитектурой, которая определяет не то, как разрешать споры, а почему одни споры возникают вновь и вновь, а другие не возникают вовсе. Ее реализация измеряется не количеством решенных дел, а качеством правовой среды: способность системы не реагировать на кризисы, а формировать условия, в которых справедливость становится привычным состоянием повседневных отношений, а не исключительным результатом судебного акта. Она выступает не просто дополнением к когерентной и ретроспективной функциям, но самостоятельной целью процессуальной политики, обеспечивающей профилактику правовых дисфункций и укрепление доверия к правосудию. По мнению Р. Ф. Степаненко и К. А. Лягина, «...правоприменение таким образом устраняет и разрешает различные противоречия при реализации правовых норм, что, собственно, и является важнейшей целью этого правового явления» [4, с. 138]. Лишь в этом случае судебная система сможет выполнять свою роль не только как орган защиты нарушенных прав, но и как институт формирования правовой культуры и предупреждения конфликтов в обществе.

Превентивная функция в гражданском процессе – это не просто технический инструмент, а фундаментальная цель процессуальной политики, обеспе-

чивающая стабильность и легитимность правового порядка. Ее реализация требует как правового прогресса, так и технологического развития, направленного на предупреждение и минимизацию конфликтов, а не только их разрешение. И пока превентивная функция не обретет статус самостоятельной цели, гражданский процесс обречен на роль «скорой помощи» для уже состоявшихся конфликтов. Цифровая трансформация правовой сферы обостряет этот дисбаланс: ускорение коммуникаций и множественность точек взаимодействия порождают новые формы конфликтогенности, с которыми реактивная модель попросту не справляется. Выход из этого тупика лежит не в умножении процедурных упрощений, а в изменении самой логики процесса – от логики восстановленного нарушения к логике формирования условий, в которых нарушение теряет свою вероятность. Этот переход предполагает одновременное движение в двух измерениях. С одной стороны, требуется переосмысление правовой доктрины – переход от реактивной парадигмы к профилактической. С другой – необходимо трансформировать и саму цифровую среду: превратить ее из пространства ускоренных транзакций в среду правовой предсказуемости, где участник еще до заключения договора способен увидеть потенциальные риски и избежать их материализации в конфликт.

Обсуждение и заключение

Именно в синтезе этих измерений и оформляется целевой поворот в теории гражданского процесса – переход от узкопроцедурного понимания к аксиологически насыщенной концепции, в которой система юридических рекомендаций призвана изменить саму геометрию взаимодействия с правом: вместо запоздалого обращения к юристу в момент кризиса человек получает возможность увидеть правовые контуры своего решения еще в точке выбора. Такая рекомендация не предписывает – она раскрывает: показывает, как действия сегодня отразятся на правовой реальности завтра, какие альтернативы существуют помимо суда и стоит ли конфликт переводить в процессуальную плоскость. Эффект измеряется не сокращением исков как таковых, а ростом качества правовых решений – когда человек выбирает путь не потому, что не знает другого, а потому, что осознал все доступные горизонты. Параллельно формируется архитектура правового предвидения: алгоритмические системы, анализирующие паттерны судебных решений, начинают работать как индикаторы вероятности спора, выявляя на ранней стадии те точки напряжений в правоотношениях, где конфликт еще можно развернуть в сторону соглашения. Их использование может быть полезно как для государственных органов, так и для частных лиц: такие системы позволяют выявлять потенциальные источники конфликтов на ранних этапах и принимать профилактические меры до возникновения полноценного спора. Интеграция подобных решений в правовую среду усиливает превентивную функцию гражданского процесса и делает его не просто механизмом разрешения конфликтов, но мощным инструментом предупреждения правовой неопределенности.

Однако эффективное внедрение таких технологий возможно лишь при наличии четко сформулированной процессуальной политики, где превентивная функция занимает одно из ключевых мест. На сегодняшний день цели правовой процессуальной политики выступают системообразующим элементом, определяющим направление и содержание судебной деятельности. Их отсут-

ствие или недостаточно четкое закрепление приводят к снижению эффективности гражданского процесса, формализации подхода к разрешению споров и утрате профилактической функции правосудия.

В этой связи неопределенность гражданского и гражданско-процессуального законодательства в части предупреждения правонарушений становится даже не техническим пробелом, а серьезным препятствием для развития превентивной парадигмы в правосудии. Это требует пристального внимания со стороны юридической науки и инициирования дискуссии о реформировании нормативной базы с учетом современных технологических возможностей и общественных ожиданий. Более того, отсутствие компонентов предвидения негативных правовых последствий в целеполагании в области превенции правонарушений не может состоять в формулировании задач, поскольку задачи решаются именно для достижения определенной цели, а не заменяют ее. Цели гражданско-процессуального законодательства, так же как и в области уголовно-процессуального права, должны формулироваться именно в рамках целеполагания, поскольку только так можно обеспечить согласованность норм, их направленность на защиту интересов участников спора и предупреждение конфликтов задолго до их возникновения. Только при условии закрепления этих целей на уровне доктрины и в нормативной базе судебная система сможет перейти от типового разрешения споров к стратегически ориентированной реализации государственной политики в сфере правосудия.

Однако сама возможность такого закрепления предполагает предварительный сдвиг в понимании целей – переход от вспомогательного ориентира к статусу формообразующего начала процесса. Цель в гражданском процессе перестает быть вспомогательной категорией и обретает статус архитектурного принципа – того невидимого каркаса, который определяет не только как разрешать споры, но и ради чего существует сама процедура. Цифровая трансформация обнажает хрупкость системы, лишенной такого каркаса: ускорение коммуникаций и множественность правовых взаимодействий усиливают неопределенность там, где и так отсутствует ясное целеполагание, а утрата доверия к суду становится не следствием отдельных ошибок, а симптомом системного «целевого вакуума». Восполнение этого вакуума – не техническая операция кодификации, а акт возвращения смыслового ядра процессу: только в этом случае гражданский процесс способен выйти за пределы реактивного урегулирования и занять место инструмента формирования устойчивого правопорядка, инструмента государственного управления, обеспечивающего его стабильность, предсказуемость и легитимность. Таким образом, становление целевой модели гражданского процесса – это не только научная задача, но и практическая необходимость, позволяющая переосмыслить роль суда в правовом обществе, повысить качество правосудия и укрепить его профилактическую функцию.

Список источников

1. Степаненко Р. Ф., Хамидуллина Ф. И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54. DOI: 10.31857/S1026945224100052.

2. Рудковский В. А. Принципы правовой политики: понятие и содержание // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 11–14.
3. Рыбаков О. Ю., Воронцова И. В. Соответствие российского процессуального законодательства целям и задачам государственной политики // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5 (63). С. 69–77.
4. Степаненко Р. Ф., Лягин К. А. Социальное назначение правоприменения: актуальные вопросы теоретического правоведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 137–141.
5. Хабилов А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 6. С. 226–259.
6. Валеев Д. Х. Принципы как процессуальные гарантии в исполнительном производстве // Закон. 2007. № 5. С. 93–101.
7. Малько Е. А., Семикина Е. А. Современные тенденции развития цивилистической процессуальной политики // Правовая политика современной России в условиях глобализации и регионализации. М. : ИГиП РАН, 2019. С. 169–186.
8. Степаненко Р. Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5.
9. Валеев Д. Х. Виды процессуальных гарантий в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 5. С. 38–42.
10. Горбунов М. Д. Эффективность права и отечественный правовой позитивизм: перспективы // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы VII Нац. науч.-практ. конф. (Казань, 16 февр. 2023 г.). Казань : Ун-т управления «ТИСБИ», 2023. С. 312–316.
11. Корнев В. Н. Прагматика языка права // Правосудие. 2023. Т. 5, № 4. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.
12. Корнев В. Н., Кононенко В. И. Право, правоприменение и юридическая герменевтика // Государство и право. 2022. № 1. С. 54–63. DOI: 10.31857/S102694520018271-9.

References

1. Stepanenko R. F., Khamidullina F. I. The goal setting in law: the theoretical and methodological problems of substantive and procedural law. *State and Law*. 2024;(10):45-54. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224100052.
2. Rudkovsky V. A. Principles of legal police: notion and content. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2016;(6):11-14. (In Russ.)
3. Rybakov O. Yu., Voroncova I. V. The conformity of the Russian procedural legislation with intentions and objects of the state politics. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2008;(5):69-77. (In Russ.)

4. Stepanenko R. F., Lyagin K. A. Social purpose of law enforcement: topical issues of theoretical jurisprudence. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2018;(2):137-141. (In Russ.)
5. Khabirov A. I. Means, methods and forms of the civil protection of parties' rights under a loan agreement: theoretical aspect. *Herald of Civil Procedure*. 2018;8(6):226-259. (In Russ.)
6. Valeev D. H. Principles as procedural guarantees in enforcement proceedings. *Zakon = Law*. 2007;(5):93-101. (In Russ.)
7. Malko E. A., Semikina E. A. Modern trends in the development of civil procedural policy. *Legal policy of modern Russia in the context of globalization and regionalization*. Moscow: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2019. Pp. 169–186. (In Russ.)
8. Stepanenko R. F. Foresight is in the law: methodological possibilities and prospects. *State and Law*. 2022;(11):47-54. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520022759-5.
9. Valeev D. H. Types of procedural guarantees in enforcement proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2009;(5):38-42. (In Russ.)
10. Gorbunov M. D. Efficiency of law and domestic legal positivism: prospects. *Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice*. Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference (Kazan, February 16, 2023). Kazan: University of Management "TISBI"; 2023. Pp. 312–316. (In Russ.)
11. Kornev V. N. Pragmatics of the language of law. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(4):8-17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.
12. Kornev V. N., Kononenko V. I. Law, law enforcement and legal hermeneutics. *State and Law*. 2022;(1):54-63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520018271-9.

Информация об авторе / Information about the author

Эдуард Евгеньевич Исаев, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Казань, Кремлевская ул., д. 18).

Eduard E. Isaev, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the History of State and Law Department, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.111-124



Применение современных технологий в отправлении правосудия

Елизавета Хамидовна Урчукова

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
liza-1940@mail.ru*

Аннотация

Введение. С развитием технологий и внедрением искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни вопрос о его применении в судебной системе приобретает все большую значимость. Искусственный интеллект способен значительно повысить эффективность и точность судебных процессов, что, однако, поднимает проблемы его надежности, этических аспектов и соблюдения правовых норм.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящего исследования составили труды российских и зарубежных ученых по заявленной теме, а также сходным правовым вопросам. В работе использованы во взаимодействии общенаучные и частные методы научного познания. Диалектический метод системного анализа позволил выявить состояние использования искусственного интеллекта в судебной системе, его преимущества и ограничения, а также разработать перспективы развития этой технологии в юридической сфере.

Результаты исследования. С появлением систем ИИ не прекращаются споры относительно приемлемости их использования в различных сферах человеческой деятельности, особенно в рамках использования в деятельности судей, судебного аппарата. Системы ИИ обладают рядом недостатков, которые могут повлиять на должное отправление правосудия: 1) ограничение в понимании сложных контекстов; 2) возникающие в связи с использованием систем ИИ вопросы распределения ответственности; 3) недостаток чувствительности к человеческим факторам (эмоции и моральные аспекты), которые могут быть важны в некоторых судебных решениях; 4) риск искажений при ответе на запрос.

Обсуждение и заключение. Важно отметить, что для обеспечения безопасного и эффективного внедрения таких новых технологий, как ИИ, в правовую среду могут быть применены концепции «правовых песочниц». Эти экспериментальные правовые режимы позволяют тестировать инновационные решения в условиях реального времени с минимальными рисками для существующей правовой системы. Таким образом, «правовые песочницы» могут стать важным инструментом для создания адаптивной и гибкой правовой среды, способствующей интеграции искусственного интеллекта в судебные процессы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное правосудие, цифровые технологии, экспериментальные правовые режимы, «песочницы»

Для цитирования: Урчукова Е. Х. Применение современных технологий в отправлении правосудия // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 111–124. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.111-124.

Original article

The Usage of Modern Technologies in the Administration of Justice

Elizaveta Kh. Urchukova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
liza-1940@mail.ru*

Abstract

Introduction. With the development of technology and the introduction of artificial intelligence in various spheres of social life, the issue of its application in the judicial system is becoming increasingly important. Artificial intelligence can significantly improve the efficiency and accuracy of judicial processes, which, however, raises a number of questions concerning its reliability, ethical aspects and compliance with legal norms.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this study is formed by the works of Russian and foreign researchers on the stated topic, as well as similar legal issues. In the work, general scientific and private methods of scientific cognition are used in interaction. Among the private-scientific methods of cognition were used including dialectical, the method of system analysis allowed to identify the state of the use of artificial intelligence in the judicial system, its advantages and limitations, as well as to develop prospects for the development of this technology in the legal sphere.

Results. With the advent of AI systems, there is ongoing debate about the acceptability of their use in various areas of human activity, especially in the context of their use in the work of judges and the judiciary. AI systems have a number of shortcomings that could affect the proper administration of justice: 1) limited understanding of complex contexts; 2) issues of responsibility arising from the use of AI systems; 3) lack of sensitivity to human factors (emotions and moral aspects) that may be important in some court decisions; 4) risk of distortion in responding to a query.

Discussion and Conclusion. It is important to note that the concepts of legal sandboxes can be applied to ensure the safe and effective introduction of new technologies, such as AI, into the legal environment. These experimental legal regimes allow testing innovative solutions in a real-time environment with minimal risks to the existing legal system. Thus, legal sandboxes can become an important tool for creating an adaptive and flexible legal environment that facilitates the integration of artificial intelligence into judicial processes.

Keywords: artificial intelligence, e-justice, digital technology, experimental legal regimes, regulatory sandboxes

For citation: Urchukova E. Kh. The usage of modern technologies in the administration of justice. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):111-124. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.111-124.

Введение

К настоящему времени в России в целом сформировалась электронно-информационная среда, обеспечивающая дистанционный доступ к правосудию и получение необходимой информации о деятельности судебных инстанций различного уровня. Важно отметить, что вопросу цифровизации судебного процесса уделено особое внимание, учитывая, что она поможет оптимизировать правосудие, повысить его качество, а также снизить нагрузку на судей. За весьма короткий период времени практически все формы реализации правосудия претерпели существенные трансформации в связи с процессами информатизации социальных отношений [1]. Об этом, в частности, упоминалось на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 21 мая 2024 г.: «Цифровизация судебной системы осуществляется путем модернизации и развития ГАС «Правосудие», а также создания сервиса «Правосудие онлайн», который объединит в себе возможности реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами судебного дела в электронном виде, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и получение судебного акта в электронном виде»¹.

В настоящее время наиболее активно идет внедрение технологии искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) в организационную деятельность суда: уже введен электронный документооборот, электронное правосудие обеспечивается через соответствующую подсистему ГАС «Правосудие»; задействованы информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», которые обеспечивают электронный документооборот в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, создавая единое информационное пространство федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов [2, с. 188].

Теоретические основы. Методы

В данном исследовании объектом выступают отношения, возникающие в связи с внедрением современных технологий, в частности искусственного интеллекта, в процессе отправления правосудия. Теоретическую основу настоящего исследования составили труды российских и зарубежных ученых по заявленной теме, а также сходным правовым вопросам. В качестве методологической базы в рамках исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод, анализ, синтез) и частная методология (сравнительно-правовой метод, метод толкования права). Это позволило объективно и всесторонне исследовать отношения по поставленному вопросу и выявить возможные риски при неразумном внедрении современных технологий.

Результаты исследования

Некоторые авторы отмечают, что интерес к новым технологиям не является чем-то новым. Такое бурное внимание повторяется каждые 20–30 лет на-

¹ URL: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/54561> (дата обращения: 28.08.2024).

чина с середины XX в. [3]. При этом так или иначе ряд скачков в истории развития человечества, как правило, связывают с влиянием промышленных революций [4, с. 11]. Текущие цифровые изменения в обществе также не являются чем-то случайным, они объективно обусловлены определенными предпосылками, среди них выделяют экономические, социальные, научные, политические и другие факторы. Так, в докладе на XXII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества указываются некоторые особенности, присущие цифровой трансформации: «растущие успехи в развитии передовых технологических направлений, включая ИИ, робототехнику, блокчейн, технологии виртуальной и дополненной реальности и ряд других как катализатор нового этапа цифровой трансформации», «рост спроса на цифровые технологии», «сокращение жизненного цикла технологий», COVID-19 как катализатор, «возрастание технологических и социальных рисков» [5, с. 19]. При этом цифровизация проходит через практически все подсистемы и отрасли права. Цифровизация не обходит стороной также и отправление процессуальной деятельности, хотя, как справедливо указывают некоторые авторы [4, с. 20], не каждая цифровая технология автоматически встраивается в инструментарий отправления процессуальной деятельности. Это прежде всего связано с низкой адаптивностью права к новым изменениям. В связи с этим господствующим в отечественной процессуальной доктрине являлся подход, согласно которому новые технологии воспринимались преимущественно как инструменты правоприменительной деятельности. И только спустя время по мере накопления практических знаний и навыков использования цифровых технологий в процессуальной деятельности вопросы о месте цифровых технологий стали пересматриваться, что стало основой для развития концепции «электронного правосудия» [5, с. 24].

Стоит отметить, что, несмотря на активный подъем в области развития цифровых технологий, в рамках цифровизации гражданского процесса все еще присутствуют точки роста. К примеру, в науке подчеркивается отсутствие до настоящего времени выработанного подхода к пониманию электронного правосудия [6, с. 40]. Как указывает Ю. А. Кондюрина, как в науке, так и в практической деятельности судов термин «электронное правосудие» понимается достаточно широко, включая «...электронный документооборот, в том числе с применением различных видов электронных подписей, электронные доказательства, и применение в судебной деятельности технических устройств (аудиопотоколирование, видеоконференц-связь), и влияние технологий на основополагающие начала судопроизводства» [7, с. 47]. С. В. Романенкова под электронным правосудием понимает способ отправления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, т. е. совокупность различных автоматизированных информационных систем сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела» [8]. М. В. Чижов определяет электронное правосудие следующим образом: «...деятельность уполномоченных государственной властью органов – судов, осуществляемая с использованием информационных и коммуникационных технологий в форме “электронного судопроизводства”, по защите оспариваемых и восстановлению нарушенных прав граждан с целью разрешения социально-правовых конфликтов» [9, с. 15].

Определение термина «электронное правосудие» дано в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362, в котором под электронным правосудием понимаются «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»². При этом А. А. Фомин предлагает расширить понимание электронного правосудия до «...основанных на применении информационно-коммуникационных технологий способов организации и функционирования судебной деятельности во всех ее проявлениях (имеются в виду организационная структура и количество судов, судопроизводство и виртуальные судебные процедуры, судебное делопроизводство и межведомственный документооборот, администрирование деятельности судов и обеспечение доступа граждан к правосудию)» [10, с. 3].

Определение электронного правосудия также содержится в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009) государствам – участникам Совета Европы по электронной демократии: «Электронное правосудие – это использование ИКТ в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере с целью повышения эффективности и качества государственных служб, в частности, для частных лиц и предприятий. Оно включает в себя электронное общение и обмен данными, а также доступ к информации судебного характера»³. Я. В. Антонов также подчеркивает: «Так как судебная власть является ключевым компонентом демократии, электронное правосудие является важнейшей гранью электронной демократии. Ее главная цель состоит в повышении эффективности судебной системы и качества правосудия. Доступ к правосудию – это один из аспектов доступа к демократическим институтам и процессам» [11, с. 60].

Как отмечается, цифровизация российского гражданского процесса происходит главным образом «...с точки зрения модели процессуальной коммуникации, доступа к информации и управления делами, но не с точки зрения модели принятия решений» [4, с. 122], хотя нововведения в этой части могли бы значительно ускорить процесс рассмотрения дел, облегчить нагрузку на судей и на судебный аппарат. Модели принятия решений могли бы быть усовершенствованы с точки зрения внедрения искусственного интеллекта, который может помочь судьям в анализе больших объемов данных, ускоряя

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

³ Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) (Adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/Key-Texts/Recommendations/Recommendation_CM_Rec2009_1_en_PDF.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

процесс принятия решений и позволяя сосредоточиться на более сложных задачах, выявлять потенциальные риски и ошибки, что позитивно сказывалось бы на качестве судебных решений. Так, на примере опыта Германии предлагается внедрить систему искусственного интеллекта в приказное производство [12].

Опыт по внедрению ИИ-технологий уже имел место в рамках эксперимента Белгородской области в 2021 г. Три судебных участка мировых судей подключили технологии искусственного интеллекта для подготовки судебных приказов по взысканию налогов с граждан. А. В. Дробышева в этой связи указывает, что по итогу эксперимента эксперты и правоведы нашли данный опыт успешным и указали на актуальность его последующего применения в системе мировых судов [13].

Искусственный интеллект, бесспорно, влияет на трансформацию отношений, включая правовую сферу, расширяет возможности отправления правосудия. При этом стоит отметить двойственное отношение к новым технологиям в целом и к ИИ в частности. Сосуществуют как мнение, что с технологиями ИИ все сферы общественной жизни кардинально преобразуются [14, с. 13, 14] и впоследствии это приведет к положительному эффекту, так и прямо противоположные, выражающие либо радикально негативное отношение к внедрению систем ИИ с учетом связанных с этим опасений, либо (в лучшем случае) определенного рода скепсис⁴.

Перед тем как ставить вопросы о целесообразности развития такого направления цифровизации правосудия, как внедрение систем ИИ, необходимо обратиться к дефиниции. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁵, и ГОСТ Р 59921.4–2021⁶ искусственный интеллект (artificial intelligence) представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений.

⁴ См.: [15; 16]; What happened to the artificial-intelligence revolution? // The economist : [website]. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/07/02/what-happened-to-the-artificial-intelligence-revolution> (дата обращения: 28.08.2024).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ ГОСТ Р 59921.4–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров». Утв. приказом Росстандарта от 2 декабря 2021 г. № 1672-ст. М. : ФГБУ «РСТ», 2021.

Н. В. Остроумов, цитируя Джорджа Ф. Люгера, считающего, что ИИ может и не быть подобен человеческому мозгу по принципам действия и обработки информации [17], также отмечал, что очевидный успех появившихся в последнее время нейросетей, их большая по сравнению с иными технологиями, основанными на методах математического анализа, степень и скорость обучаемости указывают на то, что именно человеческий мозг может являться ключом к созданию ИИ. Проблема заключается в незначительной степени исследованности процессов, возникающих в человеческом мозге, непонимании некоторых принципов обработки информации человеком [18]. С учетом того, что данный аспект не входит в круг вопросов, рассматриваемых в настоящей работе, отметим лишь, что такая постановка вопроса, помимо прочего, стала основой для дискуссий относительно того, является ли ИИ субъектом, квази-субъектом или объектом права [19]. Как указывает Е. В. Вавилин, вопрос о том, быть ИИ объектом или субъектом права, должен решаться гибко, с учетом функциональной целесообразности [20].

Между тем определение искусственного интеллекта через сопоставление с результатами интеллектуальной деятельности человека представляется ошибочным, поскольку мыслительный аппарат человека изначально несовершенен и не может быть эталоном, что, однако, не отменяет необходимости дальнейших исследований в области когнитивных процессов. В науке отмечаются сложности в сфере обработки естественного языка – Natural Language Processing (NLP), которые могут быть устранены путем моделирования наиболее значимых когнитивно-коммуникативных процессов передачи информации с учетом наиболее активных и динамичных свойств языка [21]. Исследования в этом направлении могут также благотворно сказаться на обработке специфичного терминологического аппарата, свойственного судебным решениям и юридическим текстам в целом. Тем не менее искусственный интеллект – это в большей степени не интеллект, а набор алгоритмов и функций по решению многократно повторяющихся однотипных задач. Системы ИИ используют методы глубокого обучения. Суть глубокого обучения заключается в том, что на вход глубокой нейросети передаются множество примеров, когда человек не подсказывает, а передает информацию на входной слой и «правильный ответ» – на выходной слой. В ходе этого процесса глубокая нейросеть математически обучается максимизировать значение «целевой функции» [22, с. 144]. При этом технология глубокого обучения универсальная, ее можно использовать практически в любой области в целях распознавания образов, прогнозирования, классификации данных, принятия решений или синтеза. К примеру, ИИ был использован в приложениях Ganesh Insurance, где система была обучена оценивать вероятность развития у клиента проблем со здоровьем, что влияло на сумму страхового взноса [22, с. 29].

Стоит отметить, что в целом с появлением систем ИИ не прекращаются споры относительно приемлемости их использования в различных сферах человеческой деятельности. Особые опасения высказываются применительно к их использованию в деятельности судей, судебного аппарата. Способность «поиска решений без заранее заданного алгоритма» содержит в себе риск отклонения и искажения ответа на запрос. Помимо этого, отмечается и ряд других недостатков, которые могут повлиять на должное отправление правосудия: 1) ограничение в понимании сложных контекстов и нюансов, которые

могут быть важны при принятии судебных решений; 2) ответственность в случае ошибки или неправильного решения. Так как носителем ответственности может быть только субъект права, сам ИИ нести ответственность не может, однако предположительно ответственность может быть возложена на разработчика системы искусственного интеллекта или судью, который принял решение на основе алгоритмов; 3) недостаток чувствительности к человеческим факторам (эмоции и моральные аспекты), которые могут быть важны в некоторых судебных решениях.

Учитывая все риски, которые несет в себе ИИ, положительные результаты, как показал упомянутый ранее пример с белгородскими мировыми судьями [13], могут быть достигнуты с помощью внедрения экспериментальных правовых режимов – так называемых «регуляторных песочниц», или «регулятивных песочниц» (далее – ЭПР), на определенных территориях. Регулятивные «песочницы» – изобретение Правительства и финансового регулятора Соединенного Королевства (FCA). «Песочницы» используются в тех случаях, когда без эксперимента невозможно определить, работает решение или нет. Они позволяют отработать правила для инновационных подходов, протестировав их в ограниченной среде. Регулятивная «песочница» действует в условиях рынка при взаимодействии с реальными потребителями. В рамках деятельности блока члена Коллегии (министра) Евразийской экономической комиссии по внутренним рынкам, информатизации, ИКТ был подготовлен обзор, в котором проводится дифференциация различных видов «песочниц», среди которых выделяются корпоративные «песочницы», квази-песочницы, регулятивные «песочницы», индустриальные «песочницы», зонтичные и другие «песочницы»⁷.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»⁸ под ЭПР понимается применение в течение пятилетнего срока с 1 июля 2020 г. в отношении участников ЭПР специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, а также последующего возможного использования результатов применения ИИ. При этом дефиниция ИИ заимствована из Национальной стратегии. Согласно ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁹ под ЭПР в сфере цифровых инноваций понимается применение в отношении участников ЭПР в течение

⁷ Международный опыт применения «песочниц». Евразийская экономическая комиссия по внутренним рынкам, информатизации, ИКТ. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5a7/Mezhdunarodnyy-opyt-primeneniya-pesochnits.pdf> (дата обращения: 31.10.2024).

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций в сфере медицинской деятельности; проектирования, производства и эксплуатации транспортных средств; сельского хозяйства; финансового рынка; продажи товаров, работ, услуг дистанционным способом; архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений; предоставления государственных и муниципальных услуг и осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществления иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления; промышленного производства (промышленности). Этот список не является исчерпывающим, так как в ч. 2 ст. 1 Закона также указываются иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации.

Е. Ю. Баракиной удалось выделить ряд преимуществ и недостатков внедрения ЭПР. Среди преимуществ, в частности, ею выделены повышение открытости взаимодействия, стимулирование инноваций и конкуренции, оценка инноваций и рисков. В то же время недостатки заключаются в отсутствии полной защиты от рисков, нарушении конкурентной среды, ограниченности тестирования в трансграничной среде, отсутствии выгод от тестирования [23]. Европейской парламентской исследовательской службой (European Parliamentary Research Service (EPRS)) было подготовлено исследование [24], в котором также упоминались преимущества и риски, связанные с регуляторными «песочницами» (sandbox), которые используются для тестирования инновационных продуктов и услуг. Среди преимуществ отмечаются: 1) возможность для регуляторов получить более глубокое понимание новых продуктов, что впоследствии благотворно скажется на адаптации правил и политике надзора. Например, в банковской сфере это может привести к изменениям в правилах идентификации клиентов; 2) снижение юридических рисков при тестировании технологий; 3) расширение ассортимента, улучшение качества товаров и услуг. В то же время в исследовании отмечаются риски смещения баланса между безопасностью и инновационным развитием в ущерб защите общественных интересов.

Обсуждение и заключение

В целом при соблюдении осторожного подхода к минимизации возможных негативных последствий ЭПР могут способствовать развитию в отправлении правосудия. Так, в работе Мэттью Кристофа показано, что эффективное внедрение технологий в уголовное правосудие может быть оптимально достигнуто через создание федеральной программы регуляторной «песочницы», специально ориентированной на эту задачу. Продуманная и правильно организованная регулятивная «песочница» может стать наилучшим подходом к обеспечению баланса между правами обвиняемых и интересами общества в открытом правосудии и подотчетности правительства с законными экономическими интересами, защитой интеллектуальной собственности и необходимостью непрерывных инноваций [25, р. 989–995]. Между тем имеет смысл не ограничивать распространение ЭПР только лишь на рассмотрение уголовных дел: представляется, что ЭПР может хорошо себя показать при рассмотрении

гражданских дел и дел об административных правонарушениях. При этом минусы, отмеченные Е. Ю. Баракиной, нивелируются в рамках рассмотрения различных категорий дел ввиду отсутствия конкуренции. Представляется, что наиболее благоприятным будет поэтапное внедрение ЭПР, начиная с пилотных проектов в целях выявления возможных проблем и возможности скорректировать подход до его масштабирования на всю систему. ЭПР могут облегчить доступ граждан к судебным процедурам, позволяя тестировать новые технологии, в том числе с использованием ИИ, без необходимости в полной интеграции в существующую систему. При этом внедрение ЭПР должно сопровождаться систематическим сбором обратной связи и мониторингом эффективности новых процессов, что позволит постоянно улучшать систему на основе реального опыта.

Таким образом, несмотря на бурное развитие информационных технологий, в том числе ИИ, на данный момент все еще имеется несколько опорных точек для последующего внедрения. При этом стоит учитывать спорный характер в вопросах внедрения ИИ, которые особенно остры в рамках отправления правосудия. Использование искусственного интеллекта, продуктов, созданных на основе цифровых технологий, в судебной системе требует осторожного подхода, тщательного анализа и балансирования преимуществ и недостатков в целях обеспечения эффективности и справедливости судебных процессов. Данные цели могут быть достигнуты в том числе с помощью распространения ЭПР на судебную систему.

Список источников

1. Шипилов А. Н. Цифровизация правосудия // Судья. 2019. № 3 (99). С. 21–22.
2. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191.
3. Храмовская Н. А. Искусственный интеллект и управление документами: основные риски // Делопроизводство. 2023. № 2. С. 24–31.
4. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам : моногр. / под ред. К. А. Брановицкого, В. В. Яркова. М. : Статут, 2022. 328 с.
5. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова и др. ; рук. авт. кол. П. Б. Рудник ; науч. ред. Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник, К. О. Вишневский, Т. С. Зинина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.
6. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.
7. Кондюрина Ю. А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 197 с.

8. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.
9. Чижов М. В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
10. Фомин А. А. Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России // Администратор суда. 2024. № 3. С. 2–6.
11. Антонов Я. В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 58–67.
12. Брановицкий К. А., Ренц И. Г., Незнамов А. В. и др. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // European and Asian Law Review. 2018. No. 2. P. 56–68.
13. Дробышева А. В. Перспектива использования технологий искусственного интеллекта в системе мировых судов // Мировой судья. 2022. № 11. С. 17–20.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
15. Collins H. The science of artificial intelligence and its critics // Interdisciplinary Science Reviews. 2021. Vol. 46, issue 1–2. P. 53–70. DOI: 10.1080/03080188.2020.1840821.
16. Hitsuwari J., Ueda Y., Yun W., Nomura M. Does human – AI collaboration lead to more creative art? Aesthetic evaluation of human-made and AI-generated haiku poetry // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 139. P. 107502. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107502.
17. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем : пер. с англ. 4-е изд. М. : Вильямс, 2003. 864 с.
18. Остроумов Н. В. Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта // Законность и правопорядок. 2021. № 3 (31). С. 61–66.
19. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 32 с.
20. Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-13-35.
21. Рябцева Н. К. Естественный язык и искусственный интеллект: когнитивный аспект // Язык как он есть : сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / ред. сост. Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова и др. М. : Буки Веди, 2023. С. 283–287. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-42.

22. Кай-Фу Ли, Чэнь Цюфань. ИИ-2041: десять образов нашего будущего / пер. с англ. О. Медведь, А. Лаировой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 430 с.
23. Баракина Е. Ю. К вопросу об установлении экспериментального правового режима в области применения искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 64–67.
24. Madiega T., Van De Pol A. L. Artificial intelligence act and regulatory sandboxes // European Parliamentary Research Service. 2022. June. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733544/EPRS_BRI\(2022\)733544_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733544/EPRS_BRI(2022)733544_EN.pdf).
25. Christoph M. Criminal justice technology and the regulatory sandbox: toward balancing justice, accountability, and innovation // University of Pittsburgh Law Review. 2023. Vol. 84, no. 4. P. 971–995. DOI: 10.5195/lawreview.2023.959.

References

1. Shipilov A. N. Digitalization of Justice. *Sud'ya = Judge*. 2019;(3):21–22. (In Russ.)
2. Momotov V. V. Artificial intelligence in litigation: state and prospects for use. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):188–191. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188–191.
3. Khramtsovskaya N. A. Artificial intelligence in legal proceedings: current status and prospects for use. *Deloproizvodstvo = Records Management*. 2023;(2):24–31. (In Russ.)
4. Branovitsky K. L., Yarkov V. V., eds. *Digital technologies and jurisdictional activity: the future image of justice in civil cases*. Monograph. Moscow: Statut; 2022. 328 p. (In Russ.)
5. Abdrakhmanova G. I., et al. *Digital transformation of industries: starting conditions and priorities*. Reports for the XXII April International Scientific Conference on Economic and Social Development, 13–30 April 2021. Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 239 p. (In Russ.)
6. Vasilkova S. V. *Electronic justice in civil procedure*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2018. 251 p. (In Russ.)
7. Kondyurina Yu. A. *Principles of civil procedure in the electronic justice system*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Omsk; 2020. 197 p. (In Russ.)
8. Romanenkova S. V. The concept of electronic justice, its genesis and implementation in law enforcement practice in foreign countries. *Arbitration and Civil Procedure*. 2013;(4):26–31. (In Russ.)
9. Chizhov M. V. *Application of information and communication technologies in judicial activities in the context of information society formation*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 22 p. (In Russ.)
10. Fomin A. A. Digital transformation of judicial activities in present-day Russia. *Court's Administrator*. 2024;(3):2–6. (In Russ.)

11. Antonov Ya. V. Legal characteristics of electronic justice as project of electronic democracy in the context of the international practice and influence of electronic justice on ensuring independence and impartiality of bodies of judicial authority. *Administrative Consulting*. 2015;(6):58-67. (In Russ.)
12. Branovitsky K. L., Rents I. G., Neznamov A. V., et al. Digital technology and civil procedure: problems of interinfluence. *European and Asian Law Review*. 2018;(2):56-68. (In Russ.)
13. Drobysheva A. V. The prospect of use of artificial intelligence technologies in the system of justice of the peace courts. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*. 2022;(11):17-20. (In Russ.)
14. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo; 2016. 138 p. (In Russ.)
15. Collins H. The science of artificial intelligence and its critics. *Interdisciplinary Science Reviews*. 2021;46(1-2):53-70. DOI: 10.1080/03080188.2020.1840821.
16. Hitsuwari J., Ueda Y., Yun W., Nomura M. Does human – AI collaboration lead to more creative art? Aesthetic evaluation of human-made and AI-generated haiku poetry. *Computers in Human Behavior*. 2023;(139):107502. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107502.
17. Luger G. F. *Artificial intelligence: strategies and methods for solving complex problems*. Transl. from Engl. 4th ed. Moscow: Williams; 2003. 864 p. (In Russ.)
18. Ostroumov N. V. Artificial intelligence in law: a review of existing concepts of legal regulation of relations involving artificial intelligence carriers. *Legality and Legal Order*. 2021;(3):61-66. (In Russ.)
19. Ponomareva E. V. *Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2019. 32 p. (In Russ.)
20. Vavilin E. V. Transformation of civil legal and procedural relations with the use of artificial intelligence: the formation of new legal regimes. *Herald of Civil Procedure*. 2021;(6):13-35. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-13-35.
21. Ryabtseva N. K. Natural language and artificial intelligence: the cognitive aspect. In: T. I. Davidyuk, et al., eds. *Language as it is*. Collection of articles for the 60th anniversary of Andrey Aleksandrovich Kibrik. Moscow: Buki Vedi; 2023. Pp. 283–287. (In Russ.) DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-42.
22. Kai-Fu Lee, Chen Qiufan. *AI-2041: ten visions of our future*. Transl. from Engl. by O. Medved, A. Lairova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2022. 430 p. (In Russ.)
23. Barakina E. Yu. On the issue of establishing an experimental legal regime in the field of application of artificial intelligence. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2021;(2):64-67. (In Russ.)
24. Madiega T., Van De Pol A. L. Artificial intelligence act and regulatory sandboxes. *European Parliamentary Research Service*. 2022. June. URL:

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733544/EPRS_BRI\(2022\)733544_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733544/EPRS_BRI(2022)733544_EN.pdf).

25. Christoph M. Criminal justice technology and the regulatory sandbox: toward balancing justice, accountability, and innovation. *University of Pittsburgh Law Review*. 2023;84(4):971-995. DOI: 10.5195/lawreview.2023.959.

Информация об авторе / Information about the author

Урчукова Елизавета Хамидовна, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elizaveta K. Urchukova, Senior Lecturer, Deputy Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 13.04.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 347.63

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.125-143



Правовой статус постмортальных детей: в поисках концепции

Ульяна Борисовна Филатова¹, Елена Александровна Усачева²

¹ Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

² Центральный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Воронеж, Российская Федерация

¹ u.filatova@rsuj.ru, ² usacheva_e@inbox.ru

Аннотация

Введение. Развитие медицинских технологий постоянно повышает степень контролируемости репродуктивного процесса, создавая условия для возникновения новых фактических отношений и формируя запрос на их упорядочивание. К числу сложных социально-правовых проблем относится организация посмертной реализации репродуктивных прав.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую базу исследования составили разработки отечественных ученых в сфере конституционного, гражданского, семейного и медицинского права. Использованы как общенаучные (обобщение, анализ, синтез), так и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования права).

Результаты исследования. Сформулировано авторское определение постмортальной репродукции, описаны сложившиеся в зарубежном законодательстве подходы к регулированию возникающих в связи с ее осуществлением правоотношений (запрет; разрешение с установлением правового регулирования в отношении порядка, пределов и последствий использования; отсутствие запрета, не обеспеченное правовым регулированием потенциально возникающих отношений), сформировавшиеся концепции правового статуса постмортальных детей (неперсонализированная и персонализированная посмертная репродукция). Выделены и проанализированы отдельные разновидности концепции персонализированной постмортальной репродукции в зависимости от правового статуса рожденных детей (с универсальным статусом; со специальным статусом; с ограниченным статусом). Описаны потенциальные концептуальные подходы к определению правового статуса постмортальных детей в российском законодательстве.

Обсуждение и заключение. По мнению авторов, наиболее оптимальна концепция персонифицированной постмортальной репродукции со специальным статусом без права наследования, но с организацией содержания ребенка за счет системы социального обеспечения. Для защиты публичных интересов целесообразно установить ограничительные условия постмортального использования вспомогательных репродуктивных технологий в части требований к прижизненному выражению согласия оригинатором гамет, ограничению сроков заявления о намерении использования генетического материала и собственно срока

рождения, формирования закрытого перечня субъектов, обладающих правом на использование генетического материала умершего.

Ключевые слова: посмертная репродукция, постмортальная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, правовой статус ребенка, ребенок, правоотношения родителей и детей

Для цитирования: Филатова У. Б., Усачева Е. А. Правовой статус постмортальных детей: в поисках концепции // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 125–143. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.125-143.

Original article

Legal Status of Post-Mortal Children: in Search of a Concept

Ulyana B. Filatova¹, Elena A. Usacheva²

¹ *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

² *Central Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Voronezh, Russian Federation*

¹ *u.filatova@rsuj.ru*, ² *usacheva_e@inbox.ru*

Abstract

Introduction. Advances in medical technology are continuously enhancing control over the reproductive process, giving rise to novel factual relationships and necessitating their legal regulation. Among these challenges, one particularly intricate issue concerns the posthumous exercise of reproductive rights.

Theoretical Basis. Methods. The research draws upon the work of Russian scholars specializing in constitutional, civil, family, and medical law as its theoretical foundation. We employed both universal scientific methodologies – such as generalization, analysis, and synthesis – and discipline-specific techniques, including formal-legal approaches, comparative-law studies, and textual interpretation methods.

Results. A definition of postmortem reproduction has been developed within this study. Furthermore, various approaches towards regulating the ensuing legal relationships associated with its implementation have been outlined based on existing foreign legislations. These include three distinct paradigms: prohibition, permission under regulation, non-prohibition non-regulation. Two key conceptual categories concerning the legal status of postmortem offspring have been elucidated: non-personalized postmortem reproduction, personalized postmortem reproduction. This paper identifies and critically examines individual nuanced interpretations of personalized postmortem reproduction, specifically focusing on how the legal standing of children conceived after death varies across jurisdictions. Three distinct models emerge from this analysis: universal status, special status, limited status.

Discussion and Conclusion. The most suitable model would be the concept of personalized postmortem reproduction with special legal status, which grants access to essential societal benefits but excludes inheritance rights. To safeguard broader public interests, the author advocates implementing restrictive measures.

Keywords: posthumous reproduction, postmortem reproduction, assisted reproductive technologies, legal status of a child, minor, parent-child legal relationship

For citation: Filatova U. B., Usacheva E. A. Legal status of post-mortal children: in search of a concept. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):125-143. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.125-143.

Введение

Отношения, связанные с воспроизводством человека, представляют собой уникальный предмет правового регулирования.

Во-первых, специфично само содержание репродуктивных отношений – их естественная физиологическая природа, интимный характер, направленность на реализацию фундаментальных естественных потребностей, внутреннее взаимодействие большого количества разнонаправленных интересов. Соответственно, регулирование естественной репродукции осуществлялось различными социальными нормами (традиции, религия, мораль). Закономерно, что формируемое законодательство сохраняет с ними тесную связь. При этом правовое регулирование репродуктивных отношений характеризуется высокой степенью государственного усмотрения.

Во-вторых, безостановочное развитие медицинских технологий повышает степень контролируемости репродуктивного процесса, тем самым создавая условия для возникновения новых фактических отношений и формируя запрос на их упорядочивание¹. Экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация, а также отделение, объединение и хранение гамет и полученных эмбрионов (как самостоятельный акт или этап ЭКО) связаны с поступательной реализацией репродуктивных прав. К числу сложных социально-правовых проблем относится, в частности, организация посмертной реализации репродуктивных прав.

Теоретические основы. Методы

Теоретическая база исследования представлена разработками российской юридической доктрины в сфере конституционного, гражданского, семейного и медицинского права, при этом фундаментальные монографические исследования непосредственно по искомой тематике отсутствуют. Отдельные вопросы правового статуса детей затрагиваются в работах В. В. Алейниковой, Е. В. Бурмистровой, Е. М. Журавлевой, К. Н. Свитнева, М. А. Шелютто и других ученых.

Результаты исследования

В настоящий момент не существует однозначной доктринальной позиции в отношении определения понятия и содержания посмертной (постмортальной) репродукции. Так, А. М. Молодяков отмечает, что понятия «посмерт-

¹ Как отмечает глава Минздрава России, сегодня в Российской Федерации ежегодно проводят более 100 тыс. процедур ЭКО, примерно 30% из них заканчивается успешно. Доступность экстракорпоральных методов оплодотворения для россиян за последние пять лет повысилась на 46%. См.: Костарнова Н. ЭКО рутина. В РФ растет доступность и популярность экстракорпоральных методов оплодотворения // Коммерсантъ : сетевое изд. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7775708?ysclid=md4crprokv214444227> (дата обращения: 27.07.2025).

ное рождение» и «постмортальная репродукция» не совпадают. В первом случае зачатие и оплодотворение происходит при жизни обоих родителей, а рождение – после смерти одного/обоих, во втором – создание и криоконсервация эмбрионов (т. е. оплодотворение) происходят при жизни либо после смерти одного из родителей, а имплантация (оплодотворение) – после смерти хотя бы одного из родителей [1, с. 371]. Аналогичную точку зрения излагает И. А. Третьяк, отмечая, что посмертной является репродукция, при которой момент зачатия и момент рождения наступают после смерти лица, генетический материал которого был использован для зачатия [2, с. 45].

Е. В. Бурмистрова связывает понятие «постмортальная репродукция» не только со временем оплодотворения и зачатия, но и с правовыми последствиями рождения ребенка и предлагает понимать под такой репродукцией ряд действий, направленных на использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни) в целях зачатия и рождения детей, которые впоследствии признаются детьми такого умершего потенциального родителя (родителей) при условии его (их) прижизненного письменного информированного согласия [3, с. 16].

Напротив, Г. В. Аникина расширяет границы исследуемого понятия и включает в него все случаи рождения ребенка после смерти кого-либо из родителей независимо от момента зачатия и оплодотворения [4, с. 37].

Ключевым вопросом, связанным с терминологической конкретизацией понятия «постмортальная репродукция», является определение момента зачатия ребенка (в медицинском и юридическом контексте).

С медицинской точки зрения процесс образования зародыша обладает определенной стадийностью и включает в себя:

- гаметогенез (формирование гамет);
- фертилизацию (оплодотворение) – слияние ядерного материала и образование зиготы;
- преимплантационный период – бластогенез – дробление оплодотворенной яйцеклетки и ее транспортировку в матку;
- имплантацию плодного яйца;
- эмбриогенез;
- фетогенез (развитие плода)².

При этом в классической медицинской литературе зачатие связывается с наступлением беременности (имплантацией эмбриона в полость матки)³.

Однако следует учитывать тот факт, что при естественной репродукции под контролем партнеров находится лишь процесс обмена гаметами, а процессы оплодотворения и имплантации развиваются без их участия. При использовании вспомогательных репродуктивных технологий создание гамет, фертилизация, преимплантационный период и имплантация представляют собой действия, отделенные друг от друга во времени (по сравнению с есте-

² Руководство к практическим занятиям по акушерству : учеб. пособие / под ред. В. Е. Радзинского. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. С. 60.

³ Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б. В. Петровского. М. : Сов. энцикл. URL: <https://web.archive.org/web/20220207094940/> (дата обращения: 28.07.2025).

ственными сроками) и пространстве⁴, что открывает возможности для поступательной реализации репродуктивного выбора [6, с. 141].

В юридической литературе вопрос об определении момента зачатия дискутируется в контексте оценки применимости к детям, рожденным после смерти биологического отца с посмертным применением вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) (ст. 1116 ГК РФ).

В. В. Алейникова утверждает, что буквальное значение слова «зачатие» ограничивается моментом фертилизации, а потому нуждается в конкретизации позиция законодателя в части толкования ст. 1116 ГК РФ, утратившая однозначность в связи с появлением ВРТ [7, с. 142].

Напротив, С. П. Журавлева полагает, что понятие «лицо, зачатое при жизни наследодателя» применимо к рожденному после смерти наследодателя ребенку только в случае прижизненной имплантации эмбриона в матку. Таким образом, названный автор включает в понятие «зачатие» также имплантацию [8, с. 39, 50]. Это мнение поддерживает М. А. Шелютто [9, с. 93], обосновывая его, в том числе, иностранным опытом правового регулирования, в частности отсылкой к содержанию Закона о семье канадской провинции Британская Колумбия⁵. В соответствии со ст. 20 указанного акта ребенок, родившийся в результате ВРТ, считается зачатым в день имплантации репродуктивного материала женщине, его родившей.

Поддерживая последнюю позицию, отметим, что при определении объема понятия следует исходить, прежде всего, из цели его использования, каковой является установление специального правового регулирования возникающих правоотношений. Исходя из этой позиции, под постмортальной репродукцией предлагаем понимать реализацию репродуктивных прав посредством использования вспомогательных репродуктивных технологий, при которой создание и (или) имплантация эмбриона происходят после смерти одного из originаторов гамет (потенциальных родителей) с сохранением идентификации. При этом правовые последствия указанных действий в силу их временно-территориальной вариативности целесообразно, по нашему мнению, вынести за рамки содержания понятия.

При таком подходе с учетом уровня развития медицинских технологий можно выделить следующие виды программ постмортальной репродукции:

- 1) использование изъятых при жизни криоконсервированных гамет originатора для создания эмбриона и его последующей имплантации;
- 2) имплантация эмбрионов, созданных при жизни originатора в результате объединения его гамет с гаметами другого лица;
- 3) изъятие и последующее использование гамет после смерти originатора⁶.

⁴ О. Ю. Рыбаков и С. В. Тихонова для обозначения возникшей в связи с изобретением ВРТ коллизии употребляют термин «разобшение зачатия» [5].

⁵ Family Law Act (SBC 2011). URL: https://www.bclaws.gov.bc.ca/civix/document/id/complete/statreg/11025_00 (дата обращения: 27.07.2025).

⁶ Отдельным осложнением репродуктивного процесса является смерть мозга матери при сохранении возможности пролонгации беременности. Указанный случай, по нашему мнению, не охватывается понятием постмортальной

В мировом сообществе отсутствует консенсус как в части установления пределов применения постмортальной репродукции и определения принципов регулирования возникающих правоотношений, так и относительно этичности указанного способа реализации репродуктивных прав в целом. Системный подход к регулированию посмертного использования вспомогательной репродукции не выработан даже среди относительно однородных с точки зрения морально-этической основы правопорядков. Пределы усмотрения государств в данной сфере, таким образом, являются широкими, а вариативность используемых регулятивных конструкций с трудом поддается классификации.

Диверсификация затрагивает все ключевые аспекты постмортальной репродукции:

- допустимость или запрет использования постмортальной репродукции;
- пределы использования постмортальной репродукции (приемлемые виды ВРТ и сроки);
- потенциальный субъектный состав возникающих отношений;
- порядок реализации и изменения постмортального репродуктивного выбора, содержание репродуктивных презумпций и их опровержение;
- порядок установления происхождения детей, рожденных с использованием постмортальных ВРТ;
- правовые последствия использования постмортальной репродукции, правовой статус рожденных детей.

В целом сложившиеся к настоящему времени в романо-германской и англосаксонской правовых семьях подходы к регулированию постмортальной репродукции можно разделить на три группы:

1) запрет постмортальной репродукции (Италия⁷, Беларусь⁸, Франция⁹, допускающая лишь неперсонализированное постмортальное использование гамет, Швейцария¹⁰);

2) разрешение постмортальной репродукции с установлением правового регулирования порядка, пределов и последствий ее использования (отдель-

репродукции, поскольку оплодотворение и зачатие произошли до смерти матери.

⁷ Закон Итальянской Республики «О правилах деторождения с медицинской помощью». *Norme in materia di procreazione medicalmente assistita* (19 febbraio 2004, № 40). URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-02-19;40!vig=> (дата обращения: 27.07.2025).

⁸ Закон Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях от 7 января 2012 г. № 341-З. URL: <https://clck.ru/3NKHPJ> (дата обращения: 27.07.2025).

⁹ Кодекс общественного здравоохранения Французской Республики. *Code de la santé publique*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072665/2025-07-23 (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁰ Федеральный закон Швейцарской Конфедерации «О репродуктивной медицине». *Legge sulla medicina della procreazione, LPAM* (18 dicembre 1998). URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2000/554/it> (дата обращения: 27.07.2025).

ные штаты США¹¹, Великобритания¹², Канада (включая посмертное изъятие гамет)¹³;

3) отсутствие запрета на использование постмортальной репродукции, не обеспеченное правовым регулированием потенциально возникающих отношений (Россия¹⁴).

Как показывает анализ зарубежного опыта, определение правового статуса детей, родившихся в результате постмортального использования ВРТ, взаимосвязано с установленными искомым правовым порядком границами использования посмертной репродукции (в части допустимых к реализации программ) и пределами репродуктивного выбора (в части способа его выражения, возможности отзыва, ограничения круга потенциальных исполнителей, сроков реализации и т. д.).

В целом, если правовой порядок допускает те или иные способы посмертного использования гамет и эмбрионов, в нем реализуется одна из двух базовых концепций правового статуса постмортальных детей:

1) правовая связь между ребенком и умершим оригинатором гамет не возникает (деперсонализированная постмортальная репродукция – применяются правила о донорстве);

2) между ребенком и умершим оригинатором гамет возникает правовая связь, основанная на признании и фиксации происхождения (персонализированная постмортальная репродукция).

Российское законодательство не содержит ни прямого запрета, ни однозначного дозволения на использование каких-либо программ посмертной репродукции. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁵, а также Порядок использования вспомогательных

¹¹ Калифорнийский кодекс о завещании. California Probate Code. URL: https://california.public.law/codes/probate_code_section_249.5 (дата обращения: 27.07.2025); Единый закон США о происхождении. Uniform Parentage Act. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=c4f37d2d-4d20-4be0-8256-22dd73af068f> (дата обращения: 27.07.2025).

¹² Закон Великобритании об оплодотворении человека и эмбриологии. Human Fertilisation and Embryology Act. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/22/part/2/crossheading/meaning-of-father> (дата обращения: 27.07.2025).

¹³ Правила Канады о вспомогательной репродукции человека. Assisted Human Reproduction (Section 8 Consent) Regulations (SOR/2007-137). URL: <https://www.canlii.org/en/ca/laws/regu/sor-2007-137/latest/sor-2007-137.html> (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁴ Этот вывод также не является бесспорным. Так, Д. Г. Бартенев считает, что запрет на использование постмортальной репродукции в целом проистекает из отечественных основ правового регулирования гражданских и семейных отношений, а также регулирования медицинской практики [10, с. 132]. Е. С. Егорова отмечает, что сложившаяся практика легализации происхождения посмертных детей есть результат обхода закона и «судебного сочувствия» [11, с. 170].

¹⁵ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

репродуктивных технологий, утвержденный приказом Министерства здравоохранения России от 31 июля 2020 г. № 803н¹⁶, предусматривают порядок реализации права на оказание медицинской помощи с использованием ВРТ, сопровождаемых изъятием и криоконсервацией генетического материала, на основании информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя. При этом ни репродуктивное, ни гражданское или семейное законодательство не устанавливают временных ограничений использования генетического материала, не определяют его юридическую судьбу и последствия использования после смерти оригинатора/оригинаторов.

Не вдаваясь в детали вопроса о порядке выражения постмортального репродуктивного выбора и оптимальной презумпции, применяемой при отсутствии его однозначного выражения (например, в случае внезапной смерти оригинатора), ограничимся указанием на то, что действующее отечественное правовое регулирование не исключает возможность постмортальной репродукции. При этом в странах континентальной системы права нормативный запрет на посмертное использование эмбрионов и гамет выражается, как правило, однозначно¹⁷.

В ситуации молчаливой легализации постмортальной репродукции установление правовых последствий ее использования является насущной необходимостью. Если возможность установления происхождения ребенка, рожденного в результате посмертного персонифицированного использования мужских гамет, в юридической доктрине в целом не оспаривается (дискутируется лишь порядок ее реализации в зависимости от матримониального статуса предполагаемых родителей [12, с. 15; 3, с. 110; 13, с. 35; 9, с. 94]), то правовой статус «постумов» лишь начинает свое формирование.

В 2023–2025 годах указанный вопрос впервые стал предметом рассмотрения высших судов Российской Федерации. Изложенные ими правовые позиции, очевидно, сформируют базу не только для доктринальных исследований, но и для последующего законодательства. Тем интереснее тот факт, что подходы судов к регулированию искомых отношений вошли в конфликт.

М. Ю. Щаникова в 2013 г. вступила в брак, вместе с супругом они приняли решение об использовании ВРТ, для чего заключили договор с медицинской организацией на криоконсервацию и хранение половых клеток с предоставлением права распоряжения криоконсервированным биоматериалом пережившему супругу. После смерти супруга заявительница прошла процедуру ЭКО и родила двоих детей. Установив отцовство в судебном порядке, заявительница обратилась в пенсионные органы за назначением детям страховой пенсии по случаю потери кормильца. Полученный отказ М. Ю. Щаникова безуспешно пыталась обжаловать в трех инстанциях судов общей юрисдикции.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2023 г. заявительнице было отказано в передаче кассационной жалобы на су-

¹⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например, Федеральный закон Швейцарской Конфедерации «О репродуктивной медицине» (art. 3 sezione 1 capitolo 2 LPAM). URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2000/554/it> (дата обращения: 27.07.2025).

дебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. При этом мотивировочная часть принятых актов включала следующие позиции и выводы:

- возникновение правоотношений по иждивению между детьми и их биологическим отцом, умершим до оплодотворения, не могло быть возможно и не предполагалось; правоспособность умершего прекратилась с его смертью, а следовательно, у него не возникла и не могла возникнуть обязанность по содержанию зачатых позднее детей;
- принимая решение о рождении детей, заявительница осознавала указанные обстоятельства и была обязана их учитывать; доходы умершего не могли приниматься во внимание истцом при решении вопроса о зачатии детей и определении возможности их содержания после рождения;
- смерть супруга, произошедшая до рождения детей, не стала фактом, изменяющим имущественное положение семьи¹⁸.

Не соглашаясь с изложенными позициями и вынесенными по делу решениями, М. Ю. Щаникова обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу М. Ю. Щаниковой на несоответствие Конституции России ч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» как дискриминирующих детей по признаку момента рождения, сделал несколько важных замечаний:

- российское законодательство обеспечивает имущественными и социальными гарантиями детей, зачатых при жизни отца и родившихся после его смерти, так же, как и детей, рожденных при жизни отца;
- в сфере вспомогательных репродуктивных технологий отмечается определенное отставание нормативной регламентации от развития соответствующих технологий и складывающихся общественных отношений;
- ввиду отсутствия прямого запрета в российском законодательстве граждане не лишены права воспользоваться технологиями ВРТ после смерти отца;
- ограничение права постмортальных детей на социальное обеспечение в отсутствие явно выраженной воли законодателя на запрет постмортальной репродукции не имеет конституционных оснований и не соответствует принципам социального государства.

Жалоба была удовлетворена, положения ч. 1 и 3 ст. 10 Закона «О страховых пенсиях» признаны неконституционными в той мере, в какой они не предусматривают назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью ВРТ после смерти застрахованного супруга его матери, выразившего при жизни намерение иметь детей с помощью ВРТ, при отсутствии в системе социального обеспечения иных сопоставимых регулярных вы-

¹⁸ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25 августа 2022 г. по делу № 33-16982/2022. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=79793191&case_uid=712d97a1-8525-455b-9c28-3d56be8638df&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 27.07.2025).

*плат такому ребенку. Федеральный законодатель вправе предусмотреть специальные меры социальной поддержки таких детей, а до внесения соответствующих изменений постмортальные дети пользуются равным с иными детьми правом на страховую пенсию по случаю потери кормильца*¹⁹.

Соответствующий законопроект²⁰ был незамедлительно разработан и внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Оставляя за рамками настоящего исследования оценку содержания предлагаемых изменений, остановимся на их заведомой недостаточности. Социальное обеспечение постмортальных детей – лишь один из элементов их правового статуса. Значение представленных выше судебных актов состоит, очевидно, не столько в защите пенсионных прав детей, рожденных в результате применения ВРТ после смерти отца, сколько в самом факте признания возможности и легальности постмортальной репродукции и наличия у родившихся детей права на установление происхождения от биологического отца²¹. Соответственно, необходима системная конкретизация правового статуса постмортальных детей, в том числе в части наследственных правоотношений, реализации права на льготы, компенсации и пособия (например, в отношении детей военнослужащих) и т. д.

Решение этого вопроса предполагает существенную переработку законодательства, до настоящего времени ориентированного исключительно на прижизненную репродукцию. Поставленную задачу усложняет не только морально-этическая специфика рассматриваемых отношений, но и неизбежная при вмешательстве в них конкуренция внутренне неоднородных частных и публичных интересов.

Гетерогенный частный интерес при постмортальном использовании ВРТ включает потенциально конфликтующие интересы самого умершего, будущего ребенка, супруга/партнера и (или) иных лиц, имеющих право на использование биоматериала, наследников.

Говоря о публичном интересе в рассматриваемых отношениях, И. А. Третьяк отмечает, что извлечение генетического материала создает риск конституционного конфликта между оригинаторами, пользователями и государством в контексте установления правовой связи с последующим признанием наследником и получателем мер социальной поддержки [2, с. 46]. Соглашаясь

¹⁹ Постановление Конституционно Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Законопроект № 925853-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” (о предоставлении права на социальную пенсию детям, рожденным по истечении трехсот дней со дня смерти лица, отцовство которого установлено в судебном порядке)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/925853-8> (дата обращения: 27.07.2025).

²¹ Стоит отметить, что зарубежные правовые порядки, допускающие постмортальную репродукцию, первоначально формировали позицию относительно правового статуса рожденных в результате ее использования детей также в контексте реализации права на содержание и социальное обеспечение [9, с. 95–96].

с основным посылом высказывания, отметим, что публичный интерес в регулировании постмортальной репродукции также имеет сложную структуру и включает соперничающие интересы: с одной стороны, сбережение населения за счет повышения уровня рождаемости, охрану, защиту и поддержку семьи за счет поддержания ее благосостояния и качества жизни, повышение благополучия людей, с другой – экономическую и бюджетную стабильность, упорядоченность гражданского оборота, сохранение и продвижение традиционных семейных ценностей (к числу которых, вероятно, можно отнести и приоритетность традиционных способов репродукции)²².

Именно запутанный клубок конфликтов частных и публичных интересов и соответственно принципов правового регулирования стал главной причиной позиционного диссонанса высших судов в деле М. Ю. Щаниковой²³.

Законодательство каждого государства, по-разному распределяя приоритеты между конкурирующими интересами и правовыми принципами, формирует уникальную систему регулирования постмортальной репродукции, собственный подход к определению последствий установления происхождения постмортального ребенка от биологического родителя. Анализ и систематизация зарубежного опыта позволяют выделить три разновидности концепции персонализированной постмортальной репродукции (далее – ППР) в зависимости от правового статуса рожденных детей:

- ППР с универсальным статусом – рожденный приобретает все права, основанные на факте происхождения, и правовой статус, соответствующий статусу ребенка, рожденного без применения постмортальной репродукции;
- ППР со специальным статусом – рожденный приобретает некоторые права и специальный правовой статус ребенка, рожденного в результате применения постмортальной репродукции;

²² См., например: Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р). URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNs2m7pmN4.pdf> (дата обращения: 27.07.2025); Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Советник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации С. Макаров в комментарии изданию «Коммерсантъ» отметил, что в позициях высших судов выражены два равновеликих противоположных взгляда на закон – формальный (превенция нарушения стабильности в правовом регулировании общественных отношений) и неформальный (отдающий приоритет защите прав и интересов граждан, особенно детей) (Габдуллина Э. Закон не заменит потери отца // Коммерсантъ : сетевое изд. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7248968> (дата обращения: 27.07.2025). Этот вывод видится чрезмерно упрощенным, поскольку стабильность правового регулирования также представляет собой публичный интерес, а значит, и интерес граждан. Речь, как представляется, должна идти скорее о различном распределении судами приоритетов при конфликте интересов, чем о степени формальности правоприменения.

- ППР с ограниченным статусом – правовая связь ограничивается лишь установлением происхождения без наделения ребенка правами, основанными на факте родства²⁴.

При выборе концепции правового регулирования рассматриваемых отношений следует исходить в первую очередь из целеполагания и ранжирования конкурирующих интересов, которые, соответственно, должны осуществляться с учетом социального контекста, достигнутого общественного консенсуса в оценке этичности использования постмортальной репродукции, уровня развития правоприменительной практики, степени распространенности искомого способа ВРТ.

Рассмотрим отдельные концепции более подробно, используя сравнительно-правовой метод исследования. Для оптимизации аналитического процесса исследуем правовые порядки по возрастанию степени либерализации правового статуса постмортальных детей.

Ограниченный статус предполагает исчерпание правовых последствий постмортальной репродукции установлением происхождения без наделения ребенка правами, основанными на факте родства. Так, Закон Великобритании об оплодотворении человека и эмбриологии (Human Fertilisation and Embryology Act 2008) предусматривает условия установления отцовства при постмортальной репродукции: наличие письменного согласия мужчины на посмертное использование спермы или прижизненно созданного с использованием его спермы эмбриона и на признание его отцом любого родившегося в результате такого использования ребенка; заявительное выражение воли на признание отцовства умершего со стороны матери (в течение 42 дней с момента рождения ребенка); отсутствие у иных лиц оснований для установления отцовства (sec. 39). Одновременно закреплено, что цель установления отцовства при постмортальной репродукции – исключительно внесение данных о мужчине в качестве сведений об отце ребенка в соответствующий реестр рождений. Иных правовых последствий, свойственных детско-родительским отношениям, не возникает (sec. 48 (3)).

Концепция ППР со *специальным статусом* предполагает установление происхождения постмортального ребенка в семейно-правовом смысле прежде всего в целях защиты его имущественного права на социальное обеспечение и получение содержания (за счет наследственной массы). Определение наследственно-правовых последствий при этом, как правило, отнесено к дискреционным полномочиям правоприменителя с последующим постепенным обобщением судебной практики и переходом к унификации правового статуса детей.

Так, В. В. Алейникова отмечает, что в правовой доктрине США наследственно-правовой статус постмортальных детей менялся постепенно – от полного от-

²⁴ В качестве субсидиарного подхода можно указать ППР с диспозитивным статусом – определяемым оригинатором гамет при жизни посредством волевых распоряжений в рамках имеющегося правового статуса. Например, А. Ю. Касаткина предлагает передать решение вопроса о допуске рожденных в результате посмертной репродукции детей к наследованию потенциальному наследодателю, предоставив ему право включать в завещание распоряжения на имя эмбриона [14, с. 42]. Данный подход, однако, может применяться лишь в качестве составного элемента специального статуса, поскольку не обладает достаточной степенью системности.

каза в признании наследниками через допуск к наследованию по завещанию к включению в число наследников по закону. При этом стабилизация возникающих правоотношений обеспечивается за счет введения условий признания наследственных последствий постмортальной репродукции, среди которых: соблюдение требований к волеизъявлению генетического родителя, ограничение срока имплантации или рождения ребенка, контроль добросовестности в использовании генетического материала (обеспечивается уведомлением о его наличии и намерении использования), определение субъектного состава репродуктивных отношений. Непосредственное содержание ограничений (порядок выражения воли, длительность сроков, перечень лиц, имеющих право на использование генетического материала, и т. д.) варьируется от штата к штату. Более того, состав условий, необходимых для призвания постмортальных детей к наследованию, и условий, достаточных для установления их происхождения, не совпадает, что предполагает существование постмортальных детей, правовой статус которых не включает наследственные права [7, с. 146–151].

Судебная практика Израиля склоняется к признанию за детьми, созданными после смерти одного из родителей, права на социальное обеспечение, однако израильский Закон о наследовании 1965 г. по-прежнему включает в состав наследников только лиц, зачатых до смерти наследодателя²⁵.

Таким образом, концепция ППР со специальным статусом представляет собой переходный этап развития репродуктивного законодательства и предполагает наделение рожденного ребенка семейно-правовым статусом, предоставление связанных с ним прав на получение содержания (реализуемого как посредством системы социального обеспечения, так и за счет наследственной массы), при отсутствии однозначного наследственного статуса (либо его ограничении дополнительными условиями).

Концепция ППР с *универсальным статусом* предполагает унификацию статусов постмортальных детей и детей, рожденных с применением прижизненной репродукции (естественной или вспомогательной). Испанский Закон о вспомогательных репродуктивных технологиях человека (*Ley sobre técnicas de reproducción humana asistida*, 14/2006²⁶) ограничивает посмертную репродукцию по кругу участников, сроку (12 месяцев), требуя прямого прижизненного выражения воли оригинатора гамет (art. 9). При этом последствия рождения соответствуют последствиям прижизненной репродукции.

Гражданский кодекс Аргентины²⁷ также наделяет посмертных детей ключевым для статуса правом – правом наследования (art. 2279), если на посмертное зачатие было дано согласие в надлежащей форме (art. 561).

²⁵ Закон о наследовании 1965. URL: https://he.wikisource.org/wiki/%D7%97%D7%95%D7%A7_%D7%94%D7%99%D7%A8%D7%95%D7%A9%D7%94 (дата обращения: 27.07.2025).

²⁶ Закон Королевства Испания «О вспомогательных репродуктивных технологиях человека». *Ley sobre técnicas de reproducción humana asistida* (14/2006, de 26 de mayo). URL: <https://www.iberley.es/legislacion/articulo-9-tecnicas-reproduccion-humana-asistida> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁷ Гражданский кодекс Аргентины. *Código Civil y Comercial de la Nación* (2014). URL: <https://www.notarfor.com.ar/codigo-civil-comercial-unificado/articulo-561.php> (дата обращения: 27.07.2025).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие особенности реализации концепции ППР со специальным статусом в законодательстве зарубежных стран:

1) легализация постмортальной репродукции сопровождается ее персонификацией и установлением правовых последствий (в соответствии с избранной правопорядком разновидностью концепций);

2) межгосударственная диверсификация пределов, условий и последствий посмертной репродукции осуществляется на основе актуальной приоритизации конкурирующих частных и публичных интересов;

3) стабилизация правоотношений, связанных с реализацией ППР со специальным статусом, обеспечивается за счет установления условий допуска к посмертной репродукции и (или) условий ее персонализации и (или) наступления отдельных правовых последствий (например, приобретения отдельных элементов правового статуса) – ограничительные условия;

4) правопорядки различно определяют количество и содержание ограничительных условий, учитывая социальный, экономический, политический контекст; в качестве наиболее распространенных ограничений применяются такие, как установление предельного срока изъятия и использования репродуктивного материала, оглашения заявления о намерении его использования, установление требований к способу выражения посмертного репродуктивного выбора и др.; количество и содержание ограничительных условий находятся в прямой зависимости от предоставляемого постмортальному ребенку объема прав (универсальный статус таких детей предполагает самые строгие ограничения в части условий).

Российская юридическая доктрина к настоящему времени не сформировала ни единой концепции правового регулирования постмортальной репродукции, ни относительно однородных подходов к ее формированию. В литературе высказываются лишь отдельные мнения о пределах, условиях и последствиях посмертного использования ВРТ. Соответствующие дискуссии не потеряют актуальности и в связи с выходом в свет расширенного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П. Конституционный Суд в конечном итоге лишь подтвердил возможность персонифицированной постмортальной репродукции и недопустимость умаления права рожденных в результате ее применения детей на социальное обеспечение, оставив выбор оптимальной концепции правового статуса постмортальных на усмотрение законодателя. Стоит отметить также, что ключевой вопрос – допустимость призвания постмортальных детей к наследованию – до настоящего времени высшими судами не рассматривался²⁸.

²⁸ Соответствующие требования уже были предметом рассмотрения нижестоящих судов. Отказывая в их удовлетворении, правоприменители отмечали, что эмбрион не может приобрести статус наследника в смысле ст. 1116 ГК РФ, если его имплантация (наступление зачатия и развитие беременности) не была произведена до открытия наследства (смерти наследодателя) (см., например: Апелляционное определение Московского областного суда от 2 февраля 2022 г. по делу № 33-4577/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение Долгопрудненского городского суда Московской области от 6 октября 2021 г. по делу № 2-1464/2021. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»).

Унификацию статуса постмортальных детей с общим правовым статусом ребенка поддерживает М. Г. Громова [15, с. 82]. При этом в качестве единственного ограничения репродукции после смерти оригинатора гамет автор предлагает прямое выражение волеизъявления в нотариальной форме.

По мнению В. В. Алейниковой, признание постмортальных детей наследниками при условии социального консенсуса относительно допустимости постмортальной репродукции не противоречит идеологии наследственного права [7, с. 156].

Тем не менее, как показал анализ релевантного зарубежного законодательства, на этапе формирования концепции правового регулирования посмертной репродукции и правового статуса постмортальных детей первоочередной задачей является определение соответствующих ограничительных условий. Рассуждая в этом направлении, большинство российских ученых поддерживают успешно реализованные в зарубежном законодательстве идеи ограничения сроков постмортальной репродукции [16, с. 19; 17, с. 137; 18, с. 11], установления требований к порядку выражения согласия генетического родителя, назначения «контролера» за использованием генетического материала, обязательного уведомления о наличии генетического материала и зачатии в пределах разумных сроков [9, с. 98], ограничения субъектного состава лиц, уполномоченных на использование репродуктивного материала умершего [3, с. 122].

Действительно, неограниченная реализация программ постмортальной репродукции создает неконтролируемые риски для стабильности как гражданского оборота (лежачее наследство, нестабильность вещных титулов, уязвимость кредиторов, злоупотребление правом), так и общественной морали (сокращение естественной репродукции, нравственно-этические проблемы, уязвимость традиционных ценностей, снижение здоровья населения и др.). С учетом подтверждения Конституционным Судом ранее сформировавшейся концепции персонифицированной посмертной репродукции научные поиски правореализационных границ следует вести прежде всего в направлении конкретизации данной концепции посредством определения правового статуса постмортальных детей. По результатам анализа состояния и тенденций развития отечественного и иностранного законодательства и правоприменительной практики можно выделить три потенциально реализуемых подхода.

1. Реализация концепции ППР с универсальным статусом, включая право наследования, с одновременным введением ограничений на постмортальное использование ВРТ: короткий срок использования материала (не более 12 месяцев со дня смерти оригинатора – для предотвращения проблемы лежачего наследства) и заявления о наличии репродуктивных материалов и намерении их использования (в пределах 3 месяцев), однозначное выраженное прижизненное согласие оригинатора (презумпция несогласия), ограничение круга распорядителей генетическим материалом (с учетом морально-нравственных начал и наличия законодательной возможности дальнейшего установления происхождения)²⁹.

2. Реализация концепции ППР со специальным статусом с организацией содержания ребенка за счет системы социального обеспечения без предо-

²⁹ Характер и пределы ограничений права на посмертную репродукцию нуждаются в дальнейшем научном обсуждении с учетом избранной концепции.

ставления наследственных прав. В этом случае для защиты публичного порядка также целесообразно введение ограничений постмортального использования ВРТ, однако их содержание может быть смягчено (в частности, за счет удлинения сроков, введения презумпции согласия на посмертную репродукцию и т. д.).

3. Реализация любой из указанных концепций с субсидиарным допуском неперсонифицированного (без установления происхождения с применением правил об анонимном доноре) постмортального использования гамет и эмбрионов при минимальных условиях (наличие прижизненно изъятого генетического материала и отсутствие ясно выраженного запрета на его использование).

Обсуждение и заключение

Полагаем, что на этапе формирования правового регулирования постмортальной репродукции с учетом высказанной позиции Конституционного Суда Российской Федерации рациональной видится реализация концепции ППР со специальным статусом без права наследования, но с организацией содержания ребенка за счет системы социального обеспечения. Для защиты публичных интересов целесообразно установить ограничительные условия постмортального использования ВРТ в части требований к прижизненному выражению согласия оригинатором гамет, ограничению сроков заявления о намерении использования генетического материала и собственно срока рождения, формирования закрытого перечня субъектов, обладающих правом на использование генетического материала умершего³⁰. В дальнейшем в случае достижения общественного консенсуса развитие законодательства может осуществляться в направлении универсализации статуса постмортальных детей с одновременным ужесточением ограничительных условий.

Список источников

1. Молодяков А. М. Правовое регулирование постмортальной репродукции в России: аспекты наследственных прав // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 1. С. 370–376.
2. Третьяк И. А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 44–53. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53.
3. Бурмистрова Е. В. Гражданско-правовое регулирование установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 168 с.
4. Аникина Г. В. К вопросу о правовом регулировании постмортальной репродукции // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2 (2). С. 36–46.

³⁰ Необходимо оценить состояние общественного мнения на предмет этической оценки возможности предоставления тем же субъектам права использования гамет и эмбрионов умершего для неперсонифицированной посмертной репродукции при невозможности соблюдения ограничительных условий.

5. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // *Lex russica*. 2014. № 2. С. 143–152. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=63837.
6. Усачева Е. А. Репродуктивный выбор при естественной и вспомогательной репродукции // *Российский юридический журнал*. 2021. № 3 (138). С. 139–149. DOI: 10.34076/20713797_2021_139.
7. Алейникова В. В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «быть или не быть, вот в чем вопрос...» // *Закон*. 2023. № 4. С. 137–157. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-137-157.
8. Журавлева С. П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 175 с.
9. Шелютто М. А. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 4. С. 91–98. DOI: 10.12737/21253.
10. Бартенев Д. Г. Постмортальная репродукция: фундаментальные этико-правовые проблемы и практика клиник ВРТ // *Материалы XXXIII ежегодной Международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека*. Н. Новгород, 2023. С. 131–132.
11. Егорова Е. С. Посмертная репродукция в России: запрет и предпосылки для его обхода // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2025. № 1 (162). С. 168–171. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-1-167-171.
12. Алламьярова Н. В., Санакоева Э. Г., Гараева А. С. Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции // *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. 2018. № 11–12. С. 13–19. DOI: 10.26347/1607-2502201811-12013-019.
13. Свитнев К. Н. Правовые и этические аспекты посмертной репродукции // *Правовые вопросы в здравоохранении*. 2011. № 6. С. 30–43.
14. Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка, родившегося с применением вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации // *Наследственное право*. 2017. № 1. С. 41–44.
15. Громова М. Г. Постмортальное оплодотворение: правовые последствия и судебная практика // *Legal bulletin*. 2025. № 2. С. 75–94. DOI: 10.5281/zenodo.16202771.
16. Долинская В. В. Специфика правового статуса несовершеннолетних как наследников // *Цивилист*. 2024. № 4 (50). С. 14–23.
17. Михайлова И. А. Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий // *Lex russica*. 2025. Т. 78, № 3 (220). С. 131–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141.
18. Саркисян В. В. Постмортальные интересы: правовые основы и виды // *Наследственное право*. 2024. № 4. С. 9–12. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-4-9-12.

References

1. Molodyakov A. M. Legal regulation of postmortem reproduction in Russia: aspects of inheritance rights. *Science Bulletin*. 2025;3(1):370-376. (In Russ.).
2. Tretyak I. A. Constitutional-law aspects of posthumous reproduction in Russia and abroad. *Pravoprimerenie = Law Enforcement*. 2024;8(4):44-53. (In Russ.) DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53.
3. Burmistrova E. V. *Civil law regulation of establishing the origin of children using assisted reproductive technologies*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. (In Russ.) URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d60200101/burmistrova_e/dissertaciya_burmistrova_e.pdf (Accessed: 01.08.2025).
4. Anikina G. V. Legal regulation of postmortem reproduction. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2013;(2):36-46. (In Russ.).
5. Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V. Natural law doctrine and philosophy of transhumanism: possibility of communication. *Lex Russica*. 2014;(2):143-152. (In Russ.) URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=63837.
6. Usacheva E. A. Reproductive choice in natural and assisted reproduction. *Russian Juridical Journal*. 2021;(3):139-149. (In Russ.) DOI: 10.34076/20713797_2021_139.
7. Aleynikova V. V. Posthumously conceived children in family and inheritance law: "To be, or not to be, that is the question...". *Statute*. 2023;(4):137-157. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-137-157.
8. Zhuravleva S. P. *Legal regulation of surrogacy agreements in the Russian Federation*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 175 p. (In Russ.).
9. Shelyutto M. L. Posthumously conceived children: determination of parentage and inheritance rights. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2016;(4):91-98. (In Russ.) DOI: 10.12737/21253.
10. Bartenev D. G. *Postmortem reproduction: fundamental ethico-legal problems and clinical practice of ART clinics*. Proceedings of the XXXIII Annual International Conference of the Russian Association of Human Reproduction. Nizhny Novgorod; 2023. Pp. 131–132. (In Russ.).
11. Egorova E. S. Posthumous reproduction in Russia: the ban and prerequisites for circumventing it. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*. 2025;(1):168-171. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2025-1-167-171.
12. Allamyarova N. V., Sanakoeva E. G., Garayeva A. S. Ethical and legal aspects of postmortal reproduction. *Problemy standartizatsii v zdravookhranении = Health Care Standardization Issues*. 2018;(11-12):13-19. (In Russ.) DOI: 10.26347/1607-2502201811-12013-019.
13. Svitnev K. N. Legal and ethical aspects of postmortem reproduction. *Pravovye voprosy v zdravookhranении = Legal Issues in Health Care*. 2011;(6):30-43. (In Russ.).
14. Kasatkina A. Yu. Realization of the inheritance rights of a child born with the use of assisted reproductive technologies in the Russian Federation. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*. 2017;(1):41-44. (In Russ.).

15. Gromova M. G. Posthumous conception: legal consequences and judicial practice. *Legal Bulletin*. 2025;(2):75-94. (In Russ.)
16. Dolinskaya V. V. Specifics of the legal status of minors as heirs. *Tsivilist = Civilist*. 2024;(4):14-23. (In Russ.)
17. Mikhaylova I. A. Implementation of inheritance rights in the context of the use of reproductive technologies. *Lex Russica*. 2025;78(3):131-141. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141.
18. Sarkisyan V. V. Post-mortem interests: the legal framework and types. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*. 2024;(4):9-12. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4179-2024-4-9-12.

Информация об авторах / Information about the authors

Филатова Ульяна Борисовна, доктор юридических наук, первый проректор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Ulyana B. Filatova, Dr. Sci. (Law), First Vice-Rector, Professor at the Civil Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Усачева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95).

Elena A. Usacheva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Disciplines Department, Central Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (95, 20-letiya Oktyabrya St., Voronezh, 394006, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 17.02.2026.
The article was submitted 14.07.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 347.61/.64

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.144-154



О публичном освобождении родителя, проживающего отдельно от ребенка, от обязанности по его воспитанию

Анна Владимировна Гринева

*Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская
Федерация*

annagrין@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8576-3522>

Аннотация

Введение. Реалии современного построения семейной жизни таковы, что раздельное проживание ребенка с одним из родителей становится обыденным явлением. С правовой точки зрения данная модель семейных правоотношений требует тщательного анализа, поскольку сравнительно недавняя судебная практика свидетельствует о случаях публичного освобождения родителя от обязанности по воспитанию ребенка, проживающего с другим родителем.

Теоретические основы. Методы. Исследование базируется на анализе норм семейного законодательства, научной литературы и правоприменительной практики. В работе использованы общенаучные и специальные юридические методы.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлены существенные изменения в правовом регулировании родительских прав при раздельном проживании. Установлено, что обязанность по воспитанию ребенка трансформировалась в простое право для родителя, проживающего отдельно. Выявлено ослабление публично-правовых начал в регламентации воспитательных отношений.

Обсуждение и заключение. Правовое регулирование отношений, возникающих между ребенком и проживающим отдельно родителем, безусловно обладает рядом особенностей по сравнению с обычной моделью семейных отношений, возникающей в ходе совместного проживания и ведения хозяйства. Однако автор представляет и обосновывает несовершенство семейно-правовых норм, допускающих публичное освобождение такого родителя от исполнения обязанности по воспитанию ребенка. В свете дискуссии о соотношении прав и обязанностей родителей по воспитанию ребенка констатируется смещение публично-правовых акцентов в механизме правового регулирования соответствующей сферы семейных отношений, сделан вывод о необходимости восстановления баланса прав и обязанностей родителей путем внесения изменений в ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации. Предложено закрепить обязанность родителя, проживающего отдельно, принимать участие в воспитании ребенка. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования семейного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: семейное законодательство, несовершеннолетний, отдельно проживающий родитель, родительские права, родительские обязанности, публичный интерес

Для цитирования: Гринева А. В. О публичном освобождении родителя, проживающего отдельно от ребенка, от обязанности по его воспитанию // *Правосудие/Justice*. 2026. Т. 8, № 1. С. 144–154. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.144-154.

Original article

On the Public Release of a Parent Living Separately from a Child from the Duty of Upbringing

Anna V. Grineva

Southwest State University, Kursk, Russian Federation
annagr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8576-3522>

Abstract

Introduction. The realities of modern family life are such that the separation of a child from one of the parents is becoming commonplace. From a legal point of view, this model of family relations requires detailed legal analysis, since relatively recent judicial practice indicates cases of public release of a parent from the duty of raising a child living with another parent.

Theoretical Basis. Methods. The research is based on the analysis of family law norms, scientific literature, and law enforcement practice. The study employs general scientific methods and special legal methods.

Results. The study has revealed significant changes in the legal regulation of parental rights in cases of separate residence. It has been established that the duty of raising a child has transformed into a mere right for a parent living separately. A weakening of public law principles in the regulation of educational relations has been identified.

Discussion and Conclusion. The legal regulation of relations arising between a child and a parent living separately certainly has a number of features in comparison with the usual model of family relations that arise during cohabitation and household management. However, the author presents and substantiates the imperfection of family law norms that allow for the public release of such a parent from the duty of raising the child. In the light of the discussion on the relationship between the rights and duties of parents to raise a child, the author notes a shift in public law accents in the mechanism of legal regulation of the relevant sphere of family relations, and concludes that it is necessary to restore the balance of rights and duties of parents by amending Art. 66 of the Family Code of the Russian Federation. It is proposed to establish the duty of a parent living separately to participate in the upbringing of the child. The research results can be used to improve family legislation and law enforcement practice.

Keywords: family law, minor, single parent, parental rights, parental responsibilities, public interest

For citation: Grineva A. V. On the public release of a parent living separately from a child from the duty of upbringing. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):144-154. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.144-154.

Введение

Семейные отношения, сопровождающиеся раздельным проживанием ребенка с одним из родителей, уже достаточно давно стали привычным явлением, воспринимаемым относительно безразлично как самими членами данной семьи, так и сторонними лицами. Основаниями возникновения родительского правоотношения такого вида могут быть различные обстоятельства, как, впрочем, и непосредственно предыстория. Наиболее распространенным вариантом является определение места жительства ребенка с одним из родителей после расторжения их брака. Однако на практике также нередки случаи, когда родители ребенка не только не ведут общее хозяйство и не являются законными супругами, но и даже состоят в браке с третьими лицами, которые зачастую не осведомлены о наличии внебрачных детей. Причем последний вариант более характерен для поведения отцов, нежели материнского поведения, поскольку, будучи в браке, женщина не смогла бы утаить от супруга факт «сторонней» беременности по объективным физиологическим причинам. Вопросы построения социальных, эмоциональных и иных взаимоотношений как между самими родителями, проживающими совместно или отдельно от ребенка, так и между каждым из родителей и ребенком безусловно могут иметь решающее значение для разрешения споров, включая вопросы о применении мер семейно-правовой ответственности к родителям (одному из них), однако в рамках данного исследования освещены не будут.

Результаты исследования

Следует признать, что в науке семейного права на достаточно высоком теоретическом уровне исследованы вопросы осуществления родительских прав родителями при раздельном проживании одного из них с ребенком [1, с. 27–44; 2, с. 116–123; 3, с. 71–77]. Однако за пределами внимания ученых и представителей сферы правоприменения остается обозначенная в названии настоящей статьи проблематика, которая, по нашему мнению, имеет значение для развития нового направления в рамках предлагаемой концепции родительского правоотношения.

В обозначенном законодателем понимании родительских правоотношений, которым посвящена глава 12 СК РФ, заложена довольно простая концепция – они существуют до приобретения ребенком полной дееспособности, как при достижении им возраста совершеннолетия, так и в случае эмансипации (ст. 27 ГК РФ), т. е. приобретения полной дееспособности до совершеннолетия. Безусловно, по достижении совершеннолетия ребенка биологическая (кровная) связь между ним и воспитывающими его родителями, в отличие от правовой, не прерывается, поэтому вполне возможно сохранение у родителя функций по воспитанию и содержанию, которые распространяются уже не на «ребенка» с юридической точки зрения, а на новоиспеченного иждивенца. Таким образом, законодатель устанавливает границы осуществления родительских прав.

Правовая структура родительских прав по воспитанию детей является предметом научных споров, в частности, о соотношении понятий «прав» и «обязанностей».

Так, концепция «право есть обязанность» имела множество сторонников среди правоведов советского периода, что сыграло немаловажную роль в ее закреплении в семейном законодательстве СССР и дальнейшем ее отраже-

нии в Семейном кодексе Российской Федерации. Наиболее удачное, на наш взгляд, объяснение данной теории содержится в трудах Н. С. Шерстневой. Так, любое отдельно взятое действие воспитательного характера родителя по отношению к своему ребенку является одновременно и реализацией права, и исполнением такой обязанности. Ввиду одновременности существования субъективных права и обязанности в родительском правоотношении сливаются в глобальное понятие «родительские права», в котором «права» обеспечиваются исполнением «обязанности», а «обязанности», в свою очередь, устанавливаются пределами осуществления соответствующих «прав» [4, с. 80].

Подобная дихотомия родительских прав по воспитанию детей подверглась жесткой критике со стороны А. М. Нечаевой, настаивавшей на раздельном понимании понятий «права» и «обязанности» и невозможности их объединения [5, с. 92]. Так, родители, воспользовавшись своими репродуктивными правами, имеют право воспитать своего ребенка в ключе своих жизненных ориентиров, но в то же время они обязаны осуществлять воспитание надлежащим образом, т. е. в соответствии с установленными нормами семейного законодательства. В развитие данной точки зрения В. Н. Леженин указывал на отсутствие подобных единых «прав-обязанностей» как совокупности юридических норм в объективной юридической действительности, что явно свидетельствует о правовой сущности «обязанности» родителей – осуществление ими права на воспитание [6, с. 30–31].

Однако для достижения целей семейного законодательства рассмотрение родительских прав по воспитанию ребенка, на наш взгляд, требует наличия и «права» как такового, и корреспондирующей ему «обязанности». Таким образом, семейное законодательство Российской Федерации, в частности ст. 61 СК РФ, рассматривает структуру и содержание понятия «родительские права» не только через призму их равенства, но и через единство субъективных прав и юридических обязанностей по отношению к своим детям.

Содержание родительских прав и обязанностей заключается в воспитании и образовании детей (ст. 63 СК РФ), а также в защите прав и интересов детей (ст. 64 СК РФ). Современная государственная семейная политика придерживается сложившегося в конце 1990-х гг. вектора¹ и выделяет воспитание в качестве важнейшей функции семьи, отодвигая воспитательные функции государства и идеи всеобъемлющего общественного воспитания на второй план [7, с. 678–679; 8, с. 21; 9, с. 105–106]. Бесспорно, что родители, в особенности совместно проживающие с ребенком, на регулярной основе осуществляют воспитательные функции, даже когда реализуют другие права: право на общение с ребенком, право на образование и т. д. Таким образом, последние фактически «поглощаются» правом на воспитание, что очередной раз показывает значимость данного аспекта семейного права и необходимость устранения неясности касательно законодательного содержания данной категории прав и обязанностей.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» (ред. от 05.10.2002). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Де-юре пределы осуществления прав родителей по воспитанию своих детей ограничены лишь интересами последних и запретом жестокого обращения с ними [10, с. 123]. В остальном родители обладают довольно широкой дискрецией выбора надлежащих приемов и методов воспитания детей, поскольку законодатель не устанавливает ни нормы, раскрывающей содержание «родительского права на воспитание», ни нормы, регламентирующей надлежащий процесс «воспитания» ребенка его родителем.

Некоторые правоведы пытались заполнить данную лакуну и, описывая «право на воспитание», подчеркивали его сложность вследствие необходимости выполнения родителями различных нравственных и правовых мероприятий, заключающихся, в частности, в заботе о психическом и умственном здоровье и развитии ребенка². Анализируя основные направления научной дискуссии по данному вопросу периода действия Кодекса о браке и семье РСФСР³ (КоБС РСФСР) и ныне действующего СК РФ, М. В. Громоздина приходит к выводу, что воспитание является правом родителей, которое должно осуществляться по мере их возможностей – материальных, интеллектуальных, психолого-эмоциональных и т. д. [1, с. 11].

Безусловно, существующий в настоящее время приоритет воспитания ребенка в семье как «агента социализации» [11, с. 85], а также неотчуждаемая природа родительских прав и обязанностей [12, с. 268] вовсе не исключают возможность иных акторов (к примеру, образовательных учреждений) осуществлять данные функции [9, с. 108]. Более того, комплексный анализ федерального законодательства Российской Федерации⁴ демонстрирует тесную взаимосвязь процессов воспитания и обучения.

Примечательно, что ст. 2 Федерального закона «Об образовании» раскрывает содержание понятия «воспитание», являющееся ориентиром для всех участников образовательного процесса, в том числе, по нашему мнению, и родителей. В схожем ключе Ю. В. Чеснокова, принимая во внимание цели реализации права на воспитание – «создание наилучших условий для физического и нравственного становления ребенка», подчеркнула необходимость культивирования у ребенка «трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающим, природе и Отечеству» [12, с. 267]. Полагаем, что признаки, составляющие воспитательную деятельность образовательного учреждения и отраженные в упомянутом Федеральном законе, в полной мере применимы и к поведению родителей, поскольку процесс воспитания ребенка не может быть разграничен на части в соответствии с его пребыванием в образовательном учреждении и вне его, а достижение соответствующей цели возможно только благодаря взаимодействию родителей и иных субъектов образовательной деятельности.

² Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право : учеб. М. : Юрид. лит., 1974. С. 208.

³ Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г.) (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Более того, предположения многих родителей об исключительно частно-правовом характере воспитания ребенка и об угасающей роли государства в этом сложном и длительном процессе являются ложными по следующим соображениям. Прежде всего, конституционные основы Российской Федерации строятся на необходимости создания со стороны государства всех социально-экономических и правовых предпосылок (условий) для всестороннего гармоничного развития и воспитания детей. В данном ключе государству следует придерживаться политики сохранения традиционных семейных ценностей и повышения роли института семьи. Некоторые авторы даже указывают на несение государством ответственности за обеспечение приоритета семейного воспитания [13, с. 48].

Более того, нельзя преуменьшать функции государства по осуществлению контроля за воспитанием ребенка в семье в контексте оценки надлежащего характера исполнения родителями своих родительских прав и обязанностей, поскольку семейное законодательство содержит подробный механизм привлечения к ответственности недобросовестных родителей, ограничивающий или лишаящий их соответствующих прав при невыполнении или ненадлежащем выполнении своих правомочий по воспитанию ребенка.

Полагаем, что даже те основания для лишения родительских прав, которые, на первый взгляд, не связаны непосредственно с воспитанием, на самом деле способны оказать негативное влияние на развитие ребенка. Допустим, злостное уклонение от уплаты алиментов лишает ребенка возможности получать необходимые материальные блага, а совершение родителем умышленного преступления против жизни или здоровья кого-либо из членов семьи может повлечь серьезную психологическую травму для ребенка или даже искажение его правосознания и т. п. Однако законодатель исчерпывающим образом определяет как меры семейно-правовой ответственности родителей (одного из них), так и основания для их применения. Императивны и предписания о порядке ограничения и лишения родительских прав, их правовых последствиях. Означает ли это, что в иных случаях невыполнения или ненадлежащего выполнения родителями прав и обязанностей по воспитанию ребенка государство фактически не реагирует и не может реагировать посредством применения норм семейного законодательства? Очевидно, да, что определяет необходимость изучения соответствующей сферы применительно к родительскому правоотношению при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. Таким образом, наблюдается особый публично-правовой формат родительских прав по воспитанию: исключительность наделения родителей одновременно и правом, и обязанностью; установление родительской ответственности за воспитание и развитие детей; абсолютный характер преимущественного права родителей на воспитание; наличие конституционной нормы о возложении на государство обязанностей в отношении детей, не имеющих родительского попечения.

Советские ученые, умело имплементируя в национальное законодательство нормы международного права⁵, пришли к выводу, что надлежащий по-

⁵ Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юрид. лит., 1990. С. 385–388 ; Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября

рядок реализации прав родителей на воспитание ребенка и реализация прав ребенка на получение им соответствующего воспитания могут быть обеспечены только в условиях полной нуклеарной семьи, проживающей совместно [14, с. 549]. Таким образом, право на воспитание приобретает якобы главенствующую роль, фактически подчиняя себе право на определение места жительства ребенка, которое лишь содействует реализации воспитательных усилий родителей [15, с. 44].

Как уже отмечалось, российское семейное право во многом восприняло опыт государства-предшественника, однако привнесло и некоторые изменения, в частности касательно норм, регулирующих отношения между ребенком и проживающим отдельно родителем.

Сравнительный анализ ст. 56 КоБС РСФСР и, казалось бы, аналогичной нормы, изложенной в ст. 66 СК РФ, показывает существенную разницу в выборе законодателем подхода к регулированию данной проблемы.

Во-первых, советское понимание построения связи между раздельно проживающим родителем-воспитателем и ребенком крайне императивно: первый обязан реализовать свои права и принимать участие в воспитании второго. Однако российская норма фактически приобрела диспозитивный характер, трансформировавшись из неперменной «обязанности» в возможное «право».

Во-вторых, юридико-технический способ построения второго предложения ст. 56 КоБС РСФСР («Родитель, при котором проживают дети, не вправе препятствовать *другому родителю*» (курсив наш. – А. Г.) свидетельствует о намерении урегулировать возможные споры по осуществлению прав по воспитанию между двумя родителями. Адресатом современной нормы является ребенок, что коррелируется с политикой приоритетной защиты прав ребенка как более уязвимого слоя населения. Более того, изменилась и форма осуществления родительских прав отдельно проживающего родителя, воспрепятствовать которой недопустимо для другого родителя. Так, советская норма защищала право на общение и право на участие в воспитании ребенка, российская – только право на общение. Безусловно, такое изменение можно рассмотреть, с одной стороны, как ограничение так называемого «полного» статуса родителя, а с другой стороны, как завуалированное освобождение родителя от обязанности по воспитанию ребенка при непосредственном общении с ним.

В-третьих, СК РФ, в отличие от КоБС РСФСР, не содержит полномочий органов опеки и попечительства по лишению отдельно проживающего родителя права на общение с ребенком на определенный срок в случае, если такой родитель оказывает негативное влияние на ребенка и мешает его нормальному воспитанию. По нашему мнению, данное исключение видится совершенно необоснованным.

Таким образом, российское семейное законодательство освобождает родителя, проживающего отдельно от ребенка, от обязанности по его воспитанию, что свидетельствует об умышленном или невольном смещении акцентов публичного интереса в регламентации соответствующих отношений. Конечно же, можно предположить, что это лишь погрешность техники юридического письма, но, очевидно, речь идет все-таки об установлении новых пределов

1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М. : Междунар. отнош., 1993.

вмешательства в дела семьи, об изменении метода семейно-правового регулирования в той сфере родительского правоотношения, которая характеризуется раздельным проживанием ребенка с одним из родителей.

Безусловно, проживающий отдельно родитель, как справедливо отмечает П. А. Якушев, не лишен прав и обязанностей по воспитанию ребенка, однако объективно имеет меньше возможностей по их реализации [16, с. 45]. М. В. Гроздина, проанализировав подобную ситуацию, приходит к выводу, что отдельно проживающий родитель имеет более «усеченный» статус, нежели постоянно проживающий с ребенком родитель, который обладает «полным статусом», включающим правомочие как воспитателя, так и законного представителя [1, с. 36]. По мнению Н. А. Аблятиповой, законодатель усекает объем прав отдельно проживающего родителя, но уже юридико-техническим образом, поскольку формулировка «участие в воспитании» в п. 1 ст. 66 СК РФ прямо предполагает преимущественное право на воспитание другого родителя [17, с. 270].

Вместе с тем считаем данные позиции спорными в части «полного» и «однозначного» смещения баланса интересов родителей в зависимости от их места проживания. Ведь законодатель в силу той же ст. 66 СК РФ ограничивает якобы «полный» статус совместно проживающего с ребенком родителя запретом на препятствие общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Возвращаясь к изложенным суждениям о мерах семейно-правовой ответственности, приходится констатировать, что неучастие родителя, отдельно проживающего от ребенка, в его воспитании при соблюдении в то же время того формата общения и объема содержания, которые установлены соглашением родителей и (или) судебным актом, не может стать основанием для ограничения или лишения родительских прав.

Представляется возможным предположить, что подобное поведение родителя, имеющего лишь право принимать участие в воспитании ребенка, а не обязанность, может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Несмотря на формальную безусловность редакции п. 1 ст. 66 СК РФ, мы все-таки полагаем необходимым исходить из единства родительских прав и обязанностей, обусловившего использование законодателем понятия «родительские права» (ст. 61 СК РФ), при превалировании обязанности родителей по воспитанию ребенка в процессе осуществления иных родительских прав и обязанностей.

Считаем позитивной практику, в соответствии с которой в решении суда по делам, связанным с рассмотрением споров об определении места жительства ребенка и (или) определении порядка общения с ребенком родителя, проживающего отдельно, указывается, что родителям разъяснены положения п. 1 и 3 ст. 66 СК РФ. Кроме того, как считает П. А. Якушев, в резолютивной части решения можно обязать родителей совместно решать вопросы, касающиеся обучения и воспитания ребенка [18, с. 20].

Обсуждение и заключение

Тезис об ослаблении публично-правовых начал в регламентации отношений по воспитанию ребенка родителями подкрепим указанием на более удачную, по нашему мнению, редакцию ст. 52 КоБС РСФСР: «Родители обязаны вос-

питывать своих детей», нежели норму действующей ст. 63 СК РФ: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей». Представляется, что действующий механизм семейно-правового регулирования отношений между родителями и детьми при раздельном проживании ребенка с одним из родителей характеризуется публичным освобождением данного родителя от обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В связи с этим и с целью обеспечения принципа равенства прав и обязанностей родителей полагаем необходимым внести изменения в ст. 66 СК РФ, изложив п. 1 данной статьи в следующей редакции: «Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право общаться с ним и обязан принимать участие в воспитании ребенка».

Список источников

1. Громоздина М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации. Новосибирск : Сибир. ун-т потреб. кооперации, 2011. 152 с.
2. Замрий О. Н. Злоупотребление интересом в семейных правоотношениях между родителями и детьми : моногр. Тверь : А. Н. Кондратьев, 2018. 219 с.
3. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации : моногр. М. : Городец, 2006. 192 с.
4. Шерстнева Н. С. Российская семья: сущность, государственная политика, правовое регулирование. Тверь : Лилия Принт, 2003. 136 с.
5. Нечаева А. М. Брак, семья и закон / под. ред. В. А. Рясенцева. М. : Наука, 1984. 145 с.
6. Леженин В. Н. Избранные труды / под ред. О. А. Поротикова, Т. Н. Сафронова. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006. 165 с.
7. Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 672–697. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-672-697.
8. Карасева А. А. Идея общественного воспитания в трудах Н. К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. История и политические науки. 2019. № 2. С. 20–27. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-20-27.
9. Татаринцева Е. А. Преимущественные права в правоотношениях по воспитанию ребенка в семье // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 104–109. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.104-109.
10. Летова Н. В. Право ребенка на воспитание в семье: проблемы реализации и защиты // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 121–128. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-121-128.
11. Рабец А. М. Формирование и развитие социального и правового статуса личности несовершеннолетнего в мировом сообществе // Ученые записки Московского государственного социального университета. 2012. № 8 (108). С. 84–88.

12. Чеснокова Ю. В. Проблемные аспекты реализации права родителей на воспитание детей // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 8 (224). С. 267–269. DOI: 10.47643/1815-1337-2023-8-267.
13. Чаплыгина В. Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*. 2021. № 1. С. 46–50.
14. Комиссарова Е. Г. Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2023. № 2. С. 542–559. DOI: 10.21638/spbu14.2023.217.
15. Тихонина К. В. Семейное правоотношение по воспитанию детей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 210 с.
16. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. М. : Проспект, 2018. 144 с.
17. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Воспитание детей при раздельном проживании родителей: отдельные проблемы правоприменительной практики // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9, № 1. С. 265–272.
18. Якушев П. А. Резолютивная часть решения суда по спорам о воспитании детей как квинтэссенция выводов о наилучших интересах ребенка // *Судья*. 2019. № 10. С. 12–20.

References

1. Gromozdina M. V. *The exercise of parental rights in case of separation of parents according to the legislation of the Russian Federation*. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperatives; 2011. 152 p. (In Russ.)
2. Zamrij O. N. *Abuse of interest in family legal relations between parents and children*. Monograph. Tver: A. N. Kondratiev; 2018. 219 p. (In Russ.)
3. Ilyina O. Yu. *The interests of the child in the family law of the Russian Federation*. Moscow: Gorodets; 2006. 192 p. (In Russ.)
4. Sherstneva N. S. *The Russian family: essence, state policy, legal regulation*. Tver: Liliya Print; 2003. 136 p. (In Russ.)
5. Nechaeva A. M. *Marriage, family and the law*. Ed. V. A. Ryasentsev. Moscow: Science; 1984. 145 p. (In Russ.)
6. Lezhenin V. N. *Selected works*. Eds. O. A. Porotikov, T. N. Safronova. Voronezh: Voronezh State University; 2006. 165 p. (In Russ.)
7. Komissarova E. G., Krasnova T. V. Child's right to family education: regulative dimension of the issue. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;(46):672-697. (In Russ.) DOI: 10.17072/19954190-2019-46-672-697.
8. Karaseva A. A. The idea of social education in the works of N. K. Krupskaya. *Bulletin of the Moscow State Regional University. History and Political Sciences*. 2019;(2):20-27. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-20-27.
9. Tatarintseva E. A. Preferential rights in legal relations for the upbringing of a child in a family. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(5):104-109. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.104-109.

10. Letova N. V. The right of a child to be brought up in a family: problems of implementation and protection. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Social and Political Sciences*. 2022;12(4):121-128. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-121-128.
11. Rabets A. M. Formation and development of the social and legal status of the person of a minor in the global community. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Moscow State Social University*. 2012;(8):84-88. (In Russ.)
12. Chesnokova Yu. V. Problematic aspects of the realization of the right of parents to raise children. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(8):267-269. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1337-2023-8-267.
13. Chaplygina V. N. Peculiarities of crime investigation, involving minors, related to clarifying their upbringing conditions. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2021;(1):46-50. (In Russ.)
14. Komissarova E. G. Social parents and social upbringing of a child in legal discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023;(2):542-559. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2023.217.
15. Tikhonina K. V. *Family legal relations for the upbringing of children*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1988. 210 p. (In Russ.)
16. Yakushev P. A. *Disputes about children: traditional values and judicial practice*. Moscow : Prospekt; 2018. 144 p. (In Russ.)
17. Ablyatipova N. A., Tsyganova D. S. Parenting with parents living apart: individual problems of law enforcement practice. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2023;9(1):265-272. (In Russ.)
18. Yakushev P. A. The operative part of the court's decision on disputes about the upbringing of children as the quintessence of conclusions about the best interests of the child. *Sud'ya = Judge*. 2019;(10):12-20. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Гринева Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94).

Anna V. Grineva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Civil Law Department, Southwest State University (94, 50 let Ocyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication 17.02.2026.



Научная статья

УДК 341.48/.49; 347.97/.99

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.155-166



Международные трибуналы «кенгуру» (kangaroo court): «мягкая сила» в сфере уголовного права

Андрей Анатольевич Арямов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
prorector_nauka@rsuj.ru*

Аннотация

Введение. На основании общего анализа правового статуса международных неправительственных организаций, специфики их формирования и функционирования, их правосубъектности, субъектного состава, юридической силы их решений исследована деятельность Международного трибунала Рассела – Сартра (и аналогичных ему организаций).

Теоретические основы. Методы. Авторское исследование основывается на диалектическом методе познания, методах индукции и дедукции (от исследования общего понятия общественной неправительственной организации к частному случаю – Трибуналу Рассела, а закономерности деятельности частных случаев позволили посредством метода абстрагирования сделать общие выводы), реализации методов сравнительного правоведения, логического и юридического анализа

Результаты исследования. Сочетание статуса неправительственной международной организации и квазюрисдикционного органа, авторитет решений которого гарантируется высокими морально-профессиональными качествами (прежде всего кристальной честью профессионала) его участников, формирует весьма гибкую организационную конструкцию, свободную от политической ангажированности, способную выполнять достаточно сложные функции «мягкой силы» в сфере международного уголовного права. Решения такого суда, с одной стороны, трудно исполнить, а с другой стороны, их невозможно анулировать или игнорировать. Их влияние на формирование общественного мнения в международном масштабе трудно переоценить.

Обсуждение и заключение. Обозначено влияние решений подобных трибуналов на формирование правового поля и информационного пространства в планетарном масштабе, а также обосновано воздействие актов данных трибуналов на развитие международных отношений в будущем. В последнее время в Европейском союзе (в порядке декларирования единства «коллективного Запада») вновь пытаются учредить очередной «трибунал» против России по поводу событий на Украине (навязчивая идея). Однако у инициаторов учреждения такого ор-

гана возникает серьезная проблема: по данным событиям состоялся Трибунал, виновные определены, а их действия уже получили юридическую оценку.

Ключевые слова: международное уголовное право, международные неправительственные организации, международные общественные организации, организации гражданского общества, «мягкая сила», международные трибуналы, международная правосубъектность, геноцид, военные преступления

Для цитирования: Арямов А. А. Международные трибуналы «кенгуру» (kangaroo court): «мягкая сила» в сфере уголовного права // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 155–166. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.155-166.

Original article

Kangaroo Court International Tribunals: “Soft Power” in the Field of Criminal Law

Andrey A. Aryamov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
prorector_nauka@rsuj.ru*

Abstract

Introduction Based on a general analysis of the legal status of international non-governmental organizations, their legal personality, subject composition, legal force of their decisions, and the specifics of their formation and functioning, the article examines the activities of the Russell – Sartre International Tribunal (and similar organizations), defines their specific features, and outlines the impact of their decisions on the formation of the legal field and information space on a global scale.

Theoretical Basis. Methods. The author's research is based on the dialectical method of cognition, the methods of induction and deduction (from the study of the general concept of a public non-governmental organization to the specific case of the Russell Tribunal, and the patterns of activity of specific cases allowed for the general conclusions to be drawn through the method of abstraction), the implementation of comparative legal studies, logical and legal analysis.

Results. The combination of the status of a non-governmental international organization and a quasi-jurisdictional body, the authority of whose decisions is guaranteed by the high moral and professional qualities (above all, the crystal-clear honor of a professional) of its members, forms a highly flexible organizational structure that is free from political bias and capable of performing the complex functions of “soft power” in the field of international criminal law. The decisions of such a court are difficult to enforce, but they cannot be annulled or ignored. Their influence on shaping public opinion on a global scale cannot be overstated.

Discussion and Conclusion. The article highlights the impact of their decisions on the formation of the legal field and information space on a global scale, as well as the impact of these tribunals' acts on the development of international relations in the future. Recently, the European Union (as a way of declaring the unity of the “Collective West”) has once again attempted to establish another “tribunal” against Russia over the events in Ukraine (an obsessive idea). However, the initiators of this body face a serious problem: a Tribunal has already been held on these events, the perpetrators have been identified, and their actions have already been legally assessed.

Keywords: international criminal law, international non-governmental organizations, international public organizations, civil society organizations, “soft power”, international tribunals, international legal personality, genocide, war crimes

For citation: Aryamov A. A. Kangaroo court international tribunals: “soft power” in the field of criminal law. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):155-166. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.155-166.

Введение

Настоящее исследование представляется целесообразным начать с цитаты Кофи Аннана, Генерального секретаря ООН: «Государства перестали быть единственным инициатором решений для многочисленных проблем нашей небольшой планеты... в поиске консенсусных решений вместе с суверенными государствами участвуют неправительственные организации...»¹ Пунктом 30 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 55/2 от 8 сентября 2000 г. предписано «предоставить неправительственным организациям более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ ООН»².

Неправительственные международные организации имеют весьма богатую историю. Международные неправительственные организации³ (МНПО) (англ. non-governmental organizations) – разновидность международных организаций, которые представляют собой нетерриториальные образования, отвечающие трем критериям: им присущ международный характер состава и целей, частный характер учредительства и добровольный характер деятельности⁴. Мы не сторонники широкого понимания МНПО, в соответствии с которым к ним относят транснациональные корпорации, экономические объединения, например ОПЕК [1]. Полагаем, что в полной мере международными неправительственными организациями можно считать так называемые «организации силы общественного мнения», прежде всего гуманитарные организации (например Красный Крест), основной целью которых является не генерирование политических решений, а формирование общественного мнения по «болевым вопросам» актуальной повестки дня.

В данном случае имеет место не авторитет силы, а сила авторитета; значимость решений таких организаций обусловлена научной и политической характеристиками их участников, их профессиональными и нравственно-этическими качествами. Их функцией в том числе является восполнение информационных пробелов, искусственно сформированных и поддерживаемых на государственном и межправительственном уровнях. Зафиксированные в до-

¹ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят четвертая сессия. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке». 2000. А/54/2000. П. 315. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000-6.htm>.

² Декларация тысячелетия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml?ysclid=mg9ers2twv545042547.

³ Синонимами являются термины «организация гражданского общества», «международная общественная организация».

⁴ Цыганков П. А. Теория международных отношений : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005. 316 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511164> (дата обращения: 02.02.2026).

кументах таких организаций версии исследуемых событий могут серьезным образом диссонировать с официальными версиями, декларируемыми тем или иным правительством.

Результаты исследования

Учредители МНПО – частные лица или неправительственные организации и объединения. Они же и финансируют их деятельность (в этом вопросе важно поставить барьер между финансируемостью и ангажированностью), не нарушая требования бескорыстности (отсутствия коммерческого интереса) работы таких организаций. Гарантией соблюдения данного требования является полная транспарентность их деятельности. В отличие от групп *ad hoc* они действуют постоянно. Их волеизъявление отлично от воли учредителей: они выступают от своего имени, не представляют интересы своих учредителей, могут формировать внутренние структурные подразделения и органы, могут иметь или не иметь статус юридического лица, их деятельность основывается на демократических принципах (принятия решений, выборности органов, подотчетности и т. д.).

Членство в организации может приобретать самые различные формы (системы: подписчиков, сторонников, делегирования, кооптации...), в любом случае формализация минимальна. В своей деятельности они не должны ни использовать, ни пропагандировать применение силы (различного рода национально-освободительные движения к их числу относиться не могут, не могут они быть и ангажированы такими движениями).

Значимость их юридического статуса имеет свою специфику. Примечательно следующее: признание за объединением статуса МНПО в одном государстве не гарантирует такого же признания в другом. Такие организации объединяют своих членов по критерию общественно полезной цели (а не по признакам национальности, культуры, вероисповедания, территории и т. д.). Основа их деятельности – частное соглашение (вполне может быть и неформальным).

В редких случаях МНПО могут выполнять и нормотворческую функцию. Так, ВАДА и МОК разработали и ввели в действие Всемирный антидопинговый кодекс (ВАК), предусматривающий весьма суровые меры воздействия (но это в порядке исключения). Приоритетной все-таки является надзорная функция: сфера, где государственные национальные или международные структуры не могут или не желают эффективно действовать, устанавливаются, насколько соответствует поведение субъекта международных отношений (государства или его органа) требованиям международного права (например, публичного), насколько государство или его отдельные органы исполняют свои международные обязательства.

Не разделяя суждения о том, что их решения не имеют юридической силы⁵, полагаем, что такие решения не обеспечиваются силой государственного (или международного публично-правового) принуждения, но в части установления юридических фактов они способны формировать доказательственную базу, характеризующуюся высокими уровнями репрезентативности, транспарентности, убедительности и аргументированности, которую в официальном публично-правовом процессе бывает весьма трудно опровергнуть.

⁵ Цыганков П. А. Указ. соч.

Основное требование к деятельности МНПО – их саморегулируемость, интернационализация и беспристрастность.

В то же время представляется необходимым отметить, что провозглашенная автономность в принятии решений МНПО иногда превращается в фикцию. Отдельные правительства ангажируют такие организации, и в этом случае их решения становятся откровенно политизированными (например, деятельность Amnesty International или Transparency International по ряду вопросов). Все зависит от репутации конкретной организации: так, упреки в ангажированности Красного Креста крайне редки, а репутацию организации Белье Каски уже ничто не исправит.

В юридической доктрине распространенным является мнение, что только от суверенных государств может исходить международная правосубъектность (непосредственная или делегированная)⁶. Однако никто не будет оспаривать правосубъектность Международной организации Красного Креста или Красного Полумесяца или ставить ее в зависимость от волеизъявления какого-либо государства. Иногда МНПО приобретают официальный статус при международных организациях, например статус консультативного органа при Социальном Совете ООН (в силу ст. 71 Устава ООН) или наблюдателя или участника с правом совещательного голоса (Всемирная федерация профсоюзов в работе Конференций ООН): некоторые МНПО могут использоваться как посредники в дипломатических отношениях.

Полагаем целесообразным отграничение МНПО от смежных явлений, имеющих пороки автономности:

- QUANGO (quasi-autonomous NGO) – финансируемых из общественных фондов, преследующих определенные цели;
- GONGO (government-organized NGO) – созданных и (или) действующих при содействии какого-либо правительства;
- GRINGO (government-related NGO) – постоянно и неразрывно связанных в своей деятельности с деятельностью конкретных правительственных органов;
- DONGO (donor-organized NGO) – созданных донором бизнес-организацией или международной организацией;
- PANGO (party-affiliated NGO) – объединений политических партий.

В части сотрудничества с международными организациями (так, посредством процедуры аккредитации в ООН создан Комитет по НПО при ЭКОСОС ООН, МККК имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, «Формула Арриа», CARE International и Международный центр по вопросам правосудия в переходный период при Совете Безопасности ООН) МНПО в порядке реализации своего консультативного статуса могут обладать правами:

- в отношении повестки дня,
- присутствия,
- подачи письменных сообщений,
- устного выступления,
- в отношении организации и проведения конференций⁷.

⁶ *Вылегжанин А. Н.* Международное право : учеб. для студентов вузов. М. : Юрайт, 2010. С. 122–123.

⁷ *Кузнецова Е. В.* Международные неправительственные организации: правовые вопросы : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2007. С. 45–46.

Градация МНПО по сфере деятельности может быть следующей:

- религиозные организации (Экуменический совет церквей);
- организации ученых (Пагуошское движение);
- спортивные организации (Международная федерация футбольных ассоциаций, Международный олимпийский комитет);
- профсоюзные организации (Международная федерация профсоюзов);
- правовые организации (например, Amnesty International).

К числу последних в полной мере можно отнести и «Трибунал Рассела».

Своими корнями история его создания уходит в 1823 г., когда было учреждено Британское и международное общество против рабства. К концу XX в. такого рода обществ было уже около 5000. На Первом Конгрессе инициаторов такого добровольческого движения в 1910 г. был использован термин «союз международных ассоциаций». С 1950 года в оборот вошло понятие «non-governmental organizations brought into being by private initiative» (неправительственные организации, созданные по частной инициативе). Многие из таких объединений сферой своего внимания признавали общественные отношения однозначно уголовно-правового характера (с чего процесс в общем-то и начался). В частности, редкое серьезное криминологическое исследование обходится без обращения к заключениям Amnesty International и Transparency International. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. с Протоколом 1999 г., Оттавская конвенция 1997 г., Протокол о запрещении мин 1996 г., Протокол о запрете торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г., Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 г. и т. д. в аспекте гуманитарного и международного уголовного права закрепляют возможность деятельности МНПО при обеспечении прав заключенных, интернированных, детей, при противодействии различным видам преступлений и т. д. Единообразием терминологии эти документы не отличаются, а для обозначения собственно организации используются следующие термины: «беспристрастная гуманитарная организация», «международная религиозная организация», «другие организации, оказывающие помощь военнопленным», «участие общества»... В силу ст. 50 Статута Международного Суда ООН⁸, например, Суд может поручить расследование или проведение экспертизы МНПО, или в силу ст. 66.2 привлечь к процессу в качестве свидетелей.

Представляет интерес договорная форма определения правосубъектности МНПО. Так, МКСК и Швейцария заключили соглашение, в соответствии со ст. 1 которого государство признало международный статус упомянутой неправительственной организации⁹. В подобных договорах Швейцарии с Международным олимпийским комитетом и Международным союзом охраны

⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ International juridical personality and the legal capacity in Switzerland. См.: Agreement between the International Committee of the Red Cross and the Swiss Federal Council to determine the legal status of the Committee in Switzerland // International Review of the Red Cross. 1993. № 293. P. 152–160.

природы и природных ресурсов использован термин «элементы международной правосубъектности». Более того, в соответствии со ст. 1, 3–11 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Международным комитетом Красного Креста о статусе МККК и его Делегации (представительства) на территории Российской Федерации от 24 июня 1992 г. статус МККК приравнивается к статусу межправительственной организации со всем комплексом привилегий и иммунитетов¹⁰.

Деятельность МНПО может оказывать влияние на учреждение международных публичных организаций. Так, свою лепту в создание Международного уголовного суда внесла объединяющая более 1000 МНПО «Коалиция за Международный уголовный суд» (КМУС), сформированная в 1995 г. По итогу данный опыт можно признать неудачным в силу откровенной ангажированности учрежденного органа международного правосудия и политизированности его решений: в США, Российской Федерации, КНР, Израиле даже установлена уголовная ответственность за сотрудничество с МУС (например, ст. 275.1 УК РФ).

МНПО пролоббировали «свое место» в международном уголовном процессе. Так, в силу ст. 15.2 Римского статута прокурор при инициировании преследования *proprio motu* вправе запрашивать у НПО (презюмируется КМУС) дополнительную информацию; а в силу ст. 44.4 Суд вправе использовать в качестве специалистов представителей НПО; им же принадлежит существенная роль при проведении Ассамблей МУС.

Статуты трибуналов по бывшей Югославии и Руанде предоставляют МНПО ряд возможностей для участия в международном уголовном процессе. В соответствии со ст. 18.1 Статута Трибунала по бывшей Югославии и ст. 17.1 Статута Трибунала по Руанде Прокурор может инициировать уголовное преследование на основании обращения МНПО.

В связи с изложенным представляется актуальным анализ статуса и деятельности такого юридического явления, как Трибунал Рассела, который в полной мере может быть отнесен к международным неправительственным организациям. В юридической литературе также используется название Трибунал Рассела – Сартра по фамилиям авторитетных философов (Бертрана Рассела и Жан-Поля Сартра), ставших в 1967 г. инициаторами создания организации, призванной расследовать военные преступления, совершенные во Вьетнаме. В состав Трибунала вошли 25 известных ученых, писателей философов, юристов из 18 стран, в том числе лауреаты Нобелевской премии. Среди членов Трибунала – выдающиеся юристы доктора права Владимир Дедьер, Вольфганг Абендрот, Мехмет Али Айбар, Лелио Бассо, Хайка Гроссман, Гизель Халими, Махмуд Али Касури, поэтому попытки представить Трибунал несостоятельным необоснованны.

Финансирование работы Трибунала осуществлялось из множества частных независимых источников. Учредительная конференция состоялась в Лондоне 15 ноября 1966 г. Работа была распределена между несколькими комиссиями, перед каждой из которых была поставлена своя задача. Трибунал обозначил ряд вопросов, на которые по итогам работы должен был дать ответы:

¹⁰ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58960/.

1) совершило ли американское правительство (а также правительства Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи) акты агрессии в соответствии с международным правом?

2) применяла ли, испытывала ли американская армия новые вооружения или оружие, запрещенное законами войны?

3) имели ли место бомбардировки сугубо гражданских объектов – госпиталей, школ, санаториев, дамб и т. д. и в каких масштабах это происходило?

4) подвергались ли вьетнамские заключенные негуманному обращению, запрещенному законами войны, и, в особенности, подвергались ли они пыткам и увечьям? Имели ли место незаконные репрессии против гражданского населения, казни и взятие заложников?

5) создавались ли принудительные трудовые лагеря, производились ли депортации населения, совершались ли какие-то иные акты геноцида?

Основным принципом работы Трибунала обозначен принцип открытости, или транспарентности. Были публично провозглашены открытость проведения судебного разбирательства, открытость к сотрудничеству с любыми публичными или общественными структурами и открытость для получения доказательств из любых источников.

Основной целью было декларировано формирование общественного мнения по фактам вопиющего масштабного геноцида, использования запрещенных средств ведения войны (например, применение химического оружия) армией США. Такая необходимость была обусловлена тем, что правительства государств коллективного Запада искусственно создали информационное поле, отрицающее или искажающее эти факты. По мнению учредителей данного Трибунала, общественное мнение не должно зависеть от политической конъюнктуры.

По своему содержанию Трибунал Рассела является не карательным органом, а «судом совести». Поскольку его решения не обеспечивались мерами принуждения, его оппоненты заявляли о неправомерности этой организации и даже дали ей уничижительное название – «суд кенгуру» (англ. kangaroo court). Члены Трибунала ответили на это своеобразно: они с гордостью приняли этот «титул».

В процессе деятельности Трибунала в политико-правовой оборот были введены новые термины и понятия, например «преступление молчания». Девизом работы Трибунала, раскрывающего его сущность, стала цитата из книги Б. Рассела «Военные преступления во Вьетнаме»: «Мы не судьи. Мы – свидетели. Наша задача сделать человечество свидетелем ужасных военных преступлений и объединить человечество на стороне справедливости в войне во Вьетнаме». И далее: «Нашей задачей является установить, не обращая внимания на страх или симпатии, всю правду об этой войне» [2, р. 43].

Первую сессию Трибунала открыл в Стокгольме Жан-Поль Сартр 2 мая 1967 г., обосновав легитимность этого органа, а также провозгласив его постоянно действующий характер в отличие от трибуналов *ad hoc*. Была обозначена и задача на перспективу: в своей работе по противодействию международным преступлениям (геноциду, агрессии, военным преступлениям) суд проблемами Вьетнама не ограничится.

На основании исследования множества доказательств были установлены гибель 250 000 и ранение 750 000 детей, факты полного уничтожения насе-

ленных пунктов вместе с жителями, активное использование практики объявления территорий «свободного огня», когда уничтожалось все, что движется; использование концентрационных лагерей для мирного населения, интернированию подлежали старики, женщины и дети¹¹.

На этой сессии в Вердикте от 10 мая 1967 г. единогласно констатировали следующие выводы.

1. В соответствии с международным публичным правом (Парижским пактом 1928 г., Статутом Нюрнбергского трибунала и Уставом ООН) правительства США, Австралии, Южной Кореи и Новой Зеландии совершили акты агрессии и осуществили интервенцию в отношении суверенного государства Вьетнам.

2. Вооруженные силы указанных государств осуществляли умышленные бомбардировки сугубо мирных объектов и уничтожение мирного населения.

3. В процессе боевых действий США и союзники использовали оружие, запрещенное Гаагскими конвенциями (в частности, фосфорные и кассетные бомбы, химическое оружие...).

4. Был опровергнут базовый тезис оправдания участия США и союзников в военных действиях тем, что они помогают правительству Сайгона против агрессии Хо Ши Мина. Аргумент опровержения был следующим: Вьетнам – единое суверенное государство (в силу Женевской конвенции 1954 г.) и осуществлять агрессию в отношении самого себя не может.

Вторая сессия Трибунала, проведенная 20 ноября 1967 г. – 1 декабря 1967 г. в Роскиле (Дания), началась с доклада Жан-Поля Сартра «О геноциде», где впервые данное явление анализировалось с позиции государственной политики; подробно рассмотрены сущность и основные формы проявления геноцида. На этой сессии специальным Вердиктом соучастниками США в совершении преступлений агрессии признаны правительства Японии, Таиланда и Филиппин; а потерпевшим наряду с Вьетнамом был признан и Лаос. Государствам-соучастникам были предъявлены обвинения и в геноциде, и в жестоком обращении с военнопленными; констатировалось, что современное цивилизованное демократическое общество оказалось способно на самые ужасные и кровавые преступления.

Опыт Трибунала Рассела был востребован: по его примеру были учреждены (часто при непосредственном участии самого Б. Рассела) и эффективно действовали несколько трибуналов: 1973 г. – по Бразилии (Рим); 1974–1976 гг. – по Чили (Рим, Брюссель); 2001 г. – по нарушению прав человека в области психиатрии (Берлин); 2004 г. – по Ираку (Брюссель); 2009–2012 гг. – по Палестине (Барселона, Лондон, Кейптаун, Нью-Йорк); 2014 г. – по Украине (Венеция).

Наиболее актуальным на настоящий момент в целях данного исследования представляется Трибунал Рассела 2014 г. по Украине [3; 4].

В Венеции 13 сентября 2014 г. в рамках процедуры данного Трибунала от имени общественного движения «Правительства Венето» рассмотрено обвинение в геноциде мирного населения востока Украины, предъявленное в отношении: председателя Европейской комиссии Жозе Мануэла Баррозу, ге-

¹¹ Военные преступления во Вьетнаме в оценке Рассела. URL: http://www.redov.ru/filosofija/bertran_rassel/p8.php.

нерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена, президента Украины Петра Порошенко и президента США Барака Обамы. Члены Трибунала заявили: «Мы сочувствуем жителям Донецка и Луганска и хотели бы подчеркнуть, что одобряем выбранный ими путь... Мы решили обратиться в Трибунал Рассела, потому что в настоящее время являемся свидетелями огромной лжи на международном уровне в освещении того, что происходит в Донецке и Луганске. Добровольцы представлены как преступники, которые протестуют против властей Киева, а не как жители территории, которые имеют свою историю и свои права. ...Этот процесс может стать свечой, горящей в темноте». «Мы собираемся направить приговор независимых судей в Международный уголовный суд, ООН и ОБСЕ для того, чтобы эти структуры приняли бы взвешенное и справедливое решение, не зависящее от воли отдельных государств или политиков»¹². Как утверждал член Трибунала Альберт Гардин, «это будет голос, который заявит о тяжелой ситуации в Донбассе и прервет преступное молчание Европы»¹³. Член суда Вивианаделле публично объявил: «Информация о военных преступлениях, совершаемых в эти дни на Украине, не доходит до рядовых европейцев и американцев. Только благодаря соцсетям удается передать какую-то долю новостей, которые “душат” западные государственные СМИ».

Для проведения заседания была сформирована коллегия присяжных из представителей 50 государств с различными политическими взглядами. Основным требованием разбирательства провозглашена объективность. Было заслушано множество свидетелей и заключений различных политиков. В итоге все обвиняемые были признаны виновными в международном преступлении «геноцид мирного населения» и военной агрессии Киева против мирного населения Донбасса.

По поводу деятельности Трибунала Рассела часто высказывается следующий упрек: еще до начала процесса его члены часто публично высказывают свое мнение по поводу расследуемых событий (упрек в предвзятости и пристрастности). По этому поводу можно отметить, что любой государственный национальный суд выносит приговор не от своего имени, а от имени государства; но еще до принятия дела к производству суда государство высказывает свое мнение о рассматриваемых событиях в обвинительном акте (обвинении), и в дальнейшем судебном разбирательстве прокурор поддерживает данное государственное обвинение. Это свойство характерно для состязательного уголовного процесса практически всех современных правовых систем. В силу этого упомянутый упрек в пристрастности звучит уже не столь категорично.

Какое же значение изложенный материал может иметь для обеспечения интересов нашего общества и государства на текущий момент? В последнее время стало привычным рассматривать деятельность неправительственных организаций (НПО) преимущественно в деструктивном ключе и даже как ин-

¹² Обаму и Порошенко признали виновными в совершении военных преступлений. URL: https://rg.ru/2014/09/15/rassel.html?ysclid=ml554beovn571584110&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

¹³ Неформальный суд над Обамой, Порошенко и ван Ромпеем начался в Венеции. URL: <https://russian.rt.com/article/49776?ysclid=ml556q1ox059962322>.

струмент разрушающего влияния «коллективного Запада» на российское общество. Но вполне возможен и обратный эффект: деятельность НПО можно использовать для защиты и российских интересов.

Каковы же перспективы в этом случае? Прежде всего актуализируется возможность использования материалов Трибунала Рассела в качестве мощного и авторитетного информационного ресурса для формирования соответствующего нарратива в политическом и информационном пространстве государств-оппонентов, ограничения искусственно формируемой русофобии и антироссийской истерии; для прорыва информационной блокады, донесения до обывателей коллективного Запада истинного положения вещей в мире; для создания хотя бы альтернативного источника информации.

Многие лица, в отношении которых Трибуналом Рассела были выдвинуты обвинения, и по сей день являются политическими деятелями. В связи с этим в ходе очередных избирательных процедур их оппоненты вполне могут апеллировать к решениям Трибунала в целях доведения до электората истинного облика конкурента и его деяний.

По аналогии с Международным комитетом Красного Креста и Красного Полумесяца Российская Федерация вполне может заключить договор с Трибуналом Рассела и тем самым легитимировать его деятельность, придав ему статус международной организации.

Реализуя потенциал консультативного статуса МНПО, также можно активно и официально привлекать Трибунал Рассела к оценке юридических и политических процессов как авторитетного и квалифицированного консультанта как на национальном, так и на международном уровнях.

По итогам СВО прогнозируется неизбежная необходимость создания международного трибунала по привлечению к ответственности нацистов – военных преступников и их пособников. В таком случае материалы Трибунала Рассела вполне могут быть использованы в качестве уникальной доказательственной базы, а сам орган может быть привлечен к отправлению правосудия в качестве эксперта по многим важным вопросам. Более того, некоторые члены Трибунала также могут быть включены в создаваемую в таком случае коллегию судей.

Отличительной чертой актов Трибунала Рассела является то, что они не подлежат оспариванию, опротестованию и какой-либо ревизии. Решения Трибунала – факт объективной реальности, с которым приходится считаться. Они обладают свойством квазипреюдициальности.

В настоящее время в Европейском союзе пытаются учредить «трибунал» против России по поводу событий на Украине [5]. Однако у инициаторов учреждения такого органа возникает серьезная проблема: по данным событиям уже состоялся Трибунал, виновные определены, а их действия уже получили юридическую оценку. При этом отменить решения этого Трибунала невозможно, да и проигнорировать их тоже весьма сложно.

Список источников

1. Zorgbibe Ch. *La Méditerranée sans les Grands* (Quadrige) (French edition). Presses universitaires de France (réédition numérique FeniXX), 1997. 210 p.

2. Russell B. War crimes in Vietnam. London : Monthly Review Press, 1967. 180 p.
3. Шмакова Н. «Трибунал Рассела»: Порошенко и Обама виновны в военных преступлениях // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20140913/1023940516.html?ysclid=mgujcjsgiw43648279>.
4. Матвеева П. Левый трибунал // Газета.ru : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/08/22_a_6185537.shtml?ysclid=mg3sr7ap4d166262765.
5. Витвицкий А. Генсек СЕ признал сложности в реализации «трибунала» против России // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20251006/gensek-2046599613.html?ysclid=mgg6rt1xdi685709243>.

References

1. Zorgbibe Ch. *La Méditerranée sans les Grands (Quadrige) (French Edition)*. Presses universitaires de France (réédition numérique FeniXX); 1997. 210 p.
2. Russell B. *War Crimes in Vietnam*. London: Monthly Review Press; 1967. 180 p.
3. Shmakova N. “Russell’s Tribunal”: Poroshenko and Obama are guilty of war crimes. *RIA Novosti*. [Website]. (In Russ.) URL: <https://ria.ru/20140913/1023940516.html?ysclid=mgujcjsgiw43648279>.
4. Matveeva P. The Left Tribunal. *Gazeta.ru*. [Website]. (In Russ.) URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/08/22_a_6185537.shtml?ysclid=mg3sr7ap4d166262765.
5. Vitvitsky A. The Secretary General of the Council of Europe has acknowledged the difficulties in implementing a “tribunal” against Russia. *RIA Novosti*. [Website]. (In Russ.) URL: <https://ria.ru/20251006/gensek-2046599613.html?ysclid=mgg6rt1xdi685709243>.

Информация об авторе / Information about the author

Арямов Андрей Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Andrey A. Aryamov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 17.02.2026.

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.167-180



Теоретические и методологические аспекты интеграции нейросетевых технологий в судебно-экспертную деятельность

Наталья Михайловна Туркова

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
nmt280700@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Вопросы применения нейросетевых технологий в судебно-экспертной деятельности являются весьма актуальными и обсуждаемыми. В настоящее время реализуются различные научные проекты по созданию нейронных сетей для решения задач отдельных родов (видов) экспертиз. Однако важным условием внедрения этих разработок в практическую экспертную деятельность является наличие теоретической базы и методического обеспечения. Вместе с тем на сегодняшний день нет однозначного подхода к определению статуса искусственной нейронной сети в методологии экспертного исследования, равно как и теоретического обоснования основных аспектов, связанных с применением нейросетевых технологий при производстве экспертизы.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования стали труды ведущих ученых в области судебной экспертизы, а также работы, отражающие результаты экспериментов по использованию нейронных сетей в решении экспертных задач. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания (анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный метод, логический метод) и частнонаучные методы (формально-логический, системно-структурный, логико-юридический).

Результаты исследования. Обоснована необходимость разработки теоретических основ использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании. Сделан вывод о распространении общих теоретических положений на все роды и виды судебных экспертиз и их значении как базы для частных методических положений. На основе информации об особенностях функционирования нейросетевых технологий сформулировано понятие искусственной нейронной сети применительно к судебной экспертизе.

Обсуждение и заключение. В основе использования нейросетевых технологий при производстве судебной экспертизы должен лежать метод экспертного исследования. В классификации методов по степени общности и субординации метод, основанный на нейронной сети, будет относиться к специальным методам экспертного исследования. По степени воздействия на исследуемый объект рассматриваемый метод будет неразрушающим. Наряду с разработкой

новых методов исследования положительные результаты может дать использование нейронных сетей в целях цифровизации и автоматизации экспертных методик.

Ключевые слова: нейросетевые технологии, нейронная сеть, судебная экспертиза, экспертное исследование, метод, методика

Для цитирования: Туркова Н. М. Теоретические и методологические аспекты интеграции нейросетевых технологий в судебно-экспертную деятельность // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 167–180. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.167-180.

Original article

Theoretical and Methodological Aspects of Integrating Neural Network Technologies into Forensic Science

Nataliya M. Turkova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
nmt280700@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The issues of using neural network technologies in forensic science are very relevant and discussed. Currently, various scientific projects are being implemented to create neural networks for solving problems of certain types of expertise. However, the availability of a theoretical framework and methodological support are important conditions for the implementation of these developments in practical expert activities. At the same time, there is currently no unambiguous approach to determining the status of an artificial neural network in the methodology of forensic examination, as well as a theoretical justification of the main aspects related to the use of neural network technologies in the production of expertise.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the research was the works of leading scientists in the field of forensic science, as well as works reflecting the results of experiments on the use of neural networks in solving expert problems. In the course of the research, general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, inductive and deductive method, logical method), and private scientific methods (formal-logical, system-structural, logical-legal) were used.

Results. The necessity of developing theoretical framework for the use of artificial neural networks in forensic examination is substantiated. The general theoretical provisions will apply to all types of forensic examinations and serve as the basis for specific methodological provisions. Based on information about the functioning features of neural network technologies, the concept of an artificial neural network is formulated in relation to forensic science.

Discussion and Conclusion. The use of neural network technologies in the production of forensic examination should be based on the method of expert research. In the classification of methods according to the degree of generality and subordination, the neural network-based method will refer to special methods of expert research. According to the degree of impact on the object under study, the method under consideration

will be non-destructive. Along with the development of new research methods, the use of neural networks for the digitalization and automation of expert techniques can yield positive results.

Keywords: neural network technologies, neural network, forensic science, forensic examination, method, technique

For citation: Turkova N. M. Theoretical and methodological aspects of integrating neural network technologies into forensic science. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):167-180. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.167-180.

Введение

Нейронные сети являются одной из наиболее распространенных технологий искусственного интеллекта, востребованной для распознавания образов, обработки больших объемов данных, поиска скрытых взаимосвязей и закономерностей в данных и др. Основными преимуществами нейронных сетей, обуславливающими их широкое применение в различных сферах деятельности, являются: возможность идентификации сложных нелинейных зависимостей; способность нейронных сетей адаптироваться, изменяя внутренние параметры, и обрабатывать нечеткую, зашумленную информацию; способность анализировать динамические изменяющиеся системы и обнаруживать неисправности и др. [1, р. 9–10].

По своей сути искусственная нейронная сеть представляет собой математическую модель, а также ее программное и аппаратное воплощение, построенные по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма [2, с. 25]. Реализация математической модели нейронной сети осуществляется путем написания программного кода на одном из языков программирования (Python, JavaScript, C++ и др.). Аппаратное воплощение нейросетевой модели представлено в виде компьютеров необходимой мощности и иных средств компьютерной техники. Таким образом, программные и аппаратные комплексы выступают в качестве средств реализации модели искусственной нейронной сети.

Главной особенностью нейронных сетей является то, что они не программируются заранее, алгоритмы решения задач нейронная сеть формирует в процессе обучения, выявляя закономерности в данных и обнаруживая на их основе способы решения задач. В процессе обучения нейронной сети предоставляется множество примеров данных, которые она анализирует и таким образом учится автономно решать нужную задачу, корректируя внутренние параметры и постоянно сверяясь с правильным ответом.

Нейросетевые технологии рассматриваются в качестве эффективного инструмента решения отдельных задач в различных сферах деятельности. Применительно к судебно-экспертной деятельности следует отметить, что в последние годы стали активно обсуждаться возможные перспективы использования искусственных нейронных сетей при решении экспертных задач. Так, в литературе анализируются варианты применения нейросетевых технологий в традиционных криминалистических экспертизах, в частности портретной [3], баллистической [4], трасологической [5], почерковедческой [6], технико-криминалистической экспертизе документов [7].

Использование искусственных нейронных сетей в решении задач судебной экспертизы позволяет упростить некоторые этапы исследования, связанные с выявлением, сопоставлением и дифференциацией признаков объектов, классификацией объектов, обработкой цифровых изображений. Однако любой новый метод или технология экспертного исследования должны иметь теоретическое обоснование, а также пройти процесс апробации перед практическим применением, поскольку при производстве судебной экспертизы могут использоваться только апробированные и научно обоснованные методики и методы. Данный тезис вытекает, в частности, из положений ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹, согласно которой исследование должно проводиться на строго научной и практической основе.

Применение нейронных сетей не является исключением, на что обращает внимание профессор Е. Р. Россинская, отмечая, что искусственные нейронные сети следует внедрять «...в качестве нового инструментария судебного эксперта только после глубокой теоретической подготовки и всесторонней апробации» [8, с. 27]. Сложность в данном случае заключается в том, что процесс применения нейронных сетей при производстве экспертных исследований на сегодняшний день не имеет проработанной научно-методической базы и даже однозначного теоретически обоснованного подхода.

Теоретические основы. Методы

Объектом настоящего исследования являются теория и практика судебно-экспертной деятельности по использованию нейронных сетей при производстве экспертного исследования.

Теоретической основой исследования стали труды ведущих ученых в области теории и практики судебной экспертизы, посвященные вопросам теоретического и методологического обеспечения судебно-экспертной деятельности, в частности Т. Ф. Моисеевой, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, А. М. Зинина, Е. И. Галяшиной, Т. В. Аверьяновой и др. В процессе исследования использовались результаты экспериментов по применению нейронных сетей в решении экспертных задач, описанные в работах В. А. Федоренко, В. А. Жаворонкова, О. О. Власова, М. В. Бобовкина и др.

Исследование проводилось с использованием комплекса методов, включающих общенаучные методы познания (анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный методы, логический метод) и частнонаучные методы (формально-логический, системно-структурный, логико-юридический), что позволило детально проанализировать вопросы теоретического и методологического обеспечения судебно-экспертной деятельности в части интеграции нейросетевых технологий и предложить возможные варианты совершенствования теории и методологии судебной экспертизы.

Результаты исследования

В настоящее время остается открытым вопрос относительно места искусственной нейронной сети в методологии экспертного исследования. Некото-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

рые ученые считают целесообразным позиционировать системы искусственного интеллекта как технические средства [9, с. 33]. Ряд авторов рассматривает технологии искусственного интеллекта, в том числе нейронные сети, как программное обеспечение, факт применения которого необходимо отражать в заключении эксперта [7, с. 33]. В. А. Жаворонков и В. А. Мищук полагают, что использование нейронных сетей в решении экспертных задач приведет к разработке новых методов исследования [6, с. 47]. Е. Р. Россинская акцентирует внимание на создании экспертных методик на основе нейронных сетей [8, с. 27–29].

Некоторые авторы предлагают начать в целом с разработки методологии внедрения искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность, охватывающей как общие вопросы использования искусственного интеллекта в судебной экспертизе (основные понятия, принципы, вопросы организационно-правового регулирования), так и конкретные технологии искусственного интеллекта, применяемые в экспертной деятельности [10, с. 66].

На наш взгляд, первоначально стоит остановиться на разработке общих теоретических положений использования искусственных нейронных сетей в судебно-экспертном исследовании, поскольку нейронные сети являются наиболее распространенной технологией искусственного интеллекта, которая уже реализуется в экспертной практике в рамках экспериментальных проектов. Разработка общих теоретических положений позволит детально проработать все ключевые аспекты, связанные с применением нейросетевых технологий при производстве экспертизы. Общие положения будут распространяться на экспертные исследования в рамках отдельных родов (видов) экспертиз, претерпевая соответствующие изменения с учетом специфики исследуемых объектов и решаемых задач.

Необходимость разработки общих теоретических положений обусловлена, в частности, тем, что в настоящее время активно реализуются различные научные проекты по созданию нейронных сетей для решения задач отдельных родов (видов) экспертиз. Однако важным условием внедрения этих разработок в практическую деятельность является наличие теоретической базы и методического обеспечения. Таким образом, целесообразно обобщить имеющуюся информацию и разработать теоретические основы использования искусственных нейронных сетей в судебно-экспертном исследовании, что позволит предотвратить разобщенность частных методик отдельных родов (видов) экспертиз.

Основы использования искусственных нейронных сетей в судебной экспертизе могут быть разработаны в рамках частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности, как предлагает профессор Е. Р. Россинская [2, с. 25]. Они будут носить общий характер для всех родов и видов судебных экспертиз и служить основой для разработки частных методических положений.

Основы использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании должны включать в себя, по нашему мнению, следующие положения:

- 1) искусственная нейронная сеть как технология искусственного интеллекта – понятие, сущность и принципы функционирования, особенности обучения;

2) принципы использования искусственных нейронных сетей при производстве экспертного исследования;

3) экспертные задачи, которые можно решать с применением нейронных сетей;

4) методологические и научно-методические аспекты использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании;

5) общие вопросы компетенции судебных экспертов;

6) особенности оценки заключения эксперта.

С учетом обобщения информации о сущности и особенностях функционирования нейросетевых технологий можно сформулировать понятие искусственной нейронной сети применительно к судебной экспертизе. *Искусственная нейронная сеть* – это технология искусственного интеллекта, предусматривающая предварительное обучение модели на примерах данных и используемая для автоматизированного решения экспертных задач, связанных с обработкой изображений, выявлением, сопоставлением и дифференциацией признаков объектов, классификацией объектов, при сохранении определяющей роли эксперта в интерпретации результатов и формулировании выводов.

С точки зрения методологии использования искусственных нейронных сетей при производстве судебных экспертиз в первую очередь важно определить статус этой технологии в экспертном исследовании. Как отмечалось выше, на настоящий момент единого мнения по данному вопросу не сложилось. Анализ имеющихся подходов позволяет прийти к следующему.

Функционирование искусственной нейронной сети невозможно без специализированного программного обеспечения и средств компьютерной техники. Однако при проведении экспертного исследования первостепенное значение приобретает применение научно обоснованных и апробированных методов и методик. Конкретные методики и методы исследования могут подразумевать использование инструментального оборудования, программных и аппаратных средств, условия и алгоритм применения которых, равно как и правила интерпретации полученных результатов, подробно раскрываются в методике или методе.

Традиционно под методом экспертизы понимают систему логических и (или) инструментальных операций (способов, приемов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом². Существует также понятие средства исследования, включающего в себя технику, приборы, применяемые для обнаружения и исследования объектов судебной экспертизы. Средство исследования является инструментом реализации метода³. Методы и средства исследования, по справедливому высказыванию Т. В. Аверьяновой, являются ядром экспертной методики⁴.

² Энциклопедия судебной экспертизы / авт.-сост. Т. В. Аверьянова и др. ; под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М. : Юристъ, 1999. С. 224.

³ Моисеева Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности : конспект лекций. М. : РГУП, 2016. С. 44.

⁴ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009. С. 294.

Под методикой экспертного исследования понимается «система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи»⁵. Методику экспертизы также можно определить как систему методов (приемов, технических средств), применяемых при изучении объектов судебной экспертизы для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы⁶. По мнению Т. В. Аверьяновой, экспертную методику следует понимать как программу решения экспертной задачи, включающую в себя указания на методы, материальные средства познания, последовательность, условия и процедуры их применения, а также характеристику ожидаемых результатов⁷. Отличие методики от метода приводит Т. Ф. Моисеева, отмечая, что метод позволяет выявлять различные свойства исследуемых объектов, в то время как методика экспертного исследования – это алгоритм решения экспертной задачи⁸.

С учетом изложенного полагаем, что в основе использования искусственной нейронной сети в экспертизе должен лежать метод экспертного исследования. Применение нейросетевой технологии только как технического средства или программного обеспечения без соответствующей научно-методической основы может привести к сложностям в оценке достоверности и обоснованности выводов. Поясним это утверждение.

Экспертное исследование проводится на строго научной основе, т. е. при производстве судебной экспертизы могут применяться только научно обоснованные и апробированные методы и методики. С помощью различных методов исследования эксперт выявляет и изучает свойства и признаки объектов.

Метод может подразумевать использование инструментального оборудования, аппаратуры и программного обеспечения, которые являются средствами его реализации. Например, реализация микроскопического метода предполагает применение технических средств – микроскопов и сопутствующего программного обеспечения. Аналогичным образом необходимо разрабатывать методы, основанные на нейронных сетях. Конкретная нейронная сеть, ее практическое воплощение в виде программных и аппаратных комплексов будут являться инструментами реализации метода. Метод, основанный на нейронной сети, возможно применять наряду с другими методами экспертного исследования после его апробации и включения в методику конкретного рода (вида) экспертизы.

Рассмотрение искусственной нейронной сети как метода, а не методики экспертного исследования обусловлено следующим. Методика представля-

⁵ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учеб. / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 123.

⁶ Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть : теоретические и методические основы / С. А. Атаходжаев, В. Ф. Березин, И. П. Верник и др. ; под науч. ред. В. Ф. Орловой. М. : Наука, 2006. С. 292.

⁷ Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 292.

⁸ Моисеева Т. Ф. Указ. соч. С. 50.

ет собой алгоритм решения экспертной задачи и распространяется на весь процесс экспертного исследования, на все его стадии. В свою очередь, нейронную сеть возможно использовать только при решении узких однотипных задач, возникающих на отдельных стадиях исследования. Например, выявление и дифференциацию признаков объектов можно рассматривать как основную задачу стадии раздельного исследования, для решения которой применяются различные методы.

В ходе обучения нейронная сеть анализирует однородные данные и в последующем может распознавать только те объекты, признаки которых она запомнила. Если в процессе обработки информации нейронной сети попадают объекты иной природы, которые не входили в множество обучающих примеров данных, она просто не сможет выдать результат. Таким образом, при исследовании объектов разных родов (видов) экспертиз не может быть использована одна и та же нейронная сеть, для этих целей необходимо ее переобучить либо создать новую модель. Аналогичным образом складывается ситуация и в отношении решаемых нейронной сетью задач – нейросетевая модель не может решить иную задачу, отличную от той, которой была обучена.

Поскольку для работы с различными типами данных требуются по-разному обученные нейронные сети, в зависимости от задачи, решаемой на конкретной стадии исследования, и вида объектов могут применяться методы, основанные на разных нейронных сетях. Вместе с тем полагаем, что общая структура метода, основанного на нейронной сети, может быть единой и служить базой для разработки методов частных теорий родов и видов экспертиз. По нашему мнению, структура рассматриваемого метода может быть представлена следующим образом:

1) краткое описание особенностей функционирования нейронной сети, положенных в основу метода;

2) цели и условия применения нейронной сети при исследовании данных объектов, предполагаемые результаты с указанием требуемого уровня точности;

3) процесс реализации метода:

– особенности подготовки объектов для работы с нейронной сетью (оцифровка с соблюдением критериев качества изображения объекта);

– корректный ввод данных в сеть;

– правила интерпретации полученных результатов, применение методов визуализации;

4) программные комплексы (нейронные сети), используемые при реализации метода.

В названии метода целесообразно отразить его основную суть (для чего, с какой целью применяется) и конкретные объекты, подлежащие исследованию. Так, О. О. Власов рассматривает применение нейронной сети для улучшения видеоизображения неизвестного лица [11, с. 23–24]. В частной теории криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей такой метод может быть сформулирован как метод улучшения и реконструкции изображений на основе нейросетевых технологий. Такая формулировка отражает основную цель применения метода, а также конкретные объекты исследования.

В теории судебной экспертизы методы экспертного исследования классифицируются по различным основаниям, и любой метод можно отнести к той

или иной разновидности в зависимости от основания классификации. Метод, основанный на искусственной нейронной сети, также может найти свое место в системе методов экспертного исследования. Так, в классификации методов по степени общности и субординации⁹ применение нейронной сети относится, по нашему мнению, к специальным методам экспертного исследования, под которыми понимаются методы, «...разрабатываемые или приспособляемые для исследования конкретного, единичного объекта или применяемые только в экспертизах данного рода»¹⁰.

Специфика нейронных сетей заключается в том, что каждая конкретная модель способна обрабатывать только однотипную информацию и предназначена для решения одной узконаправленной задачи. Преломляя данный тезис к судебной экспертизе, можно заключить, что нейронные сети разрабатываются и адаптируются для работы с конкретными объектами и в рамках конкретного рода (вида) экспертизы (и более того, в пределах отдельной стадии экспертного исследования). Так, в приведенном выше примере нейронная сеть применялась в криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей для улучшения видеоизображений, что подразумевало исследование конкретных объектов (цифровые изображения лиц) в рамках экспертизы данного вида (исследование видеоизображений, условий, средств, материалов и следов видеозаписей¹¹).

По степени воздействия на исследуемый объект применение нейронной сети относится к неразрушающим методам, поскольку непосредственному исследованию подлежит не сам объект, а его оцифрованное изображение. Структура объекта остается неизменной, и сохраняется возможность его неоднократного исследования.

Следует подчеркнуть, что все применяемые методы должны соответствовать общим принципам допустимости их использования в судебно-экспертном исследовании. Перечень основных принципов, определяющих правомерность использования того или иного метода при производстве экспертизы, включает в себя следующие положения: 1) законность и этичность метода; 2) научность метода, достоверность получаемых результатов; 3) точность метода; 4) надежность результатов, возможность их проверки; 5) эффективность метода; 6) безопасность метода¹². В литературе встречаются и иные формулировки, в целом раскрывающие те же критерии допустимости мето-

⁹ Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 250–251.

¹⁰ Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учеб. М. : Право и закон ; Юрайт-Издат, 2002. С. 43.

¹¹ См.: Приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учеб. для аспирантуры / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 112–114.

дов экспертного исследования. Так, по мнению Т. В. Аверьяновой, основным требованием, определяющим допустимость применения методов и средств при производстве экспертизы, является научная обоснованность, научность. Среди иных условий она выделяет безопасность, применение только неразрушающих методов и средств исследования (при необходимости сохранения объекта в том виде и состоянии, в котором он поступил на экспертизу), наглядность полученных результатов, их доступность, возможность проверки в заданных условиях и др.¹³

Установить соответствие метода, основанного на нейросетевых технологиях, перечисленным требованиям, в частности принципам эффективности, точности, достоверности и проверяемости полученных результатов, возможно в процессе его практической апробации. Важное значение имеет и теоретическое обоснование, свидетельствующее о научности применяемого метода. Наличие в судебной экспертологии теоретических основ использования искусственных нейронных сетей также позволит преодолеть ограничения, связанные с особенностями функционирования нейросетевых моделей. Так, в работе нейронных сетей существует проблема «черного ящика», по причине которой зачастую невозможно объяснить, каким образом модель решает поставленную задачу. Вследствие этого при интерпретации выводов сети эксперт не имеет четкого представления о тех признаках объектов, на основании которых были получены результаты.

Решение обозначенной проблемы видится в необходимости разработки принципов использования искусственных нейронных сетей при производстве экспертного исследования. Наличие системы принципов позволит определить основные правила, которыми необходимо руководствоваться при использовании нейронных сетей в решении экспертных задач. Указанная проблема «черного ящика» может быть решена при соблюдении принципа интерпретируемости результатов нейронной сети, заключающегося в том, что выводы модели необходимо визуализировать. Учет данного принципа обеспечит соответствие применяемого в ходе исследования метода требованиям наглядности и доступности полученных результатов.

Существует несколько способов визуализации, позволяющих наглядно выделять на изображении исследуемого объекта те значимые признаки, на которые нейронная сеть обращает внимание. Одним из наиболее распространенных является метод Grad-CAM (Gradient-weighted Class Activation Mapping). Его применение позволяет сделать более прозрачными и понятными результаты, полученные с использованием нейронной сети. В данном направлении интересно исследование ученых Технологического института Джорджии, которые на основе метода Grad-CAM разработали способ получения не только визуальных, но и текстовых пояснений к выводам нейронной сети [12, р. 345–346].

Наряду с разработкой новых методов исследования перспективным представляется использование нейронных сетей в целях цифровизации экспертных методик. Так, в литературе описывается эксперимент по созданию прототипа программного комплекса «Фрося», на основе которого возможно проводить отдельный и сравнительный анализ частных признаков почерка [13,

¹³ Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 192–193.

с. 64]. Программный комплекс позволяет дифференцировать изображения букв, осуществлять поиск и дифференциацию частных признаков почерка, производить сбор статистических данных.

Положительные результаты может дать использование нейронных сетей в целях автоматизации количественных методик почерковедческой экспертизы, направленных на решение диагностических задач (установление пола, возраста исполнителя рукописи, условий выполнения рукописи). Количественные методики предполагают выявление информативных признаков почерка в исследуемой рукописи и расчет коэффициентов информативности этих признаков. Применение нейронных сетей на отдельных этапах методики позволит облегчить выполнение рутинных операций и сократить общее время решения диагностической задачи. В данном направлении интересен эксперимент по обучению нейронной сети решению диагностической задачи определения пола исполнителя рукописного текста. В результате эксперимента удалось автоматизировать процесс поиска и дифференциации информативных диагностических признаков¹⁴.

Обсуждение и заключение

Резюмируя изложенное, стоит подчеркнуть, что практическому использованию нейросетевых технологий при решении экспертных задач должно предшествовать теоретическое обоснование. Разработка теоретических основ позволит детально проработать все ключевые аспекты, связанные с применением нейронных сетей при производстве экспертизы. Общие положения будут распространяться на все роды и виды судебных экспертиз и служить основой для разработки частных методических положений. В целом применение нейронной сети в экспертном исследовании должно быть основано на конкретном методе, предназначенном для исследования конкретных объектов. Метод, основанный на нейронной сети, является неразрушающим и относится к специальным методам экспертного исследования. Помимо разработки новых методов экспертного исследования нейронные сети можно успешно использовать также в целях цифровизации и автоматизации экспертных методик.

Список источников

1. Sharkawy A.-N. Principle of neural network and its main types: review // Journal of Advances in Applied & Computational Mathematics. 2020. Vol. 7. P. 8–19. DOI: 10.15377/2409-5761.2020.07.2.
2. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 21–33. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.115.3.021-033.
3. Акишин Д. Г., Банников А. М., Газизов В. А. Перспективы развития программно-аппаратных средств при производстве портретных экспертиз // Энциклопедия судебной экспертизы. 2018. № 4 (19). С. 21–33.

¹⁴ URL: <https://habr.com/ru/articles/563086/> (дата обращения: 14.10.2025).

4. Федоренко В. А., Сорокина К. О., Гиверц П. В. Классификация изображений следов бойков по экземплярам оружия с помощью полносвязной нейронной сети // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 184–190. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-2-184-190.
5. Порываева П. С. Возможности интеграции нейросетевых технологий в алгоритм решения узконаправленных трасологических задач // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. № 4 (69). С. 144–150.
6. Жаворонков В. А., Мищук В. А. Об использовании сверточных нейронных сетей при проведении почерковедческих исследований // Вестник Юридического института МИИТ. 2022. № 1 (37). С. 38–47.
7. Купин А. Ф., Коваленко А. С. К вопросу о возможностях применения систем искусственного интеллекта при криминалистическом исследовании документов и их реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 4. С. 28–35. DOI: 10.30764/1819-2785-2023-4-28-35.
8. Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20–32. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-20-32.
9. Кокин А. В., Денисов Ю. Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 2. С. 30–37. DOI: 10.30764/1819-2785-2023-2-30-37.
10. Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омелянюк Г. Г. и др. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60–77. DOI: 10.30764/1819-2785-2023-3-60-77.
11. Власов О. О. Влияние нейросетевых технологий на достоверность информации на изображениях // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сб. докл. XIV Моск. юрид. недели. XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА); XXV Междунар. научн.-практ. конф. Юрид. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова (Москва, 26–29 нояб. 2024 г.) : в 6 ч. Ч. 3. М. : Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 22–27.
12. Selvaraju R. R., Cogswell M., Das A. et al. Grad-CAM: visual explanations from deep networks via gradient-based localization // International Journal of Computer Vision. 2020. Vol. 128. P. 336–359. DOI: 10.1007/s11263-019-01228-7.
13. Бобовкин М. В., Диденко О. А., Нестеров А. Е. Компьютерное моделирование раздельного и сравнительного исследования частных признаков почерка на основе программного комплекса «Фрося» // Судебная экспертиза. 2021. № 3 (67). С. 62–71. DOI: 10.25724/VAMVD.UXYZ.

References

1. Sharkawy A.-N. Principle of neural network and its main types: review. *Journal of Advances in Applied & Computational Mathematics*. 2020;(7):8-19. DOI: 10.15377/2409-5761.2020.07.2.

2. Rossinskaya E. R. Neural networks in forensic expertology and expert practice: problems and prospects. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;(3):21-33. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2024.115.3.021-033.
3. Akishin D. G., Bannikov A. M., Gazizov V. A. The prospects of development of software and hardware in the production of portrait examinations. *Entsiklopediya sudebnoj ekspertizy = Encyclopedia of forensic examination*. 2018;(4):21-33. (In Russ.)
4. Fedorenko V. A., Sorokina K. O., Giverts P. V. Classification of firing pinmarks images by weapon specimens using a fully-connected neural network. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2022;22(2):184-190. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-2-184-190.
5. Poryvaeva P. S. Possibilities of integrating neural network technologies into an algorithm for solving narrowly directed traceological tasks. *Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*. 2024;(4):144-150. (In Russ.)
6. Zhavoronkov V. A., Mishchuk V. A. On the use of convolutional neural networks in handwriting analyses. *Bulletin of the Law Institute of MIIT*. 2022;(1):38-47. (In Russ.)
7. Kupin A. F., Kovalenko A. S. On the question of the applicability of artificial intelligence systems to forensic examination of documents and their requisites. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023;18(4):28-35. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2023-4-28-35.
8. Rossinskaya E. R. The system of forensic activity digitalization theory. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2024;19(3):20-32. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-20-32.
9. Kokin A. V., Denisov Yu. D. Artificial intelligence in criminalistics and forensic examination: issues of legal personality and algorithmic bias. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023;18(2):30-37. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2023-2-30-37.
10. Chesnokova E. V., Usov A. I., Omel'yanyuk G. G., et al. Artificial intelligence in forensic expertology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023;18(3):60-77. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2023-3-60-77.
11. Vlasov O. O. The impact of neural network technologies on the reliability of information in images. *The Russian legal system: in search of national identity*. Collection of reports of the XIV Moscow Legal Week. XXVI International Scientific and Practical Conference of the Kutafin University (MSAL); XXV International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow, November 26–29, 2024). In 6 pts. Pt. 3. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 2025. Pp. 22-27. (In Russ.)
12. Selvaraju R. R., Cogswell M., Das A., et al. Grad-CAM: visual explanations from deep networks via gradient-based localization. *International Journal of Computer Vision*. 2020;(128):336-359. DOI: 10.1007/s11263-019-01228-7.

13. Bobovkin M. V., Didenko O. A., Nesterov A. E. Computer simulation of separate and comparative study of private characteristics based on the “Frosya” software complex. *Forensic Examination*. 2021;(3):62-71. (In Russ.) DOI: 10.25724/VAMVD.UXYZ.

Информация об авторе/ Information about the author

Туркова Наталия Михайловна, соискатель кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Nataliya M. Turkova, Applicant at the Forensic Expertise and Criminalistics Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 17.02.2026.



Взаимодействие международного и национального права в контексте дуалистической теории

Наталья Алексеевна Чернядьева

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация

chernyadnatalya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2222-1886>

Аннотация

Введение. Глобализационные процессы современности, новые трансформации мировой политико-правовой архитектуры обусловили изменение роли международного права как регулятора общественных отношений. Проблема определения природы международного права и его самостоятельности как правовой системы в таких условиях приобретает повышенную актуальность. В теории международного права одной из ведущих концепций соотношения и взаимодействия международного и национального права считается дуализм. Задачей исследования стало выявление специфических черт дуализма в соотношении и взаимодействии современного международного и национального права.

Теоретические основы. Методы. Предпринята попытка краткого анализа позиций научного сообщества о взаимодействии международного и национального права. В основе использованной методологии лежат общенаучные и специальные для юридической науки методы, прежде всего формального юридического анализа и сравнительного правоведения. Теоретические выводы подкрепляются примерами международной судебной практики.

Результаты исследования. В статье показаны специфические черты дуалистической теории в современном международном праве, раскрыты условия и особенности ее формирования, показана специфика взаимодействия современного международного и национального права.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сделан ряд выводов, из которых наиболее значимыми представляются следующие: дуалистическая теория во многом обязана своим появлением юридическому позитивизму, нормативность которого создала условия для формирования концепции правовой системы как в ее национальном, так и в международном вариантах; в основе дуализма лежат идеи самостоятельности и независимости международного и национального права; нормы международного и национального права не могут заменять и (или) отменять друг друга; в концепции дуализма предусмотрены механизмы взаимодействия и взаимовлияния международного и нацио-

нального права; в рамках дуалистической теории возможно проведение сравнительно-правовых исследований различных аспектов внутригосударственного и международного права.

Ключевые слова: дуалистическая теория, монистическая теория, международное право, национальное право, примат права, верховенство права

Для цитирования: Чернядзева Н. А. Взаимодействие международного и национального права в контексте дуалистической теории // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 1. С. 181–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.181-192.

Original article

Interaction of International and National Law in the Context of Dualistic Theory

Natalia A. Chernyadeva

Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Simferopol, Russian Federation

chernyadnatalya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2222-1886>

Abstract

Introduction. Modern globalization processes, new transformations of the world political and legal architecture have led to a change in the role of international law as a regulator of social relations. The problem of defining the nature of international law and its independence as a legal system in such conditions is becoming increasingly relevant. In the theory of international law, dualism is considered one of the leading concepts of the relationship and interaction of international and national law. The objective of the study was to identify the specific features of dualism in the relationship and interaction of modern international and national law.

Theoretical Basis. Methods. An attempt has been made to provide a brief analysis of the positions of the scientific community on the interaction between international and national law. The methodology used is based on general scientific and special methods for legal science, primarily formal legal analysis and comparative legal research methods. Theoretical conclusions are supported by examples of international judicial practice.

Results. The article shows the specific features of the dualistic theory in modern international law, reveals the conditions and features of its formation, shows the specificity of the interaction of modern international and national law.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, a number of conclusions were made, of which the most significant are the following: the dualistic theory largely owes its appearance to legal positivism, the normativity of which created the conditions for the formation of the concept of the legal system, both in its national and international versions; dualism is based on the ideas of the independence and autonomy of international and national law and the fact that the norms of international and national law cannot replace and (or) cancel each other; the concept of dualism provides for mechanisms of interaction and mutual influence of international and national law; within the framework of the dualistic theory, it is possible to conduct comparative legal studies of various aspects of domestic and international law.

Keywords: dualistic theory, monistic theory, international law, national law, primacy of law, supremacy of law

For citation: Chernyadeva N. A. Interaction of international and national law in the context of dualistic theory. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(1):181-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.1.181-192.

Введение

В последние десятилетия вопрос связи национального и международного права приобрел повышенную актуальность. Глобализационные процессы обусловили необходимость широкой координации действий различных субъектов как на общей мировой арене, так и внутри региональных образований, на межгосударственном уровне. Вопрос об автономности международно-правовой системы решается в зависимости от приверженности исследователя монистической либо дуалистической концепции.

Их различие кроется в решении основного вопроса о статусе национального права. Монизм предполагает единство права, без деления его на международное и национальное. Дуалистическая теория основана на принципиальном различии обеих систем и, соответственно, их самостоятельности. Таким образом, только в рамках дуалистической теории возможно говорить о связи между правом внутригосударственным и создаваемым на международной арене.

Теоретические основы

Вопросы соотношения и взаимодействия международного и национального права не могут считаться обойденными вниманием со стороны научного сообщества. В работах С. В. Черниченко [1], Б. И. Нефедова [2], В. В. Гаврилова [3], Д. И. Фельдмана [4] объемно рассматриваются различные аспекты международно-правовой и национально-правовой систем, а также их совместного взаимовлияния. Однако ряд актуальных аспектов современного понимания соотношения международного и национального права обуславливают потребность вернуться к исследованию данного вопроса.

В противовес монизму дуалистическая теория не имеет позитивистских корней. Позитивизм как самостоятельное учение во многом появился благодаря кризису естественно-правовых идей и особенно активно стал развиваться начиная с рубежа XVIII–XIX вв. По словам Ш. де Вишера, «...тенденция отделять право народов от естественного (nature) права и признавать его полностью позитивным до XIX в. встречается [лишь] у некоторых авторов» [5, р. 20–21].

Отметим, что позитивистская школа не выработала единых подходов к соотношению международного и национального права. Так, Г.-Ф. Гегель, один из наиболее ярких представителей позитивизма в XIX в., являясь сторонником внешнего государственного права, отрицал идею международного права. Другой немецкий юрист – А. Лассон в 1871 г. писал, что «...государства не могут быть подчинены единому правовому закону, так как это противоречит их жизненному принципу и свободе» [6, s. 182].

Уже в XX в. в зарубежной юриспруденции сложились теории политического (Г. Моргентау) и юридического (М. Макдугал) реализма (обе имеют по-

зитивистские корни), которые в своем радикальном варианте отрицали существование международного права, а в более «мягкой» версии существенно принижали его роль и значение в регулировании международных отношений [7, с. 13–14]. Такой подход не может считаться лидирующим в позитивистской школе.

Большинство ученых-позитивистов признавали за государствами право создавать международно-правовые нормы путем заключения международно-правовых договоров и признания международно-правовых обычаев [8, с. 44–46, 48–51]. Из наиболее значимых сторонников такого подхода назовем Г. Триппеля (Германия) [9], Д. Анцилотти (Италия) [10], Л. Оппенгейма (Германия) [11, с. 32–36], Я. Броунли (Великобритания) [12, р. 61–65].

В отечественной правовой науке (как дореволюционной, так и советской и постсоветской) лидирует взгляд на международное право как на самостоятельную правовую систему. При этом российские исследователи признают взаимосвязь и взаимозависимость внутригосударственного и международного права. Например, дореволюционный юрист-международник Л. А. Камаровский утверждал: «Международное [право] – едино и универсально. Оно едино в том смысле, что не может носить национальный характер. Отдельные государства хотя и являются выразителями и охранителями его норм, но никогда [не применяют их] в своей обособленности и по своему усмотрению. Нормы, выставленные каким-либо одним государством, превращаются в международные лишь на основании согласия всех остальных народов...» [13, с. 4].

Результаты исследования

Именно позитивистская традиция, заложив основы учения о правовой системе, сформировала представление о том, что международное право является самостоятельным правовым феноменом. Это, в свою очередь, создало условия для развития дуалистической теории соотношения международного и внутригосударственного (национального) права [14, с. 3–5]. Ее важным аспектом следует считать безусловное признание самостоятельности национальных правовых систем по отношению друг к другу как следствие действия принципов равенства государств и уважения их суверенитета в международном праве.

Этот, казалось бы, незыблемый факт достаточно часто ставится под сомнение и в науке международного права, и в практической международно-правовой действительности сторонниками верховенства международного права над национальным и теми, кто формально признает правовую независимость государств, но считает возможным навязывать государствам определенные правовые модели поведения. Например, Международный Суд ООН в консультативном заключении от 26 апреля 1988 г. подчеркнул, что существует «фундаментальный принцип международного права, согласно которому международное право превалирует над внутригосударственным правом»¹.

По словам Ю. А. Тихомирова, в ООН часто говорят о легитимации «...права вмешиваться во имя более высоких интересов мирового сообщества и его ценностей» [5, с. 23].

¹ См.: ICJ. Applicability of the Obligation to Arbitrate under Section 21 of the United Nations Headquarters Agreement of 26 June 1947. Advisory Opinion of 26 April 1988 // I. C. J. Reports 1988. P. 34–35.

Справедливости ради отметим, что идея самостоятельности и международного, и национального права прочно укоренилась в деятельности большинства международных организаций. Например, в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 г. указывается: «Вопросы регулирования пенсионного обеспечения и социальных гарантий должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда подчинены двум самостоятельным правовым порядкам: международно-правовому и национальному»².

Таким образом, позитивизм, подчеркивая ведущую роль государства в правовой сфере, рассматривает международное право как систему норм, основанных на согласии государств. Позитивисты, разграничивая международное и национальное право, руководствуются верховенством государства и наличием значительных различий между двумя действующими правовыми порядками.

Рассмотрим действие норм международного права в контексте дуалистической теории. Дуалистическая теория основана на четком различии между двумя системами права – внутригосударственного и международного. Нормы международного права и внутригосударственного права существуют самостоятельно и не могут заменять или отменять друг друга. Это происходит из-за принципиально разного характера межгосударственных и внутригосударственных правоотношений [16, р. 131].

При этом в абсолютном большинстве государств предусмотрена возможность осуществления международно-правовых норм. Этот факт не следует рассматривать как доказательство примата международного права над внутригосударственным. Реализация международно-правовых норм во внутреннем правовом порядке – это право государства, отражение его верховной власти на своей территории. Для этого требуется специальная законодательная процедура их адаптации (трансформации или инкорпорации). Выбор способа имплементации, как и сама ее допустимость, целиком зависят от усмотрения каждого государства. Заметим, что внедрение международного права в национальное осуществляется по правилам, установленным в государстве. Таким образом, можно условно говорить о первичном характере национального права относительно международного в процессе имплементации, о трансформации международно-правовых норм и их приспособлении к действию в национальном правовом порядке. При этом нельзя говорить о безусловном приоритете национально-правовой нормы над международной. В каждом государстве этот вопрос решается особо.

Так, в ряде государств (Ирландия, Канада, Малайзия, Индия, скандинавские страны и др.) на конституционном уровне закреплена дуалистическая система: нормы международного права, содержащиеся в договорах, приобретают силу национального закона посредством принятия соответствующего акта национального права [17]. Например, в п. 6 ст. 29 Конституции Ирландии прямо закреплено: «Международное соглашение не является частью внутригосударственного права, если иное не установлено парламентом»³.

² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 20 декабря 2018 г. № СЕ-2-2/7-18-БК. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Bunreacht na Héireann. Enacted by the People 1st July, 1937. In operation as from 29th December, 1937. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Ireland_\(original_text\)](https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Ireland_(original_text)).

В конституциях большинства европейских стран предусмотрена норма, согласно которой признанные нормы международного права считаются частью национальной правовой системы. Такая система принята, например, в Австрии, Италии, Франции и Германии [18, с. 77–89]. Конституция Нидерландов в ст. 94 предусматривает, что международные договоры, участником которых является государство, имеют преимущественную силу над национальными законами, если законы противоречат международным договорам⁴. В российской Конституции также установлен примат международного права над национальным федеральным законодательством (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 62 и 63 Конституции России).

Наше государство ведет активную международную политико-правовую работу. В связи с этим закономерно наличие обширного массива международно-правовых норм, которые с помощью установленных процедур имплементируются в российскую правовую систему. Такие нормы, являясь по своей природе международно-правовыми, приобретают свойство национально-правовых: способность участвовать в регулировании внутригосударственных правоотношений. В иерархической системе они занимают определенное место. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П говорится о недопустимости «...имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации...»⁵. Об этом же неоднократно высказывался Президент России В. В. Путин: «...требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»⁶. Таким образом, конституционные предписания, связанные с обеспечением прав человека и закрепляющие основы конституционного строя, обладают наибольшей юридической силой по отношению ко всем иным правовым нормам, в том числе и имплементированным из источников международного права.

Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснения о соотношении федерального законодательства и международных договоров, указав, что большей юридической силой обладают международные договоры, «...решения о согласии на обязательность которых были приняты в форме федерального закона, в то время как международный договор, решение о согласии на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеет приоритет в применении лишь в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор»⁷.

⁴ Grondwet Voor het Koninkrijk der Nederlanden. URL: [https://nl.m.wikisource.org/wiki/Grondwet_voor_het_Koninkrijk_der_Nederlanden_\(1815\)](https://nl.m.wikisource.org/wiki/Grondwet_voor_het_Koninkrijk_der_Nederlanden_(1815)).

⁵ Российская газета. 2015. 27 июля.

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148>.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных прин-

На практике может также встать вопрос о соотношении силы действия российского нормативного правового акта и решения международной организации, относящегося к источникам международного права. Известно, что большинство таких решений обладают статусом источника «мягкого права», носят рекомендательный характер. Для них имплементация не представляется возможной. Однако для решений международных организаций, обязательных для исполнения всеми участниками данных организаций либо субъектами, которым они адресованы (например, для *резолюций Совета Безопасности ООН*, принятых в соответствии со ст. 24, 25 Устава ООН), предусмотрены правила интеграции в национальный правовой порядок. Но для них также остается безусловным приоритет российской Конституции.

На практике иногда государство, правомерно действуя как субъект национального права, не соблюдает взятые на себя международно-правовые обязательства. В таком случае начинают работать международно-правовые механизмы обеспечения исполнения обязательства, применяются меры международно-правовой ответственности. Но национальное право при этом не обязательно реагирует на сложившуюся ситуацию. В контексте дуализма считается возможным отказ государства от осуществления норм международного права в своей национально-правовой системе.

Примером может служить Япония. В статье 98 Конституции 1947 г. установлено два правила: 1) приоритет Конституции над любыми правовыми актами; 2) обязанность Японии добросовестно соблюдать заключенные договоры и общепринятые нормы международного права⁸. Таким образом, Япония, формально не отказываясь от международно-правовых обязательств, конституционно закрепила для себя возможность не исполнять их во внутреннем правовом порядке в случае несоответствия положениям национальной Конституции.

Другой пример – сложившаяся юридическая практика США, согласно которой любой новый федеральный статут США становится для Конгресса США причиной начала процедуры отказа от внутригосударственного эффекта международных обязательств США. Правда, при этом специально оговаривается, что статут должен содержать противоречащие международному договору положения и отказ от «внутригосударственного действия» не влечет для США отказа от обязательств в международном плане [3, с. 134–135].

Сосуществование международного и национального права требует создания специальных механизмов согласования и взаимодействия этих правовых комплексов. Как справедливо отмечал М. Н. Марченко, дуалистический подход «...не только не отрицает, а, наоборот, предполагает взаимосвязь, взаимодействие и взаимное влияние международного и национального права»⁹. Причиной этого стало расширение сферы применения международного права в различных сферах общественной жизни. В результате такого взаимодействия обе правовые системы содержательно и структурно обогащают друг

ципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 8). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Конституция Японии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>.

⁹ Марченко М. Н. Теория государства и права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2004. С. 486–487.

друга: способствуют реновации традиционных отраслей и институтов права и созданию новых; обеспечивают единство международной и национальной правотворческой и правоприменительной практики; устанавливают взаимные векторы предпочтительного правового развития по отдельным направлениям международного и внутригосударственного права [7, с. 25–27].

Более очевидным для современного юриста является влияние международного права на национальное. Международные правовые нормы устанавливают определенные модели государственного поведения, в том числе и во внутреннем правопорядке, создают общую для государств систему обязательств по отдельным вопросам общественного развития. Благодаря этому возникают единые (в рамках процесса унификации) или близкие по содержанию (в случае гармонизации) национальные правовые нормы, формируются новые государственные функции и элементы государственного правового механизма.

Так, в сфере международно-правовой борьбы с терроризмом во всех принятых в системе ООН соглашениях наблюдается тенденция использования для противодействия терроризму национального уголовного права (например, ст. 6 Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма в редакции 2005 г.). Данные акты не содержат правил, касающихся возможности привлечения к ответственности за преступления террористического характера, но создают условия для реализации соответствующих международных правовых норм в национальных правовых системах [19, с. 177–180].

С другой стороны, государства, создавая международно-правовые нормы, в обязательном порядке учитывают свою национально-правовую специфику и могут возражать против участия в международно-правовых актах, которые противоречат основам их конституционного строя или требуют внесения существенных изменений во внутригосударственное право.

Например, акты в сфере борьбы с терроризмом сложны для государств в аспекте принятия и адаптации содержащихся в них международно-правовых обязательств. Требование создать на государственном уровне реальный и эффективный уголовно-правовой механизм борьбы с терроризмом отражается на сроках ратификаций антитеррористических конвенций отдельными государствами. Так, Япония признала, что ратификация Конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. потребовала от нее провести чрезвычайно сложный и трудный законодательный процесс, который, по общему выражению А. Масахико, имел шансы стать «могилой для Конвенции» [20, р. 312].

Обсуждение и заключение

Подведем итоги обзора дуалистической теории в контексте определения пределов действия норм международного права.

Во-первых, дуалистическая теория во многом обязана своим появлением юридическому позитивизму. Нормативность как основной признак позитивизма создала условия для формирования концепции правовой системы как в ее национальном, так и в международном вариантах.

Во-вторых, в основе дуализма лежат два основных постулата: 1) самостоятельность и независимость международного и национального права; 2) нормы международного и национального права не могут заменять и (или) отменять друг друга.

В-третьих, в концепции дуализма предусмотрены механизмы взаимодействия международного и национального права. Для того чтобы норма международного права начала действовать в национальном правовом порядке, ей необходимо придать силу национально-правовой нормы. Вместе с тем международное право представляет собой *согласованные государствами* нормативные предписания, а значит, учитывает основные правовые нормы, действующие в отдельных национальных правовых порядках. Таким образом, национальное право косвенно влияет на содержание международного права.

В-четвертых, в рамках дуалистической теории возможно проведение сравнительно-правовых исследований различных аспектов внутригосударственного и международного права.

В-пятых, в современной юридической науке преобладает точка зрения, согласно которой дуалистическая и монистическая теории в чистом виде не реализуются ни в одной из имеющихся правовых систем. В праве каждого конкретного государства сочетаются оба подхода, определяющих реальное соотношение международной и национальной правовых систем.

В конечном счете констатируем: с одной стороны, то, что международное право как самостоятельный правовой феномен состоялось, не подлежит сомнению; с другой стороны, попытки объединить под эгидой международного права все национальные нормы права (создать «супер-универсальное право» для всего человечества) признаны утопическими. По словам В. В. Гаврилова, «несмотря на растущую интенсивность содержательного и регулятивного взаимодействия международных и национальных правовых норм, их все более тесное переплетение в рамках правоприменительных комплексов, сегодня было бы неправильным говорить о стирании границ между международным и внутригосударственным правом, а тем более об их объединении в правовую систему более высокого уровня. Это привело бы к нарушению их нормального функционирования и вступило бы в противоречие с фактом существования международной и национальных правовых систем как самостоятельных образований» [7, с. 28].

Список источников

1. Черниченко С. В. Контуры международного права: общие вопросы. М. : Науч. кн., 2014. 592 с.
2. Нефедов Б. И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.
3. Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. М. : Инфра-М, 2018. 222 с.
4. Фельдман Д. И. Система международного права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. 116 с.
5. Visser Ch. de. Theory and reality in public international law. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1968. 398 p.
6. Lassen A. Prinzip und Zukunft des Völkerrechts. Berlin : W. Hertz, 1887. 221 s.

7. Гаврилов В. В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия : автореф. дис... д-ра юрид. наук. Казань, 2006. 42 с.
8. Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг. СПб. : Тип. М-ва пут. сообщ., 1879. 656 с.
9. Triepel H. Völkerrecht und landesrecht. Leipzig : C. L. Hirschfeld, 1899. 476 s.
10. Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1 / пер. с итал. А. Л. Саккетти, Э. М. Фабрикова ; под ред. Д. Б. Левина. М. : Иностр. лит., 1961. 457 с.
11. Оппенгейм Л. Международное право. М. : Иностр. лит., 1948. 408 с.
12. Brownlie I. Principles of public international law. 6th ed. Oxford University Press, 2004. 784 p.
13. Камаровский А. А. Международное право. М. : Типолит. Г. И. Простакова. Балчуг. Дом Симонова монастыря, 1905. 118 с.
14. Гефтер А.-В. Европейское международное право. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1880. 619 с.
15. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. 432 с.
16. Show M. N. International law. 6th ed. New York : Cambridge University Press, 2008. 1710 p.
17. Осминин Б. И. Реализация международных договорных обязательств в государствах, придерживающихся дуалистической теории // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 44–53.
18. Клемин А. В. ФРГ: соотношение международного и национального права // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 77–89.
19. Чернядзева Н. А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 540 с.
20. Masahiko A. Security Council Resolution 1540 to Combat WMD Terrorism: effectiveness and legitimacy in international legislation // Journal of Conflict & Security Law. 2009. Vol. 13, no. 3. P. 303–332.

References

1. Chernichenko S. V. *Contours of international law: general issues*. Moscow: Nauchnaya kniga; 2014. 592 p. (In Russ.)
2. Nefedov B. I. *Correlation of international and domestic law: the problem of formation of intersystem entities*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 54 p. (In Russ.)
3. Gavrilov V. V. *Concept and interaction of international and national legal systems*. Moscow: Infra-M; 2018. 222 p. (In Russ.)
4. Feldman D. I. *System of international law*. Kazan: Publishing House of Kazan University; 1983. 116 p. (In Russ.)

5. Visser Ch. de. *Theory and reality in public international law*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1968. 398 p.
6. Lassen A. *Prinzip und Zukunft des Volkerrechts*. Berlin: W. Hertz; 1887. 221 s.
7. Gavrilov V. V. *International and national legal systems: concept and main directions of interaction*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Kazan; 2006. 42 p. (In Russ.)
8. Martens F. *The Eastern War and the Brussels Conference. 1874–1878*. St. Petersburg: Printing House of Ministry of Railways; 1879. 656 p. (In Russ.)
9. Triepel H. *Völkerrecht und landesrecht*. Leipzig: C. L. Hirschfeld; 1899. 476 p.
10. Anzilotti D. *Course of international law*. Vol. 1. Transl. from Italian by A. L. Sacchetti, E. M. Fabrikov. Ed. D. B. Levin. Moscow: Inostrannaya literatura; 1961. 457 p. (In Russ.)
11. Oppenheim L. *International law*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1948. 408 p. (In Russ.)
12. Brownlie I. *Principles of public international law*. 6th ed. Oxford University Press; 2004. 784 p.
13. Kamarovsky L. A. *International law*. Moscow: Printing House of G. I. Prostakov. Balchug. House of the Simonov Monastery; 1905. 118 p. (In Russ.)
14. Gefter A.-V. *European international law*. St. Petersburg: Printing House of V. Bezobrazov and Company; 1880. 619 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov Yu. A. *Course of comparative law*. Moscow: Norma; 1996. 432 p. (In Russ.)
16. Show M. N. *International law*. 6th ed. New York: Cambridge University Press; 2008. 1710 p.
17. Osminin B. I. Implementation of international treaty obligations in states adhering to the dualist theory. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;(2):44-53. (In Russ.)
18. Klemin A. V. FRG: the correlation between international and national law. *Contemporary Europe*. 2017;(2):77-89. (In Russ.)
19. Chernyadeva N. A. *Current state and development trends of the international legal fight against terrorism*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2018. 540 p. (In Russ.)
20. Masahiko A. Security Council Resolution 1540 to Combat WMD Terrorism: effectiveness and legitimacy in international legislation. *Journal of Conflict & Security Law*. 2009;13(3):303-332.

Информация об авторе / Information about the author

Чернядьева Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российской государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 295000, Республика Крым, Симферополь, ул. Павленко, д. 5).

Natalia A. Chernyadeva, Dr. Sci. (Law), Professor at the State Law Disciplines Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 16.03.2025; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 16.03.2025; accepted for publication 17.02.2026.